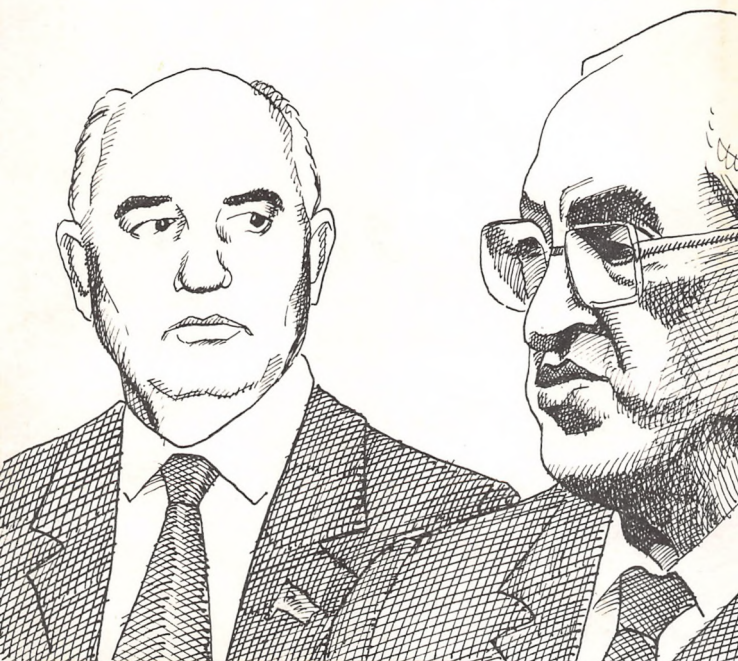

А.АВТОРХАНОВ ОТ АНДРОПОВА К ГОРБАЧЁВУ

А.АВТОРХАНОВ

Дела и дни Кремля

**ОТ АНДРОПОВА
К ГОРБАЧЁВУ**

YMCA-PRESS

**11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris**

1986

Обложка работы А. Ракузина

ВВЕДЕНИЕ

Генсек и его власть

С мировой славой представителя молодого поколения коммунистов на трон генсека воссел Михаил Сергеевич Горбачев. Этот "молодой коммунист" в партии состоит уже 33 года и находится в возрасте, в котором умер основатель советского государства Ленин, — в 1985 году Горбачеву исполнилось 54 года. Чтобы прослыть молодым, ему надо было очутиться в уникальной компании стариков из Политбюро. Горбачев — шестой генсек со времени учреждения этой должности. Сталин занимал этот пост 30 лет (1922—1952), Хрущев — 11 лет (1953—1964), Брежнев — 18 лет (1964—1982), Андропов — 15 месяцев (1982—1984), Черненко 13 месяцев (1984—1985).

Эпоха Сталина стала знаменита кровавыми злодеяниями тирана, эпоха Хрущева разоблачениями этих злодеяний, на эпохе Брежнева лежит печать политического безвременья и тотальной коррупции. Захвативший его трон Андропов, мелькнув как метеор по партийному небосклону, ярко осветил внутренность брежневской эпохи во всей ее неприглядной наготе. Мы, наблюдатели издалека, знали почти все пороки системы, но что эти пороки приняли столь чудовищный масштаб — мы впервые узнали из той безнадежной борьбы, которую объявил им Андропов. Правда, Андропов не разоблачал личность Брежнева, как Хрущев личность Сталина. Андропов разрешил печати в определенных

границах разоблачать факты коррупции, а эти факты сами разоблачали всю эпоху Брежнева.

Кратковременное междуцарствие Черненко — этот реванш партаппаратчиков чекистам за военно-чекистский переворот Андропова — было тщетной попыткой спасти пожизненное господство одряхлевшей партийной, государственной и хозяйственной бюрократии. Генсекство Горбачева, будучи по своему стратегическому замыслу продолжением политического курса Андропова, обещает стать новой попыткой вывести Советский Союз из экономического и социального тупика. Сказанное оправдывает необходимость более подробно остановиться на должности генсека, на ее исторической эволюции, а также на определении места генсека на вершине партократии. Сокращение "генсек" — от "генерального секретаря" — принадлежит Ленину, как и инициатива создания такой должности.

Сейчас запрещено употреблять это сокращение, да еще "генеральный" надо писать с большой буквы, если говорится о некоммунистических генсеках. Пост генсека при Ленине носил исполнительно-технический характер. У генсека тогда была одна обязанность — следить за исполнением решений Политбюро и Оргбюро, и две привилегии — председательствовать на заседаниях Секретариата ЦК и руководить техническим аппаратом ЦК.

Сталин еще при Ленине начал превращать должность генсека в директивно-распорядительную власть над партией и государством. После ликвидации "ленинской гвардии" генсек стал единоличным диктатором. Все последующие генсеки — исполнители воли Политбюро. Будучи первыми среди равных олигархов, они пользуются и некоторыми привилегиями престижного характера, которыми

не пользуются другие. Их имена в партийном протоколе называют первыми вне алфавита, а всех других называют в порядке алфавита. Их слова цитируют почти в каждой передовой статье "Правды" и во всех политических статьях печати страны, но слова эти выражают все, что угодно, кроме остроумия, оригинальности или новой мысли, других олигархов не принято цитировать. Каждый член коллективной диктатуры в своем выступлении, о чем бы речь ни шла, должен обязательно сослаться на указание генсека. Каждого генсека при его личной характеристике надо величать "выдающийся партийный и государственный деятель", других членов диктатуры называют "видными партийными и государственными деятелями". Только один генсек имеет право быть названным "продолжателем дела Ленина". Но и тут есть свои нюансы в терминологии. Сталин и Хрущев прямо назывались "продолжателями дела Ленина", Брежнев был "продолжателем великого дела Ленина", в данном контексте прилагательное, как это парадоксально ни звучит, снижает ранг Брежнева, как "продолжателя дела Ленина", ибо продолжателями "великого дела" Ленина являются все коммунисты. Андропов не разрешил поставить себя рядом с Лениным. Что же касается Черненко, то через год его генсекства член Политбюро Гришин назвал Черненко "продолжателем ленинского дела". Это было уже выше Андропова, но ниже Брежнева. Горбачев не прицепил Черненко к Ленину, но зато назвал зримо умирающего генсека "душой Политбюро".

Есть у генсека еще и другая, для практической политики правящей догматической партии весьма важная, привилегия — это сан главного теоретика партии. Только генсек имеет право выдвигать

оригинальные теоретические новшества в марксизме-ленинизме и пересматривать его устаревшие или просто неугодные сегодня догматы. Заметим сразу. Ни один из генсеков, включая Сталина, никаких новых теоретических вкладов в марксизм-ленинизм не сделал. Даже те "вклады", которые приписывались послесталинским генсекам, делали не они лично, а их советники и референты.

Русская история необычайно своенравна и полна причудами. Ведь как объяснить рационально, что первыми теоретиками марксизма в России были не большевики и не меньшевики, таких понятий тогда еще не было на свете, а идеологи русского либерализма — П. Струве, М. Туган-Барановский, С. Булгаков, Н. Бердяев, которые вошли в историю как "легальные марксисты" (они проповедовали свои марксистские взгляды в тогдашней легальной печати в России и издавали свои собственные журналы в Петербурге и Москве. Петр Струве даже был автором первого марксистского "Манифеста РСДРП", который входит и до сих пор в кодификацию КПСС (см. том первый "КПСС в резолюциях"). Потом из них первые два стали идеологами русской демократической партии кадетов, а последние два богословами.

Основоположником русского марксистского социализма был будущий вождь меньшевиков Георгий Плеханов. На его трудах по марксизму училось все ленинское поколение большевиков. Плеханов умер в 1918 г. в Петрограде непримиримым врагом большевизма и Ленина, но года через два Ленин писал, что никто не может считать себя образованным марксистом, если он не читал все, что написал Плеханов.

В общепринятом смысле этого слова сам Ленин не был теоретиком марксизма, каким был

Плеханов, зато Ленин был марксистским стратегом революции, каким не был Плеханов. Да и почти вся теоретическая элита русских марксистов находилась в рядах меньшевиков, большевики располагали мастерами революционного подполья и организаторами революционной пропаганды. После революции в теоретиках партии числился Н. Бухарин. Сталин как теоретик был ничто, как политический стратег — весь из Ленина, однако, как мастер власти, — выше Ленина.

Троцкий был выдающимся публицистом и трибуном. Он знал, как делать революцию, но совершенно не знал, что делать с властью, которую создали в результате революции. Не знал и основного урока всех революций — твоя же власть тебя же сожрет, если не сумеешь вовремя ее оседлать. Большевистские адъютанты Ленина по эмиграции, Зиновьев и Каменев, тоже не были теоретиками, а в политике оказались ничтожествами, ибо, сделавшись во время болезни Ленина бездумными союзниками Сталина, именно они проложили ему путь к единоличной тирании. Да, Сталин как теоретик был ничто, но как стратег стоял выше всех, благодаря изумительному дару обосновывать свои злодеяния ссылками на марксизм.

Ни в каких официальных партийных документах нет описания прав и обязанностей генсека. Даже в уставе партии упоминание о генсеке впервые ввел Брежнев на XXIII съезде КПСС в 1966 г. Эту инициативу Брежнева надо объяснить не только его известной манией к помпезности и внешней мишуре, но еще и хитроумным умыслом. В старом уставе говорилось, что пленум ЦК избирает из своей среды Президиум (Политбюро) и Секретариат ЦК, Брежнев предложил теперь добавить, что

пленум ЦК избирает также и генерального секретаря ЦК. Это означало, что Политбюро не может выкинуть генерального секретаря, избранного пленумом ЦК и утвержденного на съезде партии, как он и его коллеги по Политбюро выкинули в свое время Хрущева. И все-таки пост генсека есть то, что из него делает его владелец. Известные слова Ленина из его "Политического завещания", что Сталин, став генсеком, сосредоточил в своих руках "необъятную власть" и что он, Ленин, не уверен, не будет ли Сталин злоупотреблять этой властью, доказывают, кроме всего прочего, что пост генсека правящей партии может дать его носителю де факто высшую власть и над правящей партией, и над государством, причем власть, не ограниченную ни уставом партии, ни конституцией СССР, в которой должность генсека вообще не указана.

Должность генсека через тридцать лет, в 1952 г., на XIX съезде, значит, еще при Сталине, была упразднена. Была создана новая должность — "первого секретаря" ЦК. Им стал Маленков. Став после смерти Сталина председателем Совета министров, Маленков вынужден был через пару недель оставить этот пост, который в сентябре 1953 г. занял Хрущев. На том же съезде было переименовано Политбюро в Президиум ЦК. Какие же были мотивы этой перелицовки фасада диктатуры — до сих пор неясно. Если отставка Сталина с поста генсека на пленуме ЦК, избранном XIX съездом, является документально подтвержденным фактом, то как мотивы сталинской отставки, так и истинные причины переименования Политбюро и поста генсека неизвестны. Официальное объяснение, данное от имени ЦК Л. Кагановичем на XIX съезде, было

кущим и невразумительным. Каганович сказал, что название "Президиум ЦК" лучше отвечает обязанностям, которые выполняет Политбюро. Восстанавливая старое название Политбюро, брежневское руководство повторило Кагановича, только в обратном порядке: название Политбюро лучше отвечает обязанностям, которые выполняет Президиум.

Почему же все-таки восстановили старые названия? Здесь едва ли могут быть разные ответы. Роль сыграли не правовые соображения, а психологический синдром партийных карьеристов. Политбюро на протяжении более тридцати лет было Олимпом партийных богов во главе с супербогом Сталиным. У партократов появлялись слезы умиления с нескончаемой сващей, когда они на своих бесчисленных сборищах выбирали этих богов в почетный президиум. Но вот теперь, после тяжкого, долгого и унижительного восхождения к партийному Олимпу, они наконец добрались до цели, но у входа на Олимп увидели не вожделенное, магическое слово "Политбюро", а другое — избитое и давно проституированное слово "Президиум". Ведь для них воистину "в начале было слово", и это слово было "Политбюро". Теперь выясняется, что они прибыли не в обитель богов — в "Политбюро", а в какой-то "Президиум". Ведь в государстве "президиумов" десятки тысяч, начиная от сельсоветов и до всяких там верховных советов. И новые боги были единодушны в своем решении: восстановить поруганный Олимп во всем его величии и блеске и вновь написать у входа "Политбюро". Так же поступили и с названием генсека. Брежнев решил, что он, как и Сталин, будет генсеком, вместо того, чтобы называться "первым секретарем", ибо первых секретарей в партии ведь тоже тысячи, а генсек

один. В некотором отношении они даже переплюнули обитателей старого Олимпа. Сталин не разрешал величать себя "генеральным секретарем" и подписывался тоже просто: "секретарь ЦК", а эти бесконечно повторяют, что данное лицо — "генеральный секретарь".

Сталинские наркомы и министры, являющиеся членами Политбюро, перечислялись без указания, что они члены Политбюро, а теперь даже впереди председателя Президиума Верховного Совета СССР или Совета министров СССР сначала ставят "член Политбюро", а потом только указывают их высокие должности. Партийным тугодумам невдомек, что ставя часть выше целого, партию выше государства, они оскорбляют собственное "общенародное государство".

Как велика власть генсека, являющегося, скажем, одновременно и главой советского государства в качестве председателя Президиума Верховного Совета СССР? Можно ли сравнить эту власть с властью глав государств президентской системы, например, с властью американского или французского президентов или с властью премьер-министров в странах, где глава государства лишь репрезентативная фигура? После Сталина и Хрущева в Кремле стабилизировалась коллегиальная диктатура. Поэтому глава этой диктатуры не диктатор, а исполнитель воли и решений коллективной диктатуры. В этом смысле постсталинская партия вернулась к так называемым "ленинским принципам" коллегиального руководства. Поскольку эти принципы отрицают диктатуру одного лица, то в партийном уставе всегда указывались только органы коллективной диктатуры — пленум ЦК и Политбюро, их побочные органы Оргбюро и Секретариат ЦК, но никогда не

указывался генсек ЦК. Отсюда понятно, что не было надобности фиксировать в уставе его права и обязанности.

Совершенно так же обстоит дело и с высшими органами государственной власти. Во всех четырех советских конституциях 1918, 1924, 1936 и 1977 гг. глава государства — не отдельное лицо, а коллектив, в старых конституциях президиум ЦИК СССР, а в новых конституциях президиум Верховного Совета СССР, а председатель этих президиумов лишь подписывает декреты и законы, принятые ими по прямому поручению партийной коллегиальной диктатуры. В силу этого не было также надобности указывать в советских конституциях права и обязанности советских "президентов", как и функции советских "премьеров". Даже Сталин, будучи единоличным диктатором, никогда не правил от собственного имени, как генсек, а от имени коллективной диктатуры, стараясь создавать впечатление, что партией правит не генсек, а ЦК и его Политбюро.

Законы якобы тоже издает не Политбюро, а Президиум Верховного Совета. Единственное новшество Сталина — принимать решения правительства от имени Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б), но и в этом случае первым подписывал предсовнаркома Молотов, а вторым — секретарь ЦК Сталин. Когда сам Сталин стал председателем правительства, его подпись стояла первой, но за ЦК подписывал уж другой его секретарь.

Совершенно иначе обстоит дело в демократических государствах. В их конституциях ясно определены прерогативы, объем и границы власти президентов и премьеров. Существующее в этих государствах разделение власти законодательной, судебной и исполнительной, наличие в них политических свобод

и свободной печати затрудняют появление там тиранов легальным путем. Сравнить западные парламенты с советским "парламентом", западные выборы с комедией советских выборов — вещь абсурдная. Если все же сравнивать власть послесталинских генсеков, скажем, с властью американского президента, надо констатировать факт, который покажется невероятным только тем, кто не знаком с описанным выше механизмом власти в СССР, а факт этот следующий: президент США пользуется и юридически и фактически большей властью, чем генсек, если даже генсек и председатель Президиума Верховного Совета.

Причем в прерогативы президентской власти в США не может вмешиваться в остальном всесильный американский парламент — Конгресс. Поэтому, когда Политбюро направляет генсека на встречу на высшем уровне за границей, то все, что он должен говорить, вручается ему в письменном виде. Его роль — читать врученные ему документы. Если же возникнут неожиданные проблемы или вопросы, на которые тут же надо дать ответ, то генсека сопровождает целая радио-телефонно-телеграфная аппаратура, по которой он получает директивы Политбюро. Генсек не получает чрезвычайных полномочий даже в случае войны. Если в Белом Доме на атомной кнопке держит палец одно лицо — президент, то в Кремле держат на ней столько пальцев, сколько Политбюро имеет членов.

Нынешние генсеки не диктаторы, а слуги Политбюро. Поэтому в кресле генсека могут сидеть и политические ничтожества, но сам пост генсека — вакантная должность для единоличного диктатора, если ее займет волевое и властное лицо. Все диктаторы дрожат за свою жизнь, абсолютные диктаторы

дрожат абсолютно, причем дрожат не от страха перед народом, с которым прямо дела не имеют, а от страха перед собственной кликой. Чтобы стать диктатором, надо убрать, лучше уничтожить, сначала клику, при помощи которой ты пришел к власти, как это сделал Гитлер со штабом своих штурмовиков и Сталин с ленинским ЦК и его Политбюро. Где это не было сделано, клика свергала своего диктатора, как Большой фашистский совет сверг Муссолини и Политбюро свергло Хрущева. После Хрущева партийная клика учла исторические уроки — отныне в кресло генсека сажали политические ничтожества (Брежнев, Черненко, а Андропов сам захватил этот пост, опираясь на военно-полицейский аппарат). Но если ты уже занял это кресло и не претендуешь на единовластие, то ты можешь сидеть там пожизненно, будучи даже дряхлым или смертельно больным. Поразительно, что сама партийная клика перед всем миром намеренно показывала своих дряхлых генсеков, словно для того, чтобы мир видел — страной правят не эти безнадёжные генсеки, а она — клика Политбюро. Отсюда и родился новейший советский анекдот о трех предыдущих генсеках: "После долгой, тяжелой болезни, не приходя в сознание, генсек приступил к исполнению своих обязанностей"!

Однако, как уже подчеркивалось, не только "коллективная диктатура", но и единоличный диктатор в Кремле стараются создать во внешнем мире впечатление, что единоличный диктатор вовсе не диктатор, а исполнитель воли Политбюро, а само Политбюро вовсе не диктатура олигархии, а исполнительная инстанция воли советского народа. Вот два примера, свидетельствующие о такой тактике Кремля. Добиваясь максимальных успехов у Рузвельта и Черчилля на Ялтинской конференции, Сталин

аргументировал свою неуступчивую позицию тем, что потом русский народ скажет, что Сталин и Молотов защищали русские интересы хуже, чем их защищали русские цари, а его всесильное Политбюро откажется утвердить соглашения в Ялте. Сталин убеждал, в частности, Рузвельта, что слава о нем, о Сталине, как о диктаторе — это просто миф, он подотчетен и зависим от Политбюро, как Рузвельт зависит от своего Конгресса. И трюк вполне удался. Ведь Рузвельт говорил тогда, что "дядя Джо" человек добрый, а вот Политбюро его — учреждение ужасное. Даже тогда, когда Сталин начал, вопреки соглашениям в Ялте, большевизировать восточную Европу, министр иностранных дел США Эдвард Стеттинус объяснял акции Сталина нажимом этого "ужасного учреждения". Вот его утверждение: "Когда маршал Сталин вернулся с конференции, Политбюро взяло его в оборот за то, что он вел себя на ней чересчур дружелюбно и сделал двум капиталистическим странам много уступок". ("НРС", 6.2.1985). Наученные горьким опытом истории, нынешние американцы, надо думать, не так уж наивны в понимании советского механизма власти. Когда в Белом Доме член Политбюро Щербицкий самоуверенно и вызывающе заявил президенту Рейгану, что "советский народ" не потерпит новой угрозы США в космосе, то президент дал единственно правильный ответ: "Советский народ имеет мало что сказать в отношении того, что делает его правительство". ("Нью-Йорк Таймс"). Только такой язык понимают и уважают владыки Кремля.

ЧАСТЬ I. ОТ БРЕЖНЕВА К АНДРОПОВУ

Глава 1. Последний съезд Брежнева

В последние годы правления Брежнева в центре внимания Кремля стояли два события: XXVI съезд КПСС (1981) и "пролетарская революция" в Польше в августе 1980 г. Проанализируем эти события.

Накануне XXVI съезда Брежнев преподнес знаменитым протоколам ЦК (а этот протокол ведется куда скрупулезнее, чем его вели дворы абсолютистских монархий) сюрприз, на который не отважился бы не только Ленин, но и сам Сталин.

Брежнев дал понять в "Правде", что он, как генеральный секретарь, стоит выше Политбюро (по уставу высшие руководящие органы партии идут по нисходящей линии так: съезд партии, пленум ЦК, Политбюро, Секретариат, генсек). Так, когда Политбюро вынесло от имени ЦК постановление об утверждении "Основных направлений экономического и социального развития", Брежнев присовокупил к нему свое личное постановление: "1. *Одобрить* проект ЦК КПСС... 2. Опубликовать проект ЦК КПСС... 3. Провести обсуждение проекта... Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев". ("Правда", 2. 12. 1980).

Формула раньше гласила, в согласии с уставом, что ЦК одобряет проект любого докладчика, в том числе и генсека, у Брежнева получилось наоборот. Что это — сознательный антиуставный акт или протокольный ляпсус? Но этот ляпсус очень

характерен для стиля брежневского руководства и вполне укладывается в рамки раздуваемого до абсурда "культа Брежнева" (по телевидению и во всех кинотеатрах идут серии фильмов, снятых по мемуарам Брежнева, в стиле всепобеждающего древнерусского богатыря, перед которым бледнеют все эти мифические Геркулесы и исторические Наполеоны). До сих пор при перечислении имен членов Политбюро имя Брежнева называли всегда в общем списке, хотя и первым, не соблюдая алфавитного порядка, обязательного для других, а теперь его выделили, по примеру Сталина, из общего списка, называя его отдельно как генсека, а потом идет общий список членов Политбюро. Ожидал советских телезрителей и другой сюрприз. До сих пор доклады Брежнева на съездах партии и сессиях Верховного Совета транслировались прямо из зала, а теперь транслировались только начало и конец доклада, а дальше текст читал диктор. Это вызвало целый переполох среди иностранных журналистов, которые, не будучи допущены на съезд, сидели в Прессбюро съезда у телевизора. Сколько бы они ни добивались узнать причину, они толком ничего так и не узнали.

Объяснение, видимо, простое: уже из этого начала доклада было видно, как Брежневу было трудно его читать. Осилить почти четырехчасовой доклад он просто был не в состоянии. Он, видимо, читал наиболее важные отрывки, а в остальном сослался на письменный текст, заранее розданный делегатам.

На съезд было назначено 5 002 делегата из областей, краев и национальных республик (формально пропущенные через местные конференции и съезды, они еще до прибытия в Москву проверяются и

утверждаются отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Среди них пара сотен статистов из "рабочих и колхозников", а остальные высшая партийная и государственная бюрократия).

Как по форме и стилю, так и по содержанию работы XXVI съезд Брежнева не был обычным съездом, обсуждающим и дискутирующим острые проблемы внутренней и внешней политики, а представлял из себя огромное сборище партийной и государственной элиты, в котором, кроме пяти тысяч делегатов, участвовало также более тысячи гостей из-за границы и столичного партийного актива. Только, в отличие от шума толпы на обычных сборищах, здесь царила мертвая тишина, строевой порядок и давящая торжественность. Напрасно Брежнев жаловался в докладе, что все еще не сформировался "советский человек". Если бы возможно было воскресить Ленина и привести его обзреть зал этого сборища, он, наоборот, сказал бы: "Да, советский человек создан", — и, пользуясь терминологией своего соратника Троцкого, может быть, только добавил бы: "Сталин вырастил от моего имени голосующее стадо людей!" Надо отдать должное большевикам: они унифицировали не только мысли, но и низменные побуждения людей: честолюбие, эгоизм, пороки, продажность. Пользуясь этой стороной человеческой природы, Сталин и создал того "советского человека", который уникален как гражданин — он поменял личную свободу на спокойствие, человеческое достоинство на привилегии, сомнения гражданина на уют мещанина. Он, как говорил Эренбург, усовершенствованный коммунистический человек ("ускомчел"), который без малейшего притязания на цинизм может сказать о себе: "голова мне нужна, чтобы не думать". Он до

глубины души убежден, что это тоже его редкая привилегия, что тяжкую обязанность думать за него взял на себя мудрый ЦК! Поэтому он будет голосовать за любые решения этого ЦК, одинаково как за благотворные, так и преступные. И история с него ничего не спросит — он был всего лишь винтиком механизма ЦК, представителем "голосующего стада". Поэтому понятно, что и на XXVI съезде царил тот же классический сталинский ритуал: ЦК объявил свои мудрые решения, а в пятитысячной аудитории поднялся лес рук за эти решения — без вопроса, без возражения, без воздержания, при диких криках "слава, слава, слава", "бурная и непрерывающаяся овация", как отмечает протокол.

На съезде было представлено семнадцать с половиной миллионов коммунистов, из которых 43,4% "рабочих" (что это за рабочие, можно судить по тому, что все члены Политбюро тоже являются "рабочими" или "крестьянами"), 43,8% интеллигенции, то есть партийной и государственной бюрократии, 12,8% "колхозников" (то есть колхозная бюрократия). После последнего съезда была проведена негласная чистка — из партии были исключены 300 000 членов и 91 000 кандидатов за разные преступления (коррупция, взяточничество, присвоение "социалистической собственности", пьянство, всякого рода "уклоны"). В связи с этим Брежнев заметил: "Никаких поблажек и никому, когда речь идет о чести и авторитете нашей партии, о чистоте ее рядов". Среди исключенных был и ряд видных коммунистов-диссидентов (известный писатель Виктор Некрасов, старая коммунистка Лерт, ученая Орлова-Копелева), а также много рядовых членов партии, эмигрировавших на Запад.

Известная установка Сталина — в руководящие органы партии выдвигать не представителей гуманитарных наук, даже не представителей юридических наук, а представителей инженерно-технического персонала — последовательно проводилась в жизнь и руководством Брежнева. Он сообщил съезду, что три четверти секретарей Центральных Комитетов республик, крайкомов, обкомов, две трети секретарей горкомов и райкомов партии имеют техническое образование. Затаенный мотив этой установки — представители гуманитарных наук склонны к рассуждениям и своеволию, а специалисты — исполнительны и более покорны. Но у них есть и недостаток (Брежнев: "специалисты не обладают достаточным политическим опытом"), то есть послушны верхам, но не умеют командовать низами. Поэтому всех этих специалистов пропускают через высшие партийные школы и курсы. Брежнев сообщил, что из этих специалистов в истекшие годы после последнего съезда 32 000 человек прошли через партийные школы и 240 000 человек — через партийные курсы, где их обучали только одной науке: как управлять партией и государством. Их профессора — члены Политбюро, Секретариата ЦК и министры СССР. Через такие школы и курсы прошли в свое время и почти все члены нынешнего ЦК. Брежнев, как и надо было ожидать, поставил вопрос и о пересмотре действующей ныне "Программы КПСС", принятой в 1961 г. Брежнев не дал ответа на кардинальный вопрос: почему двадцатилетняя "Программа КПСС" не была выполнена. Единственно, что он сказал о причинах ее пересмотра, это следующее: "Ныне действующая "Программа КПСС" в целом правильно отражает закономерности общественного развития. Но с

момента ее принятия минуло 20 лет". Брежнев только косвенно признался, что со строительством обещанного коммунистического общества к 1980 г. (Программа: "Нынешнее поколение будет жить при коммунизме") ничего не вышло, ибо оказывается, что между социализмом и коммунизмом лежит еще один этап или одна фаза, которая не была известна не только Марксу и Энгельсу, но также и Ленину со Сталиным — это фаза "реального", "зрелого" или, по последней терминологии, "*развитого социализма*". К разочарованию тех, кто предвкушает, что вот-вот водворится коммунизм и рай благоденствия осчастливит "нынешнее поколение", Брежнев доложил, что по его новому "научному открытию" в марксизме новый этап или новая фаза — это "необходимый, закономерный и исторически длительный период в становлении коммунистической формации". Из внутренних проблем особенно тревожат Кремль национальные отношения в стране, где представлены более ста различных народов. Послевоенная политика партии в этом вопросе, особенно в период правления Хрущева и Брежнева, сводилась к планомерной и интенсивной денационализации нерусских народов через их языковую русификацию и дерусификации самих русских через их ассимиляцию с нерусскими народами — это и называется на языке партии формированием "единого советского народа". Эта политика встречает уже открытое сопротивление с обеих сторон — как со стороны русских ("неославянофильство", "почвенники", "русская партия"), так и со стороны национальных меньшинств в Прибалтике, на Кавказе, в Туркестане, в Татаро-Башкирии. Причем некоторые из нерусских народов, которым административно навязывают русский язык вместо родного

языка, являются культурно-исторически более древними христианскими народами, чем сам русский народ — например, армянский и грузинский народы. Советское правительство в Москве издало ряд распоряжений (Высшая аттестационная комиссия, министерство высшего образования СССР), которые запрещают писать в грузинских вузах дипломные работы и диссертации на грузинском языке. Против этого, как известно из самиздата, в письме на имя Брежнева протестовало в 1980 году 365 видных грузинских ученых и деятелей культуры, с именами, известными не только в СССР, но и на Западе. Какая была реакция Брежнева на это письмо — неизвестно, но в своем докладе он говорил, что "в нашей стране уважают национальные чувства, национальное достоинство каждого человека", однако ударение Брежнев делал на "формирование культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности".

По второму "острому вопросу", почему ведущие должности в национальных республиках занимают люди не коренной национальности, Брежнев открыто поддержал великодержавников: "Состав населения советских республик многонационален. И естественно, что все нации имеют право на должностное представительство в их партийных и государственных органах". Это был косвенный ответ на жалобы эстонских, латышских и литовских коммунистов, что у них повсюду командуют русские коммунисты, а местные коммунисты выполняют роль помощников и переводчиков. Брежнев сказал, что партия будет бороться и против "антисемитизма", но так как он связал борьбу с "антисемитизмом" с борьбой против "сионизма", то он по существу амнистировал

антисемитизм, ибо в советских условиях легальной формой активизации антисемитизма как раз и является борьба с "сионизмом". Писателям и художникам Брежнев обещал тяжелую жизнь. Партия будет "активно и принципиально выступать в тех случаях, когда появляются произведения, порочащие нашу советскую действительность. Здесь мы должны быть непримиримы", — сказал он.

За успехи в строительстве "развитого социализма" Брежнев щедро роздал похвалы Советам, профсоюзам, комсомолу, партии, ее ЦК, Политбюро, Секретариату, но дифирамбы пел только одному учреждению: КГБ. Стоит привести сказанное о нем: "Острота классовой борьбы на международной арене предъявляет высокие требования к деятельности органов государственной безопасности, к партийной закалке, знаниям и стилю работы наших чекистов. Комитет государственной безопасности СССР работает оперативно, на высоком профессиональном уровне... Зорко и бдительно следят чекисты за происками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий (это по адресу диссидентов — А. А.). И эта работа заслуживает глубокой признательности партии". Это и есть признательность КГБ за успехи его подрывной, террористической и шпионской практики внутри и вне СССР.

Ораторы, которые были назначены ЦК для выступления по докладу Брежнева, должны были заранее представить аппарату ЦК тексты своих выступлений, в том числе и иностранные гости. Все выступления были составлены по одному шаблону: доклад Брежнева — "великий теоретический и практический вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма".

Некоторые делегаты даже побили все предыдущие рекорды по "культу Брежнева" — так, когда первый секретарь Грузии Шеварднадзе назвал доклад Брежнева "документом больше чем эпохальным", то первый секретарь Краснодарского крайкома Медунов его переплюнул, назвав доклад Брежнева "гениальным". Разумеется, ни одного критического замечания по адресу ЦК не было.

С молчаливого согласия компартий из 94 стран, представленных на съезде, и, конечно, с одобрения Политбюро, главы делегаций Израиля и Турции внесли на съезде предложение созвать новую мировую конференцию компартий (последняя такая конференция была в 1969 г.). Трудно судить, какова ее реальная перспектива, но само это предложение показывает, что Кремль хочет координировать в новых условиях мировое коммунистическое движение, разработать его новую стратегию и активно возглавить проведение в жизнь такой стратегии. Это тоже ответ президенту Рейгану, обвинявшему Кремль, что он держит курс на "мировую революцию". Этот же ответ вновь звучал и в заключительной речи Брежнева при закрытии XXVI съезда, когда он сказал: "Революционное преобразование мира невозможно предотвратить".

По существующим внутривнутрипартийным законам и исторически сложившейся традиции на XXVI съезде сначала должны были быть подведены итоги выполнения двадцатилетней программы партии (1961—1980), принятой в 1961 г. на XXII съезде, согласно которой советское общество должно было сегодня выглядеть так, как выглядит "спецраспределитель" Кремля: жены членов Политбюро и секретарей ЦК приходят в этот распределитель, выбирают

товары и продукты в потребном количестве и качестве и увозят их по своим квартирам, не платя ни одной копейки (Сталин однажды хотел отменить такой "коммунизм", но это не удалось даже ему!). Как же выполнила партия эту программу? Брежнев даже не поставил этого вопроса, но жизнь уже дала ответ на него. Вот новейшая статистика ООН.

*Динамика мировой хозяйственной продукции
(доля в процентах) с 1960 по 1980 год **

Страны, регионы	1960	1970	1980	1990 оценка
<i>Западные страны</i>	63,0	63,7	67,0	67,0
США	30,0	26,7	24,4	22,0
Западная Европа	24,9	25,7	28,2	28,0
Япония	4,3	7,4	10,6	13,0
Другие				4,0
<i>Развивающиеся страны</i>	13,8	14,2	14,7	16,0
<i>Коммунистические страны</i>	23,1	22,0	18,3	17,0
СССР	13,1	13,2	9,8	8,0
Восточная Европа	5,1	4,6	3,5	3,0
Китай	4,0	3,3	4,5	5,5
Другие	0,9	0,9	0,5	0,5

СССР не только не догнал Америку, но его обогнала даже Япония, которая в год объявления "Программы КПСС" отставала от СССР больше чем в три раза! Если рассуждать не категориями

* Источник: "Франкфуртер Альгемайне Цайтунг". 29. 3. 1980, статья Вернера Обста.

наличных ракетно-ядерных арсеналов, а категориями экономической мощи каждой страны или группы стран, то надо пересмотреть и уже изжившую себя теорию о двух "сверхдержавках" — США и СССР. В 1980 год мир вступил при пяти "сверхдержавках" (по своей валовой продукции в миллиардах долларов) в следующей последовательности:

1. Европейское сообщество	2 700
2. США	2 600
3. Япония	1 200
4. СССР	1 050
5. Китай	550

(Источник: там же).

После этих общеизвестных данных совершенно дико звучит заявление председателя Совета министров СССР Тихонова: "Советский Союз выпускает сейчас пятую часть промышленной продукции планеты". ("Правда", 7. 11. 1980). Только в одной отрасли — в отрасли военной экономики — Советский Союз догнал и перегнал Америку, что ярко иллюстрирует следующая таблица Лондонского института стратегических исследований:

Расходы на вооружение в миллиардах долларов

	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979
США	78	79	86	89	91	100	105	115
СССР	84	91	111	124	127	133	148	165

(Там же).

По экспорту оружия Советский Союз в 1980 г. уже догнал Америку: Советский Союз экспортировал в 1980 году оружия на сумму 7,1 миллиарда долларов против 6,7 миллиарда американского экспорта ("Зюддойче Цайтунг", 31. 12. 1980).

На Западе говорят по аналогии с собственной экономикой о советском "военно-промышленном комплексе". Эта аналогия вводит в заблуждение. В советском государстве нет ни одной отрасли человеческой деятельности, которая не была бы поставлена на службу войне: одни работают прямо на войну — это чисто военная индустрия, военно-исследовательские учреждения, другие работают косвенно или между делом (военные цехи на гражданских заводах, засекреченные части в гражданских исследовательских учреждениях), не говоря уже о широкой сети мероприятий по мобилизации местной промышленности для нужд войны по так называемым "мобпланам".

Что же касается обещанной рентабельности колхозов и совхозов, то достаточно напомнить, что, по той же статистике ООН, США производят 230 миллионов тонн хлеба в год, СССР — 180 миллионов, один американский фермер кормит 75 человек, а один колхозник — только 10 человек ("Вельт ам Зоннтаг", 26. 10. 1980).

Даже после второго десятилетия, по признанию Брежнева, только 80 % городских жителей получают отдельные квартиры ("Правда", 22. 10. 1980). Теперь, когда мы знаем, что партия не только не выполнила своей двадцатилетней программы (1961—1980), но и не находит нужным дать объяснения о причинах ее невыполнения, то уже этот один факт заставляет отнестись скептически к реальности обещаний и ее новой десятилетней программы (1981—1990). Однако

ее выгодно отличает от первой программы, во-первых, скромность в обещаниях (учти уроки), во-вторых, "эластичность" в цифровых наметках ("от до"), в-третьих, нагромождение канцелярского пустословия, которое можно толковать и так и этак. Центральный тезис "Основных направлений" на 1981—1990 годы гласит: "В восьмидесятые годы Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа... исходя из этого, в ближайшее десятилетие: обеспечить дальнейший социальный прогресс общества, осуществить широкую программу повышения народного благосостояния". ("Правда", 2. 12. 1980).

После этого следует второй тезис, от которого много ждешь: "Обеспечить более высокие темпы роста продукции отраслей группы "Б" промышленности по сравнению с темпами роста продукции отраслей группы "А" промышленности". (Там же).

Казалось бы, что после такого тезиса партия заявит о радикальном структурном пересмотре сталинской экономической доктрины о примате роста тяжелой промышленности (гр. "А") над легкой (гр. "Б"). Ведь собственно в результате этой сталинской доктрины существовал и существует в СССР перманентный кризис недопроизводства средств потребления. Авторы брежневской программы и не собираются отказаться от этой доктрины. Все, что они обещают в новой одиннадцатой пятилетке, по сравнению с предыдущей, это увеличить темпы роста легкой промышленности на... один процент! Читайте: "Увеличить производство промышленной продукции за пятилетие на 26—28

процентов, в том числе средств производства на 26—28 процентов и предметов потребления на 27—29 процентов". (Там же).

Однако партийные статистики — мастера жонглировать цифрами, и поэтому такой план будет считаться выполненным, если он выполнен на 27% по легкой и на 28% по тяжелой промышленности. В этом весь фокус этого "от до".

Новая пятилетка обещает увеличить объем легкой промышленности по сравнению с предыдущей на 18—20%, рыбной промышленности на 10—12%, сельскохозяйственной продукции на 12—14%, но все это сопровождается оговоркой: "обеспечивать опережающий рост производительности труда", что должно дать увеличение ее в легкой промышленности до 20%, а в сельском хозяйстве до 24%. Задача явно утопическая при нынешней системе оплаты труда. Увеличение среднемесячной зарплаты для рабочих и служащих предусмотрено на 13—16%, или в деньгах до 190—195 рублей в месяц (сейчас 165 рублей), доходы колхозников должны повыситься на 20—22% (сейчас их доход в рублях 90—130). Что же можно купить на это "увеличение"? Рабочий может купить себе один костюм, а колхозник только одни брюки!

Весь мир с любопытством, а некоторые и с опаской ждали, какой ответ Кремль даст на своем XXVI съезде на прямые и конкретные обвинения президента Рейгана и государственного секретаря Хейга:

1) Советское руководство, пользуясь методами обмана и лжи, продолжает добиваться своей истинной цели — мировой революции и мирового господства;

2) Советское руководство повсюду поддерживает международное террористическое движение.

Ответы Брежнева и Суслова были косвенные, по форме сдержанные, а по существу вызывающие. Суслов заявил: "Мы с большим удовлетворением сообщаем, что на XXVI съезд по приглашению ЦК КПСС прибыли 123 делегации коммунистических, рабочих, национально-демократических и других партий и организаций из 109 стран всех континентов нашей планеты". ("Правда", 24.02.1981).

Суслов уточнил и расположение этих вспомогательных опорных пунктов большевизма, пригласивших делегации, по континентам: 12 "братских партий" из социалистических стран, 24 компартии из Западной Европы, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, 27 компартий из Азии и Океании, 31 компартия из африканских стран, 29 компартий из Латинской Америки.

Брежнев посвятил данному вопросу целый раздел доклада под названием: "КПСС и мировое коммунистическое движение". Там сказано, что "К рубежу 80-х годов международный рабочий класс и его политический авангард — коммунистические партии — подошли уверенной поступью... Коммунистическое движение продолжало расширять свои ряды, укреплять свое влияние в массах. Сейчас компартии активно действуют в 94 странах мира... Наша партия, ее ЦК вели активную работу, направленную на дальнейшее расширение и углубление всестороннего сотрудничества с братскими партиями". Брежнев нарисовал "жуткую" картину преследования коммунистов в "странах капитала": "Через террор и гонения, через тюрьмы и колючую проволоку концлагерей, в самоотверженной работе на благо народов, проносят коммунисты стран

капитала свою верность идеалам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма... Честь и слава коммунистам!" (Бурные продолжительные аплодисменты. "Правда", 24.02.1981).

В самом начале своего доклада Брежнев доложил съезду, что в союзе с этими силами сфера влияния коммунизма расширилась, а сфера "империализма" сузилась: "Новыми победами ознаменовалась революционная борьба народов. Свидетельство тому — революции в Эфиопии, Афганистане, Никарагуа, свержение монархического режима в Иране... Сузилась сфера империалистического господства в мире... Резко возросла агрессивность политики империализма — прежде всего американского". (Там же). Таков ответ Брежнева президенту Рейгану.

Брежнев совсем не думал оправдываться перед Рейганом, вовсе не отрицал приписываемые ему методы и цели. Наоборот, он и Суслов фактами и примерами доказывали, что по осуществлению поставленной Лениным и партией цели они значительно продвинулись вперед.

На Западе ожидали другого: Кремль будет отрицать приписанные ему методы и цели, а главное — боялись, что Рейган и Хейг своими резкими выступлениями надолго закрыли двери к дальнейшим переговорам с Москвой. Но опять произошло "неожиданное": Брежнев на съезде торжественно предложил встречу с Рейганом, более того, он заранее согласился и на то, о чем раньше Кремль не хотел и разговаривать — на новые переговоры о ракетах в Европе (после известного решения НАТО о "довооружении"), на распространение зоны уведомления о военных маневрах и передвижениях войск на всю европейскую часть

СССР (раньше Кремль соглашался уведомлять о движении войск только в западных районах СССР) и, что еще более важно, Кремль соглашался начать новые переговоры по СОЛТу-2.

Нельзя найти лучшего доказательства для подтверждения старой истины: в Кремле уважают силу и сильных людей! То, что не удалось ни Картеру, ни Конгрессу, ни союзникам по НАТО, а именно — склонить Москву к новым переговорам по ракетам, расширению зоны контроля и по СОЛТу, Рейган добился лишь одной речью от 29 января 1981 г. Однако не надо обманываться насчет истинных мотивов искомой встречи — главная ее цель — разведывательная. Кремль как свою американскую, так и мировую политику строит на учете личных качеств и возможностей каждого американского президента. Поэтому и тактика Кремля варьируется в зависимости от того, кто сидит в Белом Доме. Учитывая все: влияние в Конгрессе, черты характера, привычки, связи, человеческие слабости, честолюбие, религиозность, осведомленность в советской тактике и стратегии. В трех случаях такая политико-психологическая "анатомия президента" себя оправдала — в отношениях с президентами Рузвельтом (Ялта), Никсоном ("разрядка", СОЛТ-1), Картером (СОЛТ-2, советская бригада на Кубе), в двух случаях сорвалась — в отношениях с президентом Труманом (Берлинская блокада, Иранский Азербайджан, Греция и Турция, Корея) и в отношениях с президентом Кеннеди (Берлинский ультиматум и ракетная авантюра на Кубе), но вот предстоит самая ответственная проверка — с кем имеет дело Кремль в лице нового президента Рейгана?

По существу советской политики безудержного вооружения Брежнев ничего утешительного не сказал. Рейган в речи перед Конгрессом от 17 февраля говорил: "Начиная с 1970 г., СССР потратил на вооружение на 300 миллиардов долларов больше, чем США". Брежнев, который делал свой доклад через неделю после речи президента Рейгана, не стал оправдываться или опровергать это утверждение президента. Он только заявил, что он никому не даст достигнуть или перейти того уровня вооружения, которого достиг ныне Советский Союз. Вот его слова: "Мы и не позволим создать такое превосходство над нами. Подобные попытки, а также разговоры с нами с позиции силы абсолютно бесперспективны".

В то же время Брежнев продолжал развивать известную советскую политику по разложению НАТО изнутри, делая одним условные комплименты (Жискар д'Эстен, Шмидт, Брандт), другим выговоры. Брежнев угрожающе заявил, что размещение на территории европейских членов НАТО "новых американских ракетно-ядерных средств" наносит ущерб их безопасности. Не уточняя, какой же "ущерб" Советский Союз хочет им нанести, Брежнев прибег к прямому шантажу: "Так что у правительств и парламентов этих стран есть основание еще и еще раз взвесить весь этот вопрос".

Брежнев уделил большое внимание успехам СССР по интеграции "стран социализма" восточной Европы. Отметив "влиятельную и благотворную роль" организации Варшавского договора и ее Политического консультативного комитета в европейских и международных делах, Брежнев сообщил, что уже созданы и действуют новые органы: Комитет

министров иностранных дел, Комитет министров обороны. Компартии связаны между собою на каждом уровне — республик, краев, областей, районов и даже крупных предприятий, периодически созываются общие собрания секретарей ЦК по идеологии, по международным отношениям, по партийно-организационной работе. Через эти каналы происходит интенсивная унификация внутренней и внешней политики "братских стран" с политикой КПСС.

Так же интенсивно происходит и "экономическая интеграция" "братских стран" с экономикой СССР. По этому поводу Брежнев отметил: "На прошлом съезде мы, как и другие братские партии, выдвинули в качестве первоочередной задачи дальнейшее углубление социалистической интеграции на базе долгосрочных целевых программ... Сейчас эти программы воплощаются в конкретные дела. Интеграция набирает темпы". Иначе говоря, экономика восточноевропейских стран постепенно, но систематически превращается в интегральную часть советской экономики, что и подготовит окончательное поглощение сателлитов Советским Союзом под маркой создания новой международной "социалистической федерации народов СССР и Восточной Европы", как завещал сам Ленин. Этой стратегической цели Кремля нанесли чувствительный удар польские рабочие, создавшие свой независимый от коммунистов профсоюз "Солидарность", примеру которых последовали польские крестьяне, писатели, студенты.

Двусмысленной и заискивающей надо признать трактовку Брежневым вопроса о Китае. Впервые после разрыва с китайской компартией Брежнев удивил нас отказом от всякой критики внутренней

политики Китая, и даже упоминание Китайской Народной Республики в докладе, в разделе "Развитие мировой социалистической системы, сотрудничество стран социализма", было неожиданным и нелогичным, если вспомнить, что на протяжении почти двадцати лет политический режим в Китае фигурирует в советской пропаганде как антисоциалистический, даже фашистский режим. Кремль возлагает определенные надежды на эволюцию китайской внешней политики в отношении Москвы. Брежнев, ссылаясь на отрицательную оценку, которую дает новое китайское руководство периоду "культурной революции", замечает: "Нам нечего добавить к такой оценке", — и продолжает: "Во внутренней политике Китая сейчас происходят изменения. Истинный смысл их еще покажет время. Оно покажет, в какой мере нынешнему китайскому руководству удастся преодолеть маоистское наследие". Словом, Брежнев признает отныне режим в Китае социалистическим и вновь просится в друзья Китая, многозначительно добавляя: "Империалисты друзьями социализма не будут". Ключет ли Китай на этого червячка, покажет время.

Компетентность и мобильность советского руководства, с каждой сменой его состава, повышается, его способность реагировать на нужды времени обостряется. Это может привести к победе реформаторских тенденций если не в руководстве, то в широких кругах партии.

Эти тенденции будут тем сильнее, чем слабее станут позиции догматиков. Уже в брежневском руководстве можно было проследить противоборство позиций государственников-прагматиков, с одной стороны, и идеологов-догматиков — с другой. Брежнев не находился ни в одной из этих групп, он

удачно лавировал между ними. Старые догматики не только идейно, но и физически доживают свои дни, а новое поколение идеологов, которое стоит в очереди к вершине идеологической власти, может оказаться способным пойти против многих "табу" старых догм. Достаточно сослаться на новые идеологические кадры, рвущиеся к власти, — во-первых, они действительно молодые, вокруг 50 лет, во-вторых, и это очень важно, они в большинстве своем кандидаты и доктора наук, отлично владеют главными европейскими языками и знают Запад по постоянным личным контактам. Они уже сейчас оказывают свое влияние на общую политику. Язык и мыслительные категории, заимствованные ими из западной литературы, начинают перекочевывать в советскую литературу, в некоторых случаях даже и в партийные документы (они же ведь реабилитировали и социологию с ее пока что ограниченными "опросами общественного мнения"). Они, конечно, не откажутся от обычной и обязательной марксистско-ленинской фразеологической тарабарщины, но они слишком уж хорошо знают из сравнительного анализа дел в СССР и на Западе, в чем корень зла во внутренней политике страны. Поэтому могут давать разумные советы по модернизации сложившейся системы. Однако это не будет ни "конвергенцией", ни "деидеологизацией" по двум причинам: 1) большевизм на протяжении трех поколений настолько иммунизировал свой аппарат власти против любых внешних влияний, что даже разумные советы по изменению деталей системы инстинктивно настораживают его, ибо в них усматривается посягательство на монополию власти партаппарата, а это толкает его еще более вправо; 2) большевизм выработал у своих вождей поразительную преемственность

уникального образа мышления, в фокусе которого находятся не интересы общества, не интересы государства, а интересы собственной власти.

Если перейти к оценке внешней политики брежневского руководства, то мне представляется, что превращение Советского Союза во время правления Брежнева в военную супердержаву уже открыло новую эру в мировой политике: прикрываясь детантом и пользуясь безнаказанностью за свои очередные агрессивные акты, Советский Союз начал включать в сферу своего влияния все, что находилось до Второй мировой войны под влиянием западных держав, то есть страны третьего мира. Эту политику, имеющую первые существенные успехи на трех континентах — в Азии, Африке и Латинской Америке — новое руководство будет не просто продолжать, оно постарается осуществить стратегическую концепцию Ленина: покорить Запад через покорение его колониального (теперь уже бывшего) тыла еще в нынешнем столетии. Вовсе не обязательно, чтобы это происходило при прямом участии советской армии, как в Афганистане; это может происходить при помощи методов, которые завещал тот же Ленин: организация "освободительных войн", "революционных переворотов" плюс новое изобретение брежневского руководства — "заместительские войны" и подрывные акции сателлитов Кремля, чтобы сам Советский Союз не оказался непосредственно втянутым в конфликт с США. Поэтому и стратегическая доктрина преемников Брежнева будет та же, что и сейчас — любыми усилиями и любыми жертвами добиваться и впредь военного превосходства на суше, море, в воздухе, космосе. Не обязательно для развязки войны, но обязательно для оказания устрашающего

политического и психологического давления как на "слабые" страны свободного мира, так и на все страны третьего мира. Уже наметившуюся сложную и лукавую игру Кремля в Европе, особенно вокруг Западной Германии, чтобы оторвать Европу от Америки, а Германию от Европы, наиболее успешно поведет новое руководство. После этого исторический поединок в плане знаменитого ленинского "кто кого?" будет происходить у СССР только с одной Америкой.

Вот в разработке плана этого поединка представители названной выше новой идеологической смены партии и заграничная сеть столь же квалифицированных резидентов советской разведки будут играть выдающуюся роль. С их отличным знанием сильных и слабых сторон западной системы, с их возрастающим резервом специальных и специализированных кадров для стран третьего мира (которые основательно изучают как историю, так и языки местных народов), новая "идеологическая мафия" ЦК и агентура КГБ планомерно и целеустремленно работают по включению третьего мира, страну за страной, в орбиту советского влияния. Ничему этому Запад не может, да и не хочет ничего противопоставить. Наоборот, до сих пор Запад боролся там с правыми "реакционными" режимами, оказывая моральную и материальную поддержку только левым "прогрессивным" силам, то есть по существу поддерживая затаенные цели советской глобальной экспансии в самых различных уголках земного шара.

Глава 2. Польская революция и Кремль

На том же XXVI съезде КПСС Брежнев угрожающе заявил: "Социалистическую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим... Пусть никто не сомневается в нашей решимости обеспечить свои интересы". Значение победы польского пролетариата в августовской мирной революции 1980 г. выходит за рамки страны и времени. Это была первая в истории победа внутри коммунизма над коммунизмом. Она была одержана не контрреволюционерами изнутри и не интервентами извне, а тем классом, именем которого прикрываются сами коммунистические правители: пролетариатом. Она была одержана на периферии советской империи, но его дальнобойные удары были нацелены в эпицентр этой империи. Поэтому всемирно-историческое значение первой при коммунизме "мирной пролетарской революции" в Польше заключается в "прецеденте", который может открыть новую эпоху: польский пролетариат доказал, что *организованной волею всех рабочих* в любой части советской империи можно добиться восстановления исконных прав рабочего человека: 1) права на создание независимых от партии и государства профсоюзов, 2) права на забастовку для улучшения своего материального и правового положения. При неумолимой твердости, солидарности и дисциплине польских рабочих Кремль был поставлен перед тягчайшей

дилеммой: "прецедент" или танки. Кремль не решился на вооруженную интервенцию, как в 1953 г. против берлинских рабочих, в 1956 г. против Венгрии, в 1968 г. против Чехословакии, в 1979 г. против Афганистана. Почему же тогда наш новоявленный претендент в "Цезари", Брежнев, не осмелился, как осмелился тот Цезарь, перейти польский исторический "Рубикон"?

Не только мы, но и советские лидеры хорошо знают из истории, что польский "Рубикон" наделен взрывчатой вулканической мощью, огненная лава которой может потрясти устои всей империи. Но даже и это не остановило бы господ из Кремля, если бы они на опыте Афганистана не узнали горькую для себя правду: сегодняшние советские солдаты ненадежны, чтобы ими успешно душить свободу других народов.

Значило ли это, что Кремль, приняв "прецедент", хотел смириться с ним? Абсолютно нет. События в Польше застигли Кремль врасплох. Вынужденную паузу он использовал, чтобы, выждав подходящее время, объявить польский "инцидент" не состоявшимся при помощи самих же польских коммунистов-чекистов и просоветских генералов. Отсюда военный переворот генерала Ярузельского. Советские руководители великолепно понимали, что, легализовав, хотя бы даже молчаливо, польский пример, они провоцируют в будущем цепную реакцию рабочих забастовок с теми же требованиями не только в сателлитах, но и в самом советском тылу. Вот это воистину было бы началом конца всей обанкротившейся политической и экономической системы Советского Союза. Однако, по учению основателей советской империи, "активная несвобода" должна быть не только тотальной, но и "единой

и неделимой” во всех частях империи, ибо здесь тоже действует свой собственный духовный закон ”сообщающихся сосудов”. В самом деле, почему поляки должны иметь то, чего нет у чехов и венгров, а чехи и венгры должны иметь то, чего нет у румын и восточных немцев, а все они вместе должны иметь то, чего нет у самих русских и украинцев, узбеков и грузин? Таков был заколдованный круг, в котором вертелось растерянное и запуганное на смерть брежневское руководство. Между тем проблема могла быть разрешена просто и на пользу как ”низов”, так и ”верхов”: объявить в стране радикальные политические, экономические и социальные реформы, признав заодно и право народов советской империи на самоопределение. Но великие реформы всегда были делом рук людей с государственным кругозором, творческой фантазией и безоглядным политическим мужеством. Таких людей в Кремле не было. Брежневы и Сусловы были способны только праздновать перманентные юбилеи, принимать пышные парады, обнародовать пустопорожние резолюции, а в остальном — ”тащить и не пущать” дома, оказывать ”братскую помощь” вовне. Поляки учат советских рабочих: если они хотят свободной жизни и жить по-человечески, то они должны взять на себя ту роль, которую советская конституция признает за рабочим классом — *ведущего класса* советского общества. Польские рабочие подали советским рабочим и другой урок величайшей исторической важности: как заставить закоренелых сталинистов убраться вон из руководства страны и принудить разумных руководителей капитулировать перед волей рабочего класса — и этот урок может быть назван одним словом: *организация!* Первичными ячейками польской

рабочей организации явились рабочие комитеты на верфях Гданьска (быв. Данциг), вслед за ними возникли рабочие комитеты на многих других предприятиях, которые, объявив забастовку, переименовали себя в забастовочные комитеты. Для успеха дела был очень важным и второй организационный шаг — создание Центрального забастовочного комитета с представителями от всех предприятий края в количестве до 700 человек, во главе которого стал никому не известный вчера, но всемирноизвестный отныне молодой вождь польских рабочих Лех Валенса. Солидарность польских рабочих оказалась так велика, что, например, на верфях имени Ленина в забастовке участвовали и все коммунисты, кроме двух: управляющего и секретаря партии. Объявив свои требования, рабочие заняли предприятия, создали рабочие патрули для соблюдения порядка. И порядок этот был образцовым революционным порядком!

Забастовочные комитеты запретили все, что будет мешать этому порядку, в том числе передачу и употребление любых алкогольных напитков. Дни мучительного, но и геройского ожидания ("пришлют или не пришлют Советы свои танки?") проходили в молитвах, патриотических песнях ("...не погибла еще Польша"!) и на фоне, который в Гданьске в двух символах иллюстрировал контрасты польской трагедии — в нескольких шагах от памятника виновнику этой трагедии, Ленину, был вывешен обрамленный свежими цветами портрет Папы Римского, поляка Войтылы! Представляем себе, как злились на польских рабочих в Политбюро и КГБ за то, что они, выставив портрет Папы, не снесли бронзовую голову Ленина — какое было бы "вещественное доказательство" контрреволю-

ции" "антисоциалистических элементов"! Феноменальная картина, беспрецедентная во всем рабочем движении мира — никаких выкриков, никаких эксцессов, никаких эмоций, во всем стоическое спокойствие, калькулированный расчет, трезвый разум плюс не допускающая малейшего сомнения решимость добиться поставленной цели или молча умереть всем вместе тут же у заводских ворот под трижды проклятыми советскими танками. И в этом тоже польские рабочие подали наглядный урок одновременно и Кремлю, и советским рабочим. Тем временем лавина рабочих забастовок поползла мерной и устрашающей поступью почти по всей стране, явно угрожая перейти во всеобщую забастовку. Предупреждая это, польское коммунистическое правительство капитулировало и приняло все 21 их требование. Наиболее важными среди этих требований были, конечно, требования политические: 1) признание свободных независимых профсоюзов, 2) гарантирование права на забастовку, 3) уважение свободы слова, печати, мнения, 4) допуск к средствам массовой информации представителей всех Церквей, 5) освобождение всех политзаключенных, 6) назначение должностных лиц не по партийным билетам, а по квалификации, 7) ликвидация привилегий сотрудников милиции, органов госбезопасности и партаппарата и закрытие спецмагазинов для них, 8) сооружение памятника жертвам расстрелов в 1970 г.

После того, как Политбюро в Варшаве подтвердило принятие этих условий, Центральный забастовочный комитет реорганизовал себя в Центральный рабочий комитет и приступил к подготовке выборов в новые, свободные и

независимые от партии и государства профсоюзы — "Солидарность". Опять новая символика: коммунисты одни ключи вручают Леху Валенсе от дома, в котором он может разместить свой Центральный рабочий комитет, а другими ключами открывают тюремную камеру перед председателем Польского диссидентского комитета Куронем, который был брошен туда со всем своим комитетом за поддержку рабочего движения. Фантастическое развитие, сказали бы мы, если бы не знали, что политические доходяги из Кремля и башибузуки на Лубянке уже тогда ковали новые планы для ликвидации победы польского пролетариата. Газета "Правда" открыто их выболтала, когда заявила, что борьбой и победой рабочего класса руководили "антисоциалистические элементы" и "контрреволюционеры". Людям, у которых кризис перепроизводства бомб, танков и бездонных резервуаров лжи, не нужна человеческая логика: ведь в то время, когда польские рабочие героически добивались своей победы, польские "антисоциалисты" сидели за решетками, а две тысячи польских коммунистов на верфях имени Ленина поголовно участвовали в забастовке. Или другой штрих: чтобы не давать повод Кремлю для интервенции (если Кремлю нужен "повод", то он его сам организует), западные лидеры воздерживались не только от материальной и моральной помощи, но и от любых заявлений в пользу польских диссидентов и рабочих (одновременно предлагая кредит Варшаве, т.е. Москве), а западные органы информации сообщали только то, чего не сообщали коммунистические органы, а именно — в Польше идут забастовки. Вот эти сухие сообщения западных агентств советские пропагандисты объявляют "вмешательством во внутренние дела

Польши"! Все это можно было бы объяснить отсутствием у советских идеологических тугодумов не только фантазии, но и элементарного чувства юмора, если бы мы не знали, что всем еще памятные предыдущие интервенции Кремля тоже подготавливались под такими же сфабрикованными советской пропагандой "доводами" и "предлогами".

Надо заметить, что польские диссиденты и польские рабочие преподали как советскому рабочему движению, так и советскому диссидентскому движению еще и третий урок непрерываемой истины: диссидентское и рабочее движения могут иметь успех лишь *во взаимодействии и взаимопомощи*.

Не умаляя значения уникальности "польской модели", все же надо сказать, что ее основные идеи все-таки "экспортные" из СССР: и самиздат и диссидентское движение и забастовки, и даже попытки создать свободные профсоюзы пришли из СССР. Но поляки сделали то, до чего не додумались в СССР: польская интеллектуальная оппозиция с самого начала ушла в рабочие массы, поставив себя на службу польского рабочего класса как его защитник, как его информационный рупор и вожак. Первоначально польский диссидентский комитет так и назывался: "Комитет защиты рабочих". Вполне возможно, что хорошо изучившие Ленина польские интеллектуалы внесли (за это на них и бесятся в Кремле) в польский рабочий класс две ленинских идеи почти восьмидесятилетней давности ("Что делать?"), которые, однако, никогда не были так актуальны, как сегодня, и именно в странах советской империи: во-первых, идея *организации*, во-вторых — идея привнесения извне интеллектуалами политического

сознания в рабочий класс. Ленин писал в той книге: "Сила рабочего класса в организации. Без организации масса пролетариата ничто". В другом месте: "Пролетариат не имеет другого оружия в борьбе за власть, кроме организации". В заключении: "Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию". Как раз в этой же работе Ленин выдвинул и свой знаменитый тезис: сам по себе рабочий класс не в состоянии выработать какое-либо политическое или социал-демократическое сознание, это сознание должны привнести извне буржуазные интеллигенты, какими и были, по Ленину, Маркс и Энгельс. Если в Польше во время "мирной революции" 1980 г. обе идеи Ленина повернулись против его же наследства, то это только доказывает правильность организационных идей Ленина. Отказываться от использования правильных идей только потому, что их сформулировал ваш враг, это все равно, как если бы феллах упорно отказывался пересечь с верблюда на машину на том основании, что ее изобрел гяур. Вернемся к условиям в СССР. Грубо говоря, в советских условиях интеллектуалу нужна свобода, а рабочему — хлеб. *Если бы удалось сочетать борьбу за свободу с борьбой за хлеб — то это привело бы в движение весь советский рабочий класс.* Социальные компоненты не только мотивируют, но и играют роль революционных дрожжей в движении угнетенных масс. Советский интеллигент хочет свободы предлагать правительству разумные альтернативы, поэт хочет свободы писать стихи как ему заблагорассудится, даже танцор хочет свободы танцевать без указок "балетмейстеров" из Политбюро. Желания советских рабочих более прозаические — они хотят накормить свои семьи

досыта и жить в человеческих условиях. "Классовые" интересы здесь — разные, но источник всех бед один: советская тоталитарная тирания. Поэтому та стратегия освободительного движения имеет шансы на успех, в фокусе которой находятся невиданные в старой России и невозможные на сегодняшнем Западе кричащие социальные контрасты в новоклассовом коммунистическом обществе — с одной стороны, жизнь в изобилии и роскоши миллионного партийно-бюрократического класса, с другой стороны, прозябание в нищете широких слоев трудящейся массы.

Что господствующий партийно-бюрократический класс железной стеной оградил от простых людей и ревниво оберегает свои привилегии, это понятно, но страшно и непонятно молчание народной интеллигенции. Ведь даже в западную литературу слово "интеллигенция", как социальная категория, пришло из старой России, под которым подразумевали людей, посвятивших свою жизнь *служению народу*. Сама русская литература была значительна не только художественным гением, но и великим гуманизмом ее творцов. Она формировала социальную совесть общества, порицая несправедливости и разоблачая пороки социальной системы. А советская литература, взяв на себя позорную роль "подручного" партии, превратилась в ее "агитпроп", и тем самым обрекла себя на бесплодие. Когда же из ее среды появился первый раз классик-гуманист, гениальное перо которого воздвигло бессмертный памятник многомиллионным (самим режимом признанным невинными) жертвам "Архипелага ГУЛага", то его изгнали из страны под торжествующий вой Союза советских писателей. Когда великого гуманиста

советской эпохи, академика с мировым именем, ученого и общественника загоняют в горьковскую клетку тюремщиков, то интеллектуальный мозг страны — Академия Наук СССР — осуждает не партийных тюремщиков, а своего члена. Когда профессора военной Академии, заслуженного генерала Отечественной войны, после многолетних истязаний в психтюрьмах, коварно выставляют из страны, верхи советского офицерского корпуса не только не протестуют против произвола жандармов КГБ, но еще лижут им пятки, а ведь в той же старой России армейские офицеры даже руки не подавали жандармским офицерам.

Невежественный и забитый раб, приведенный силой к молчанию — явление печальное, но интеллигентный раб, сознательно и добровольно пресмыкающийся перед современным партийным рабовладельцем, — это уже отвратительное зрелище. Однако в Советском Союзе кроме "образованцев" есть и интеллигенция. Интеллигенция, выдвинувшая Сахарова, Солженицына и Григоренко, выдвинет и тех интеллигентных вожakov, которые помогут советскому рабочему классу повторить "польскую модель" на советской земле.

Глава 3. Борьба за наследство Брежнева

Каждый генсек сидит на пороховой бочке, и фитиль находится в руках его собственного окружения. Оно может взорвать эту бочку, если он заболит двумя страшными недугами, которые Сталин назвал в одном случае — "идиотской болезнью беспечности", а в другом — "головокружением от успехов". Первой болезни был подвержен Хрущев, за что и слетел. Болезнь Брежнева была последнего рода. Сосредоточив в своих руках формально большую власть, чем даже Сталин (он был генсеком, "президентом", председателем Совета обороны, верховным главнокомандующим), Брежнев возомнил себя советским Цезарем, в котором КГБ искусственно культивировал страх перед потенциальным советским Брутом, чтобы вернее править им. Невероятно честолюбивый и падкий на лесть, он, по существу, был марионеткой в руках чекистов и советского генералитета. Интересы военных были чисто профессиональные — они хотели от него, чтобы он безотказно ставил свои подписи под всеми их требованиями по вооружению. Интересы чекистов были политические. Они добивались полной политической и правовой реабилитации "органов" как фундамента режима, после тех унижений и разоблачений, которым они подвергались при Хрущеве. За эту задачу взялся шеф чекистов Юрий Андропов. Талантливый комбинатор

и дворцовый интриган, он был технологом власти сталинской выучки с ее синтезом политики с уголовщиной.

Ослепленный болезненным властолюбием, Брежнев широко использовал услуги Андропова и его КГБ в борьбе со своими соперниками в Политбюро. Ведь Брежнев был выдвинут на пост генсека заговорщиками как компромиссная "серая фигура" без амбиции на единоличную власть, к тому же тот же октябрьский пленум ЦК 1964 г., свергнувший Хрущева, вынес решение, ограничивающее власть генсека — руководство должно быть коллективное в лице Президиума ЦК. Первый секретарь (генсек) не может быть одновременно и главой правительства. История доказала, что Брежнев далеко не был такой уж "серой фигурой", ибо, опираясь на опыт, изобретательность и чекистскую фантазию Андропова, Брежнев тотально очистил Политбюро от своих соперников — из 14-ти членов нового руководства семеро было исключено, двое умерли "внезапно", а Брежнев стал новым "президентом" СССР.

Андропов знал из богатой уголовными методами истории сталинского правления, что КГБ достигнет своей цели, если ему удастся дискредитировать в глазах Брежнева его ближайших сподвижников в заговоре против Хрущева как потенциальных заговорщиков против него самого и исключить их одного за другим из "коллективного руководства". Люди эти в одной группе власти, они все вместе и каждый в отдельности боялись нового возвышения КГБ и поэтому составляли заслон против его "ренессанса". Хрущева они свергли не потому, что он поставил "органы" под контроль партии, а потому что он старался править партией

единолично. Пока эти люди входили в "коллективное руководство", КГБ оставался не господином, а слугой режима. Из той же уголовной истории сталинщины Андропов хорошо запомнил и другой сталинский рецепт — если ты хочешь возвышения "органов", то надо выдавать собственный террор за террор "врагов народа". Так родилась идея организации "покушения" на Брежнева.

1 декабря 1934 г., чтобы поставить политическую полицию над партией и убрать неудобных ему лиц с политической сцены, Сталин подослал партийного работника Николаева убить Кирова, и этот свой террор приписал "врагам народа" — зиновьевцам и троцкистам. 23 января 1969 г., через два года после своего назначения шефом КГБ, Андропов подослал чекистского лейтенанта Ильина "убить" Брежнева у Кремлевских ворот, чтобы, напугав Брежнева, заставить его вернуть "органам" власть и привилегии, которых лишил их Хрущев. Я не одинок в этом мнении. Французский полковник русского происхождения Михаил Гардер пишет: "После чехословацких событий КГБ предпринял сложный маневр с целью проникновения в партократию и захвата в ней ключевых позиций. Маневр этот начался с покушения на Брежнева 23 января 1969 г., исполнитель, лейтенант Ильин, был явной жертвой чекистской провокации. Для КГБ это покушение было беспроектной лотереей. При всех вариантах можно было объяснить, что для их безопасности олигархам необходимо вернуть чекистам их бывшие привилегии". ("Часовой", ноябрь 1984 г.).

Сегодня уже ясно, что это Андропов, играя на честолюбии Брежнева и потакая его амбициям, собственно и создавал "культ Брежнева", сравнимый по внешней помпезности только с культом

Цезаря (куда до него Сталину и Мао). Причем Андропов делал вид, что бесконечное возвеличение Брежнева — это не его инициатива, так хочет благодарная партия, армия, чекисты, народ. Иногда Андропов намекал даже на то, что сам Брежнев презирает подхалимов, льстящих ему. Но и тут Андропов действовал так, как действовал шекспировский герой: "Я говорил Юлию Цезарю — Юлий Цезарь не любит льстецов, говоря это, я ему льстил".

Однако льстил Андропов новоявленному "Цезарю", пока не достиг цели своей лести, — войдя в его доверие, поставить "органы" на один уровень с партией и армией. Так образовался "треугольник" верховной власти — партаппарат, военный аппарат и КГБ.

Это была только ближайшая цель, конечная цель была другая — захватить власть самому, чтобы поставить КГБ и над партией, и над армией. К этой конечной цели Андропов шел методами, достойными его великого учителя, — выдвижением собственных ставленников на ключевые позиции, чекизацией партаппарата, провокацией против ближайших сторонников генсека, под конец дискредитацией самого генсека. Наиболее кричащие факты стали достоянием гласности, другие остаются тайной КГБ — например, серия "внезапных смертей" далеко не старых ставленников клики Брежнева-Черненко на местах, последним из которых был кандидат в члены Политбюро Рашидов. В той же мере, в какой безнадежно больной Брежнев терял контроль над текущими событиями и аппаратом власти, возвышалось влияние Андропова и его сторонников. На этой основе произошла поляризация сил даже в самом Политбюро. Я не люблю, когда кремленологи

произвольно или по наитию делят членов Политбюро на соревнующиеся группы, причем так самоуверенно и безапелляционно, словно авторы сами присутствовали на заседании Политбюро во время бурных дискуссий там. К тому же, кремлевские астрологи, толком не зная функционирования механизма партийного аппарата и его устоявшихся традиционных норм, все внимание сосредотачивают на оценке отдельных личностей, которых ведь тоже никто толком не знает. Поэтому получается произвольное разделение членов Политбюро по западному образцу на "голубей" и "ястребов", или просто на сторонников и противников генсека. Свои знания кремлевские астрологи черпают из двух источников: 1) Кто где стоял или сидел по отношению к генсеку, что только отчасти отражает действительную картину, ибо основной костяк реальной власти и представители ее трех институций — партаппарата, КГБ и армии — сидят где-то на задворках или вообще находятся за кулисами; 2) Кто какие речи произнес и сколько у него было ссылок на генсека.

Кто голосовал против генсека при его избрании или кто часто сталкивается с ним при решении важных вопросов, тот должен в своих публичных выступлениях создать впечатление, что он лояльный сторонник генсека и спорное решение принято единогласно, как это сделал, например, Черненко, выдвигая кандидатуру Андропова, или Горбачев, выдвигая Черненко после Андропова. Подхалимаж по адресу Брежнева служил для андроповцев маскировкой их подлинной цели — пробраться ближе к Политбюро, чтобы помочь Андропову захватить власть. Есть еще некоторые важные детали, без учета которых вообще трудны какие-либо прогнозы. Эти детали касаются вопросов: 1) Какова роль пленумов ЦК и его

Политбюро; 2) Каков статус кандидатов в члены Политбюро, когда на его заседаниях происходят голосования.

По уставу, пленум ЦК, состоящий примерно из трехсот человек, есть высший законодательный орган партии между ее съездами. Сталин превратил его в совещательный орган, каким он является и по сегодня. Однако пленум ЦК играл, может играть и дальше роль арбитра или высшего партийного суда, если в Политбюро произошел раскол между генсеком и большинством Политбюро.

При Хрущеве вернулись к "ленинским принципам" только на словах, а при Брежневе установился порядок, при котором пленумы ЦК созывались аккуратно раз в шесть месяцев для "единогласного" утверждения решений Политбюро к очередным сессиям Верховного Совета СССР, на которых эти решения опять-таки единогласно утверждались как советские законы. Пленумы раньше собирались дискутировать и решать вопросы большой политики. Ничего подобного не происходит сейчас. Пленумы превратились в автоматы механического голосования за уже принятые Политбюро решения. Внутрипартийная демократия даже на уровне пленума ЦК существует только на бумаге — в уставе партии. Бывают случаи, когда первые секретари обкомов, ЦК республик, генсек на "легальном" основании могут обходить бюро и Политбюро, если данный секретарь или генсек знает, что по тому или иному вопросу он не получит большинства на заседании — это метод манипулирования решениями. Для этого существуют два пути — создавать комиссии при бюро или Политбюро, наделяя их правами высших органов (так поступал Сталин даже в период своего единовластия), другой путь — это принимать решения

бюро или Политбюро "по опросу". Поскольку в графе "за" стоит подпись первого секретаря или генсека, то рискованно подписывать в графе "против".

Надо сказать пару слов и о кандидатах в члены Политбюро. Когда Политбюро заседает в полном составе, тогда все они имеют только совещательный голос. Однако все они — заместители тех или иных членов Политбюро, и поэтому, когда отсутствует член Политбюро, к которому данный кандидат прикреплен, то он автоматически получает право решающего голоса. Так что если отсутствуют не только провинциальные члены Политбюро, но кто-нибудь и из москвичей (по болезни, по командировке), то соответствующий кандидат получает его голос. Это один из принципов "ленинских норм" коллективного руководства. Кроме всего этого, надо учитывать при прогнозах и частые перебежки членов и кандидатов Политбюро из одного лагеря в другой накануне или в ходе кризиса в руководстве (так, многие из членов Политбюро перешли в лагерь Андропова в дни агонии Брежнева и после его смерти, когда выяснилось, какие реальные силы стоят за ним — КГБ и армия). Таким образом, на высшем уровне партийной политики в период кризиса действует закон "сообщающихся сосудов", во время которого решающую роль играют не отдельные личности на открытой сцене, а названные институты за сценой. Никто из посторонних не может знать по свежим следам событий, кто на какой позиции стоял, кто к какой группе примыкал. Однако противоречия на вершине власти постоянны, чаще персональные, редко принципиальные. Противоречия между группами в Политбюро никогда не касаются генеральной линии, а доли власти каждого из партийных бояр.

Судя по глухим отголоскам в партийной печати, такие противоречия обострились накануне XXVI съезда партии. Принятое на этом съезде решение сохранить статус-кво в руководстве без перевыборов — было воистину соломонино решение, явившееся результатом трудного компромисса борющихся за власть групп. На этот раз к противоречиям личного характера прибавились противоречия во взглядах: как и при помощи каких методов выйти из экономического и социального кризиса системы. КГБ, лучше всех информированный о пороках руководящих кадров, требовал смены старых кадров и усиления карательной политики, чтобы поднять дисциплину, производительность труда и эффективность экономики. Армия этому сочувствовала. Партаппарат сопротивлялся. Так образовались две группы: брежневцев и андроповцев. Брежневцы боролись за сохранение сложившихся позиций власти, а андроповцы за их изменение путем обновления и омоложения кадров всей иерархии власти, считая это предварительным условием преодоления экономического и социального кризиса в стране. Разумеется, такая позиция андроповцев не могла быть популярной на съезде чистокровных брежневцев. Они потерпели поражение. Но поражение явилось одновременно и уроком. То, что не удастся в легальных рамках, должно быть добыто испытанными методами политических и бытовых интриг. Для политической интриги повод дал сам Брежнев неслыханным в истории партии "антиконституционным", то есть антиуставным актом. На Западе это прошло незамеченным из-за незнания тонкостей партийного протокола. Во французском издании своей книги о Брежневе я отметил этот "антиконституционный"

акт, но неправильно оценил его как просто "протокольный ляпсус".

В партии существует закон, согласно которому Политбюро и пленум ЦК КПСС обсуждают и одобряют проекты постановлений по политическим, экономическим и социальным вопросам предстоящего съезда партии. Месяца за два до открытия съезда по постановлению тех же органов эти проекты публикуются в печати для "широкого обсуждения". "Обсуждения", впрочем, сводятся к "единодушному" одобрению, критические выступления не публикуются. Так вот, читатели газеты "Правда", знающие партийный порядок, были удивлены, когда прочли беспримерный в истории партии, даже при единоличной диктатуре Сталина, "монарший указ": "Одобрить проект ЦК КПСС..." (см. выше). Этот "антиуставный акт" можно было истолковать как "партийный переворот". Вероятно, его соперники так его и истолковали. Во всяком случае, с тех пор и начались интриги андроповских чекистов против Брежнева и его "днепропетровской мафии", которые приняли особенно интенсивный характер и масштаб в последний год генсекства Брежнева.

Весьма возможно, что этот антиуставный акт тоже был спровоцирован чекистами, которые держали в ближайшем окружении Брежнева своих людей вроде постоянного помощника генсека Александрова-Агентова; он ведь прямо перешел от покойного Брежнева к новому генсеку Андропову, от Андропова к Черненко. Потом от Черненко к Горбачеву. Этот же Александров или его сотрудник вручил Брежневу на его выступлении в Баку фальшивый текст, поставив его в смешное положение перед миллионами советских телезрителей; когда ему вручили наконец

правильный текст, Брежневу пришлось оправдаться: "Товарищи, я тут не виноват", — сказал он, но не выгнал Александра, при всех условиях виновного за этот промах. Интриганы, которые подсунули Брежневу куда более опасный и, конечно, взрывчатый текст, ставящий генсека выше ЦК, все-таки добились своей ближайшей цели: дезавуировать Брежнева как неудавшегося диктатора. Брежневу пришлось сначала на пленуме ЦК в феврале 1981 г., а потом на самом съезде партии признать, что он не единоличный вождь, а исполнитель воли коллективной диктатуры, называемой "коллективным руководством". Надо заметить, что это обычное для партии после Сталина упоминание о "коллективном руководстве" на высшем уровне при Брежневе уже более десяти лет, как совершенно исчезло со страниц партийной печати. Конечно, фигурировало Политбюро, но всегда подчеркивалось, что "во главе с Брежневым". Для обывательского политического мышления формула недвусмысленная: во главе старой России стоял царь — значит решал царь, во главе советской России стояли новые цари Ленин и Сталин — значит, решали они, во главе Политбюро стоит Брежнев, как новый царь, — значит, решает он один. Ведь не случайно, что в Пекине всех генсеков называли "новыми царями". Брежнев никогда не отводил такое ложное впечатление о его царском единовластии. Наоборот, односторонние подборки в "Правде" западных откликов на разные его выступления, в которых Брежнев рисовался хозяином страны, должны были служить укреплению верноподданнических чувств в советских людях к своему "монарху". Теперь, готовясь к съезду и на съезде, Брежнев должен был разочаровать своих "верноподданных".

За день до открытия XXVI съезда, 21 февраля 1981 г., состоялся предсъездовский пленум ЦК, на котором обсуждался отчетный доклад Брежнева съезду. На этом пленуме впервые за все время генсекства Брежнева как раз и возник вопрос, кто же руководит партией и государством — одно лицо или коллегия лиц. Какое по этому поводу было принято постановление, можно видеть из передовой статьи "Правды". Вот что говорится в этой статье: "Партия постоянно развивает внутрипартийную демократию... КПСС стремится к тому, чтобы *принцип коллективного руководства* неукоснительно соблюдался во всех звеньях — от первичных организаций до *Центрального Комитета*". (22.02.1981).

В отчетном докладе ЦК съезду Брежнев должен был сообщить съезду, что вопросы не только большой политики, но даже и текущие дела решал не он один, а коллегия лиц в лице пленума, Политбюро и Секретариата ЦК. На этот счет он приводил и конкретные данные. За отчетный период, сообщил он, состоялось 11 пленумов ЦК, 236 заседаний Политбюро и 250 заседаний Секретариата ЦК. Брежнев должен был указать, что "при подготовке к заседаниям, как и в ходе обсуждения, высказывались различные мнения, вносились многочисленные замечания и предложения... В этом единстве — *сила коллективного руководства*". Он признался, что, вопреки его антиуставному поступку, не генсек стоит выше Политбюро, а Политбюро стоит выше генсека. Вот его слова: "Политбюро — это поистине боевой штаб нашей многомиллионной партии. Именно здесь аккумулируется *коллективный разум* партии и формируется партийная политика". ("Правда", 24.02.1981).

Это была публичная самодисквалификация неудавшегося Цезаря под давлением силы, которой обязан режим своим существованием — КГБ во главе с Андроповым. Вот с этих пор обозначилась и претензия КГБ поставить во главе партии своего шефа. С этих пор начались и скрытые атаки чекистов против основной болезни брежневского режима — против повальной эпидемии коррупции во всех его звеньях — снизу доверху. Однако на самом съезде на эту тему было наложено табу. Партолигархия не любит стирать свое грязное белье при людях, разоблачения Хрущевым кровавых преступлений Сталина и сталинских чекистов были исключением. В узких кругах съезда решили сохранить коррупционный режим в неприкосновенности уже тем, что вынесли беспрецедентное в истории партии решение о политическом руководстве — не производить никаких выборов руководящих органов партии — оставить Политбюро, Секретариат, генсека в старом составе. Так же поступили и с пленумом ЦК, добавив сорок новых членов и двадцать кандидатов. Борьба чекистов против Брежнева вновь переносится за кулисы, чтобы исключить из игры партию и не тревожить безмолвный народ.

Психологические атаки, которые развернуло чекистское подполье после съезда против Брежнева, явно ухудшили здоровье генсека, что чекисты не без успеха и часто демонстрировали по советскому телеэкрану. Решающую победу андроповцы одержали, когда Политбюро покинули два его ведущих члена: "внезапно" умер идеологический лидер партии Суслов и пал жертвой еще не выясненных интриг КГБ "кронпринц" Кириленко, довоенный закадычный друг Брежнева. "Внезапно" умер и другой личный друг Брежнева, его военное око

в Москве, — маршал Кошевой, на похоронах которого Брежнева показывали по телеэкрану плачущим. Еще два удара пришлось Брежневу принять на себя — КГБ представил дискредитирующие материалы на его других друзей — на члена ЦК и первого секретаря Краснодарского крайкома Медунова, того самого, который назвал на последнем съезде доклад Брежнева "гениальным документом", и на другого его личного друга — министра внутренних дел СССР Щелокова. Ко всему этому прибавились и чисто семейные неприятности. Вскоре тот же КГБ обвинил дочь Брежнева в участии, вместе с ее другом, в каких-то валютных спекуляциях. Андропов умудрился обвинить даже своего первого заместителя по КГБ и шурина самого Брежнева, Цвигуна, в участии в темных делах дочери Брежнева. Его как будто вызвал на допрос к себе сам Сулов. Чекисты пустили слух, впрочем, вполне правдоподобный, — Сулов предложил Цвигуну покончить жизнь самоубийством. Через день стало известно, что Цвигун "внезапно" умер (в том же январе 1982 г. "внезапно" умер также и Сулов). Чекисты настолько распоясались, что осмелились пустить в ленинградском журнале "Нева" пародию на лауреата Ленинской премии по литературе "писателя" Брежнева, не называя его по имени, но по всем другим признакам этот "писатель" был не кто иной, как сам Брежнев. Трудно в этих чекистских джунглях разобраться, где тут правда и где легенда, но важные их последствия. Для самоуверенного Брежнева, который давно привык считать свою власть непоколебимой, свою персону неприкосновенной, дифирамбы чекистов и военных по своему адресу искренними, эти удары явились, видно, совершенно

неожиданными. Они полностью парализовали его волю к сопротивлению. Уже тогда за его спиной, как выяснилось потом, чекисты и военные заключили между собой политический торг по двум совершенно конкретным вопросам: о будущем наследнике генсека и судьбе гонки вооружений СССР—США.

Почему военные, которые именно Брежневу обязаны тем, что СССР стал военной супердержавой, а чекистов всегда ненавидели, пошли на сговор с КГБ? Дело в том, что американская военная технология качественно далеко ушла вперед по сравнению с советской военной технологией, как на земле, на море, в воздухе, так и в космосе, что явно потревожило советский Генеральный штаб. Отсюда новые требования военных к партийному руководству: резко повысить финансирование производства новых систем и новых типов вооружения. Сам начальник советского Генштаба маршал Огарков возглавлял эту группу наиболее воинствующих советских милитаристов. (Когда при Черненко и его "кронпринце" Горбачеве он еще раз повторил такое требование в мае 1984 г. в газете "Красная звезда", то его в начале сентября того же года сняли). Брежнев не был в состоянии удовлетворить новые требования Генштаба, не рискуя банкротством государства, тем более, что бездумно начатая в Афганистане авантюра поглощала огромные средства бюджета (кстати, вот итоги советско-афганской войны по американским данным: за шесть лет СССР израсходовал на эту войну более 40 миллиардов долларов, потерял убитыми и ранеными 30 000 солдат, убитых афганцев один миллион человек, бежавших из страны около пяти миллионов человек, — такова цена

советской "братской помощи"). Вероятно, эту ситуацию страны Брежнев старался объяснить военным, когда за две недели до своей смерти — 25 октября 1982 г. — устроил в Кремле прием для советского генералитета в присутствии более 500 маршалов, генералов и адмиралов. Возможно также, что Брежнев их ни в чем не убедил, но и ничего не мог обещать больше того, что им дается. Однако то, что не мог обещать генсек Брежнев, то обещали чекисты, если трон больного Брежнева займет их шеф — Андропов, предусмотрительно переведенный еще в мае 1982 г. в Секретариат ЦК из КГБ. Причем своим преемником по КГБ Андропов сумел назначить не законного кандидата на этот пост — своего первого заместителя Цинева, ибо тот был ставленником Брежнева, а своего человека из украинского КГБ — Федорчука. Так подготовились чекисты к "дворцовому перевороту" в Кремле Юрия Андропова. Об этом речь пойдет в следующей главе.

Глава 4. Дворцовый переворот Андропова

Даже не очень искушенные во внутрипартийных делах иностранцы заметили, что в Кремле после смерти Брежнева произошло нечто неожиданное и загадочное. Немецкий леволиберальный журнал "Шпигель", на страницах которого часто выступают высшие советские функционеры, писал, что Андропов "пришел в Кремле к власти почти с налета". (15.11.1982). Американский журнал "Ньюсуик" констатировал: "Эра Андропова, как и его предшественников, началась загадочно". (22. 11.1982). Даже разведывательные службы американского правительства были застигнуты врасплох приходом к власти Андропова. Газета "Интернэшонал геральд трибюн" писала на этот счет: "Чиновники администрации Рейгана сообщают, что эксперты разведок и специалисты по советским делам при администрации были удивлены, как далеко, оказывается, шагнул Андропов на путях установления своего доминирующего влияния. Еще за несколько дней до смерти Брежнева разведслужбы доложили Рейгану, что после Брежнева к власти придет триумвират". (17.11.1982).

До своего перевода из КГБ в секретари ЦК (май 1982 г.) Андропов вообще не котиrowался на партийной бирже потенциальных "кронпринцев". Еще в январе 1982 г., при жизни Суслова, по протоколу

иерархии кремлевских вождей, Андропов занимал девятое место. После смерти Суслова и неожиданного вывода из Политбюро Кириленко (что фактически произошло весной, а оформлено было только на ноябрьском пленуме), Черненко занял третье место (после Брежнева и формального председателя правительства Тихонова), а Андропов — четвертое. Вот с этих пор и началась борьба между двумя "кронпринцами" — "кронпринцем" от имени партаппарата (Черненко) и "кронпринцем" от имени полицейского аппарата (Андропов).

Развернулось и гадание в мировой печати: кто из этих двух займет кресло медленно, но зримо умирающего генсека. В этом активно участвовали и чекистские функционеры на Западе. Удивительным образом, они стали информировать, а не дезинформировать по главному вопросу — кто будет генсеком. Снабжая, однако, информацию комментарием — каждому, кто им был интересен, они шептали на ухо: "Генсеком будет либерал, интеллектual и реформатор — Андропов". После же перехода Андропова из КГБ в аппарат ЦК советские функционеры в Западной Германии сообщали доверительно, согласно "Шпигелю" (15.11.1982), что Андропов — "второй человек в ЦК" и что он сторонник "реформ и разрядки". В Польше и Венгрии партийные чиновники также рассказывали, что наследником Брежнева будет именно Андропов и что он осуществит реформы. ("Ньюсуик", 22.11.1982). Немецкий журнал "Цайт" сообщил, что Андропов "не радикал, а просвещенный консерватор". (19.11.1982).

Обобщенный итог "информационной" работы чекистов на Западе подвел влиятельный американский журнал "Тайм": "Парадоксально, что новый

советский лидер широко пользуется как в американской, так и в европейской прессе репутацией либерала и интеллектуала с прозападным уклоном". "Тайм" знает, чья это работа, ибо продолжает: "С тех пор, как Андропов покинул КГБ в мае, Советы усердно внушают о нем подобное представление... Многие советские интеллектуалы в Москве, советские туристы за границей и эмигранты (!) на Западе подчеркивают, рисуя его портрет, что он культурный человек, о котором сложилось представление как о верховном полицейском". (22.11.1982).

Почти все процитированные органы печати писали, что Андропов "либерал и интеллектуал с прозападным уклоном", что Андропов говорит по-английски, а "Цайт" добавлял, что Андропов говорит и по-фински, по-венгерски, немного по-немецки, играет в теннис, любит джазовую музыку, абстрактное искусство... В отличие от других учеников Сталина, он совсем не антисемит, ибо сам якобы полуеврей с материнской стороны. ("Цайт", 19.11.1982). (Если даже Андропов полуеврей, то это мало о чем говорит: Маркс был полный еврей, хотя и крещеный, но ярый антисемит своего времени. Брежнев был женат на еврейке, урожденной Гольдберг, и имел от нее детей, но это не мешало ему проводить политику советского "государственного антисемитизма").

После того, как Андропов стал генсеком, Кремль в свою очередь тоже "улучшил" его биографию: до сих пор писали, что Андропов родился в "семье служащего", стали писать, что родился в семье "железнодорожника"; до сих пор писали, что он имеет только среднее специальное

образование (окончил техникум водного транспорта), теперь стали писать, что у него высшее образование. Однако ни его происхождение, ни его "хобби", ни то, "полиглот" ли был Андропов, — не имеет никакого значения для его политической характеристики. Нас интересуют другие вопросы: 1. Как Андропов пришел к власти. 2. Какую политику он собирался вести.

Кто внимательно изучил историю партии, — начиная с ленинских времен, — тот знает, что в восьмидесятилетней истории большевистской партии еще не было случая, чтобы смена ее высшего руководства происходила в нормальном порядке, предусмотренном ее уставом. Каждое очередное руководство приходило к власти через партийный дворцовый переворот. Достаточно указать на партийные перевороты после революции.

1. Переворот Ленина против ЦК (первый переворот, который совершил Ленин в 1917 г. после возвращения из-за границы, был не октябрьский переворот против Временного правительства, а апрельский переворот против собственного ЦК за его политику "условной поддержки" Временного правительства).

2. Переворот "тройки" (Зиновьева, Каменева, Сталина) против умиравшего Ленина и законного наследника на его престол — Троцкого и троцкистов (1924 г.).

3. Переворот "четверки" (Маленков, Берия, Хрущев, Булганин) против умиравшего Сталина и его законного наследника — Молотова и молотовцев (1953 г.).

4. Неудавшийся переворот молотовцев и маленковцев против Хрущева (1957 г.).

5. Удавшийся переворот "тройки" (Суслов, Брежнев, Косыгин) против Хрущева (1964 г.).

Даже скудные данные из советских официальных источников о ходе и исходе событий 1982 г. в Кремле дают основания предположить, что Андропов тоже пришел к власти через партийный переворот, вопреки воле Брежнева и назначенного им своим наследником Черненко. В последнее время Черненко фактически занимал кресло тяжелобольного и неработоспособного Брежнева как второй секретарь ЦК КПСС, что по внутрипартийным законам должно было гарантировать ему трон генсека.

Чтобы в какой-то мере объяснить, почему Андропову удалось скинуть его с этого кресла, надо остановиться на некоторых моментах истории падения (при Хрущеве) и возвышения (при Брежневе) органов КГБ. После расстрела руководящей клики чекистов во главе с Берия в декабре 1953 г., после разоблачения преступлений и культа Сталина на XX съезде (1956 г.) и открытого разоблачения террористической практики чекистов тридцатых годов на XXII съезде (1961 г.) "органы" достигли низшей точки падения своего влияния и власти. При Сталине на всех уровнях партийной иерархии шефы "органов" входили, как надзиратели, в состав бюро партийных комитетов — от бюро райкомов, обкомов, крайкомов, центральных комитетов республик до Политбюро включительно. Хрущев отменил эту практику, поставив "органы" под контроль партаппарата. Новый шеф КГБ Семичастный был избран на XXII съезде только кандидатом в члены ЦК (потом за участие в перевороте против Хрущева он был переведен в члены ЦК). Сам КГБ был снижен в своем юридическом статусе — он больше не входил

прямо в состав правительства, а находился при правительстве — его статус так и гласил: "КГБ при Совете министров СССР".

Когда в мае 1967 г. секретарю ЦК КПСС по соц-странам Андропову предложили пост председателя КГБ, то он, знающий себе цену, согласился на это назначение при условии, что его сделают кандидатом в члены Политбюро. Этим Андропов сразу достиг двойной цели: собственного повышения в партийном ранге, что было одновременно и повышением авторитета поруганных Хрущевым "органов". Как это и положено, провинция взяла пример с центра — местных шефов КГБ вновь начали вводить в состав партийных комитетов.

Чтобы повысить авторитет "органов" по проведению в жизнь разработанной ими ловушки — "разрядки" в международных делах — и в связи с этим для усиления борьбы с внутренней оппозицией, Андропова сделали членом Политбюро (1973 г.). Местные партийные комитеты последовали этому примеру тоже, введя в бюро шефов КГБ. Это была не только полная политическая реабилитация "органов", это было нечто большее: отныне КГБ стал равноправным участником "треугольника" верховной власти — партия, армия и политическая полиция. Вполне естественно поэтому, что с ростом реальной власти КГБ пришлось пересмотреть и его юридический статус. 5 июня 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о переименовании "КГБ при Совете министров СССР" в "КГБ СССР". В книге "Сила и бессилие Брежнева" (изд. "Посев", 1979 г.) я писал по этому поводу: "Андропов третий чекист после Ежова и Берия, который стал членом Политбюро. Уже одно это говорит о той высоте

власти, которой достигли чекисты при Брежнев... Но Брежнев не может не знать, хотя бы на опыте Ежова и Берия, как трудно здесь скалькулировать элемент риска. Ведь КГБ, собственно, и есть единственная легальная власть, которая нелегально может организовать свержение самого генсека". (Стр. 48, 49).

Я утверждаю, что так оно и случилось: еще не остыл труп Брежнева, как Андропов ссадил с брежневского кресла исполняющего обязанности генсека Черненко и сам сел в него, опираясь на КГБ и армию. Берия расстреляли якобы за то, что он хотел поставить МВД и себя над Кремлем, а Андропов поступил именно так — и это не вызвало ни малейшего сопротивления со стороны партаппарата. Что же касается Политбюро, то надо думать, что большинство его членов задним числом санкционировали переворот Андропова — лишь бы пост генсека не достался ненавистному им партийному выскочке и брежневскому фавориту Черненко. Более того. Они заставили Черненко унижаться перед захватчиком его власти, предложив ему выступить на чрезвычайном пленуме ЦК с выдвижением кандидатуры Андропова.

Чрезвычайный пленум ЦК КПСС, созванный 12 ноября 1982 г. для избрания генсека, судя по информационному сообщению, совершенно не обсуждал вопрос, кто должен быть избран генсеком. Пленум тоже, как и Политбюро, принял к сведению совершившийся переворот. Весьма красноречиво об этом говорит сам протокол пленума. Кто открывает пленум? В нормальных условиях пленум должен был открыть исполняющий обязанности генсека Черненко или один из старых членов Политбюро. Но открыл его сам

Андропов, который свою необычно краткую речь в несколько минут закончил словами: "Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу".

"Товарищи" высказались только в лице одного "товарища": Черненко. Он два раза подчеркнул, что Политбюро "единодушно", "все члены Политбюро" выдвигают генсеком Андропова (если действительно так было, то не надо это подчеркивать дважды). Почти вся речь Черненко была посвящена не избранию нового генсека, а величанию Брежнева, а в самом Андропове Черненко тоже хвалил брежневские качества руководителя: "...Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневское отношение к кадрам... Юрию Владимировичу присущи... пристрастие к коллективной работе". ("Правда", 13.11.1982).

И что же дальше?

Андропов даже не задал вопроса, есть ли желающие высказаться, имеется ли отвод против его, Андропова, кандидатуры. Поскольку председателем пленума являлся он сам (в протоколе не указано, чтобы кто-нибудь его заменял на этом посту), то, очевидно, он же и поставил на голосование свою кандидатуру. Генсек был избран, как полагается, единогласно. Пленум продолжался, судя по протоколу, около часа или немножко больше, процедура избрания генсека — несколько секунд!

Уже состав комиссии по организации похорон Брежнева был необычным — ее возглавлял сам Андропов еще до того, как стал юридически генсеком. Он включил туда всех наличных в Москве членов и кандидатов Политбюро, плюс секретарей ЦК КПСС, но почему-то в нее не были включены

Долгих, Демичев, Соломенцев, Русаков (в комиссию по похоронам Сталина входили вожди второго и третьего ранга и возглавлял ее не первый секретарь ЦК Маленков, а второй секретарь ЦК Хрущев). Этим самоназначением Андропов хотел продемонстрировать, кто "командует парадом", и психологически подготовить партию к своему официальному утверждению на пост генсека.

Совершенно скандальным был как с точки зрения традиционного партийного протокола, так и в отношении почитания памяти покойного тот факт, что на похоронах не разрешили выступить самым близким, первым соратником Брежнева: заместителю Брежнева по партии — Черненко, заместителю Брежнева по Верховному Совету — Кузнецову и даже официальному главе советского правительства — Тихонову. Все они ведь из его "мафии".

Из членов Политбюро выступили только вчерашний глава КГБ Андропов и возглавитель армии Устинов, ярко символизируя этим, какие силы организовали "дворцовый переворот" в Кремле.

Что за политический тип представлял собой новый лидер Кремля? Маленький Сталин? Другой Брежнев? Или, как утверждала мировая печать — со слов чекистов, — "реформатор, либерал и интеллектуал"? При нынешнем состоянии нашей информации трудно гадать на эту тему. К тому же, мы совершенно не знаем истинных мотивов, которыми руководствовался одиозный начальник одиозного учреждения — КГБ, когда брал на себя всю полноту власти над партией. Если он действовал по принципу: "Власть — все, конечная цель — ничто", то он и маленький Сталин и большой Брежнев в одном лице. Если же власть была ему нужна, чтобы давно назревшими экономическими и социальными реформами попытаться

вывести советское государство из тупика, а советскому народу создать, наконец, сносный материальный уровень жизни, — тогда люди могли быстро забыть, что он был возглавителем "просвещенной инквизиции" с ее психотюрьмами и модернизированным ГУЛАгом.

Возможны ли такие реформы? Скепсис, высказанный Я. Трушновичем в № 12 журнала "Посев" за 1982 г., тут к месту, — но в политике, даже в советской политике, все возможно, тем более, что у Андропова альтернатива была так ясна и проста: догма — или хлеб, догма — или выход из перманентного кризиса экономики. Если Андропов действительно был "реформатор и интеллигент", то эту альтернативу он должен был видеть не хуже западных критиков советской экономической системы. Однако вынужденные либеральные реформы в экономической области не могут сделать самого диктатора автоматически "либералом". Особенно это относится к диктаторам таких тоталитарных систем, как советская. Поэтому, если экономические реформы в СССР в какой-то мере еще возможны, то политические реформы исключены уже в силу природы самой власти. "Просвещенный сталинизм" — таков идеал партократии.

Если бы произошло чудо и Андропов начал бы реформировать политическую систему хотя бы в той мере, в какой это старался делать Хрущев (впрочем, сумбурно и непоследовательно), то его постигла бы участь того же Хрущева. Но такая опасность Андропову не грозила. Если мы ничего не знаем о том, что он собирался делать в области экономики (да Андропов сам признавался, что у него "готовых рецептов нет"), то мы точно знаем его политическую программу. Он ее вложил в уста своего ставленника и преемника, нового

руководителя КГБ СССР — генерала Федорчука — на ноябрьской сессии Верховного Совета СССР. Выступление Федорчука на ней нечто вроде "тронной речи" "либерала" Андропова.

Федорчук обосновывал перед сессией "проект закона СССР о государственной границе СССР". Со времени Сталина мы знаем, что советская граница была и остается "на замке", безотносительно к тому, какие государства окружают СССР, "вражеские" капиталистические или "братские" социалистические. И законы на этот счет тоже сталинские, то есть сверхдраконовские. Казалось бы, что еще можно придумать такое, до чего не додумался сам Сталин? Но Федорчук нашел, что можно придумать: двойной замок! "Двойной замок" ставит перед собою и двойную цель: восстановить "железный занавес" в его первозданном виде и раздуть в стране шпиономанию высокого сталинского класса. Я позволю себе привести выдержки из этого удивительного в нынешних условиях полицейского документа. Федорчук заявил: "Сейчас наш классовый противник активнее и массивнее, чем когда-либо прежде, ведет против нашей страны тотальный шпионаж, осуществляет идеологическую диверсию, старается нанести ущерб советской экономике. В подрывной деятельности империалистические спецслужбы важное место отводят враждебным действиям на нашей границе... западные разведорганы и центры идеологической диверсии пытаются засылать в нашу страну своих агентов и эмиссаров, нелегально ввозить в СССР оружие и взрывчатые вещества, наркотики, специальные радиосредства и портативную множительную технику, печатные материалы подрывного характера... Пограничные войска, советские чекисты... прилагают

все силы к тому, чтобы надежно ограждать советское государство и общество от подрывной деятельности империалистических спецслужб, разного рода антисоветских центров, их шпионов и эмиссаров". ("Правда", 25.11.1982).

Я не думаю, что из Федорчука получился бы новый Ежов, а из Андропова новый Сталин (такие чудовища рождаются в сотни лет один раз). Но на таком языке с народами СССР разговаривали как раз Ежов и Сталин накануне "Великой чистки". Характерно и другое: Федорчук считал себя вправе выставить "аттестат политической зрелости" своему предшественнику. Он говорил: "Все мы знаем Юрия Владимировича Андропова как талантливого руководителя и организатора, политического деятеля ленинской школы, обладающего широким кругозором и большой прозорливостью, глубоким видением проблем и мудрой осмотрительностью при принятии решений. Работая 15 лет на посту председателя Комитета государственной безопасности СССР, товарищ Андропов сыграл выдающуюся роль..." и т.д.

Но самое поразительное в речи Федорчука — это та абсолютно точная характеристика места и роли органов КГБ в системе диктатуры, которые они вновь приобрели после Хрущева в эпоху Брежнева. Правда, об этом мы знали и без Федорчука, но в СССР не было принято выражаться на этот счет вслух. Федорчук выразился, и выразился с похвальной откровенностью полицейского циника: *"Органы КГБ стали на деле выполнять роль боевого отряда партии..."* ("Правда", там же). Вот этот самый "боевой отряд партии" и привел к власти Андропова, как в свое время "боевые отряды штурмовиков" нацистской партии привели к власти Гитлера.

Какова же могла быть внешняя политика Андропова? Чтобы ответить на это, надо выяснить другой вопрос: в какой мере внешняя политика в эпоху Брежнева была политикой самого Брежнева? На последний вопрос я уже отвечал в книге, посвященной Брежневу. Я утверждал там, что у Брежнева никакой своей собственной линии не было ни во внутренней, ни во внешней политике, ибо он был лишь исполнителем, который скрупулезно проводил в жизнь волю триединой реальной власти в стране: партаппарата, политической полиции и армии. Внешний мир связывал политику "разрядки" с личностью Брежнева, а на самом деле на ней красовалось яркое клеймо кухни Андропова "made in KGB".

Истинную цель "разрядки" Запад распознал только тогда, когда при ее помощи Советский Союз догнал и перегнал Америку по стратегическому ядерно-ракетному вооружению, нацелил на Европу до 300 атомных ракет средней дальности, да еще водрузил знамя "марксизма-ленинизма" над дюжиной государств в Африке, Азии и Латинской Америке. Это была инициатива и творчество не Брежнева, а Андропова. Об этом я и писал в упомянутой книге. Да простит мне читатель, если из нее я приведу еще одну цитату, тем более, что книга написана еще тогда, когда мало кто допускал, что начальник тайной полиции и чекистских войск через два-три года займет пост генсека партии. Вот соответствующее место: "Разработанная мозговым трестом КГБ концепция, известная под почти кодовым словом "разрядка", легализовала — при поразительной беспечности Запада — инфильтрацию чекистских идей и людей во все организации и учреждения свободного мира, парализовала

организованное сопротивление против советской идеологической агрессии, увековечила советское порабощение восточноевропейских народов, санкционировала право чекистов финансировать и вооружать "освободительные войны" и "революционные перевороты" "советских братьев" в джунглях Азии, Африки и Латинской Америки. Все возрастающий поток — на основе той же "разрядки" — западных кредитов, техники и технологии позволяет Кремлю не только продолжать гонку вооружений, содержать огромную армию, но и отсрочить экономическую катастрофу, постоянно угрожающую из-за ненасытной прожорливости военной машины". ("Сила и бессилие Брежнева", стр. 6, изд. "Посев", 1979).

Вполне логично, что, став во главе Кремля, Андропов продолжал бы эту же свою собственную политику "разрядки" еще более последовательно, главное — еще более эффективно. Личные интеллектуально-полицейские качества Андропова гарантировали этой политике такие выдающиеся успехи, которые и не снились Брежневу. Брежнев был типичным советским мещанином на вершине власти сверхдержавы, и эта власть его интересовала в первую очередь как источник собственного материального благополучия и византийского великолепия. Поэтому в Кремле не хватало гаражей для коллекции его зарубежных автомобилей, а на груди самого Брежнева места для новых орденов, точь-в-точь как у бывшего владыки Центральной Африки Бокассы. Именно поэтому он и был выдвинут в генсеки заговорщиками против Хрущева.

А вот Андропова никто не выдвигал — он сам выдвинулся. Если бы даже у нас не было никаких других доказательств, достаточно этого

бесспорного факта исторического значения, чтобы быть уверенным, что в лице Андропова мы имели дело не с мещанином, даже не с узколобым полицейским, а с рафинированным политиком высшей сталинской школы (Федорчук, для "красоты слога", говорил, что Андропов политик "ленинской школы"). Такой уже не выступит на встречах с главами иностранных держав со шпаргалкой в руках и не станет беспрерывно запрашивать мнение Политбюро по спорным вопросам, как это делал Брежнев. В международных делах самой трудной и самой сложной проблемой для Андропова явился весь тот комплекс, который связан с вопросами сокращения атомного стратегического оружия и достижения соглашения в переговорах в Женеве насчет атомного ракетного оружия средней дальности действия в Европе.

Ключ к выполнению пресловутой "продовольственной программы" партии лежит в арсенале советского вооружения. Если будет продолжаться и дальше гонка вооружений с американцами под лозунгом "кто кого превзойдет", — то эта "программа" сорвется еще до того, как приступят к ее выполнению. Если бы Андропов договорился с Рейганом о прекращении гонки вооружений с обеих сторон или даже о сокращении существующего оружия, — тогда Советский Союз мог бы перебросить освободившиеся средства из военного бюджета на выполнение названной "продовольственной программы" (это, конечно, только смягчит остроту продовольственного кризиса, но не ликвидирует его, пока не будет ликвидирована сама первопричина перманентного кризиса — колхозная система).

Однако встает новый вопрос: если бы даже Андропов из-за тяжелого внутреннего положения

захотел заключить соответствующий договор, то разрешила ли бы ему армия, при помощи которой он пришел к власти, заключить такой договор? Мы хорошо помним, как Хрущев хотел сократить личный состав армии и военный бюджет, а освободившиеся средства перебросить на поднятие сельского хозяйства. Соответствующее решение было принято Советом министров СССР в сентябре 1964 г. А через месяц — в октябре 1964 г. Хрущева свергли, опираясь на армию. После этого, смертельно боясь собственного свержения, Брежнев подписывал любые ассигнования на вооружение, которые от него требовала армия. Ведь нельзя забывать, что после Сталина и Хрущева не советские лидеры правят советской армией, а советская армия правит советскими лидерами в вопросах большой военно-политической стратегии. Люди гадали: не побоятся ли Андропов вступить в конфликт с интересами этой армии, если он заключит договор с Америкой и попытается положить конец наращиванию советского вооружения? Беспрецедентное столкновение между партаппаратом и военным аппаратом по поводу заявления Рейгана о его плане производства новых межконтинентальных ракет "МХ", чтобы догнать по этой части Советский Союз, показывает, что армия по-прежнему чувствует себя хозяином положения. Дело в том, что когда недавно "Правда" заявила, что СССР не думает "соревноваться" с США в создании всякой новой системы вооружения (такое заявление "Правда" могла делать только с ведома или даже по поручению Андропова), то Устинов поспешил дезавуировать "Правду", сообщив, что СССР не позволит американцам перегнать его и будет производить такие же новые системы стратегического оружия, как и Америка.

До тех пор, пока советская армия пользуется правом вето в вопросах вооружения и разоружения — не быть контролируемому разоружению. Путь к этому лежит через "разоружение" советских милитаристов, то есть через чистку аппарата министерства обороны и Генштаба от вояк, чрезмерно усердствующих во вред благополучию народов СССР, делу мира и нормальных отношений между СССР и США. Андропов это знал точно.

Во внутрипартийной политике Андропов хотел обновления и омоложения кадров партийного и государственного аппарата. "Кадровая политика" Брежнева, сформулированная партаппаратом как "бережное отношение к кадрам", сводилась к тому, что руководящие "выборные" функционеры партии и государства оставались на своих постах пожизненно, не зная не только "выборов", но и пенсионного возраста. Для этого свою карьеру генсека Брежнев начал с того, что отменил введенный Хрущевым на XXII съезде в устав партии параграф об обязательном и систематическом обновлении выборных органов в процентных нормах от первичных партийных организаций до Политбюро включительно. Отсюда партийный и государственный аппарат стал дряхлым, неподвижным, безынициативным — чем выше, тем больше. Отсюда же чисто брежневский феномен, невозможный при Сталине и Хрущеве: тотальная коррупция чиновников на всех уровнях иерархии вплоть до московских министерств, даже до окружения Политбюро. "Присвоение социалистической собственности" чиновниками, "расхищение социалистической собственности" обывателями, повсеместные взятки должностным лицам за услуги, более того — продажа и купля самих должностей в снабженческих

учреждениях, — обычные явления "советского образа жизни". Самое страшное: такая практика никого не возмущает, да и происходит все это по негласному принципу "круговой поруки" и взаимного покровительства.

"Ностальгия" по Сталину в иных кругах советского общества, собственно, и объясняется как своеобразный протест против этой вакханалии всеобщего разгула и разложения советского господствующего класса. Из всех внутренних проблем, которые достались Андропову от его предшественника, вот эта проблема, коррупция, являлась, на мой взгляд, самой тяжелой и почти неразрешимой (ведь ее глубокая причина не в характере советского обывателя или даже советского чиновника, а в самой советской системе). В последние годы Азербайджан во главе с Алиевым был как бы вроде "опытного поля" КГБ по чистке партийного, государственного и хозяйственного аппарата от коррупционных элементов. Андропов хотел распространить азербайджанский опыт Алиева на всю страну и начать его с чистки партийного аппарата, который всюду покрывает преступников с партбилетами.

У нового генсека была и другая, но уже более важная причина начать чистку именно с партаппарата. Вожди партократии давно усвоили ту политическую аксиому, что преданными и надежными кадрами при данной системе являются только те кадры, которые своим выдвижением и карьерой обязаны не предыдущему, а данному вождю. Куда легче захватить власть умирающего вождя при помощи "боевого отряда партии", чем удержать ее против сопротивления и саботажа партаппаратной иерархии. Нынешняя "Великая

чистка" Горбачева как раз и доказывает, как он глубоко воспринял эту аксиому, не побоявшись начать ее прямо с Политбюро.

Через десять дней после смерти Брежнева, на ноябрьском пленуме ЦК КПСС, Андропов подверг уничтожающей критике хозяйственную политику своего предшественника. Он заявил: "Хотелось бы со всей силой привлечь ваше внимание к тому факту, что по ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки оказались невыполненными... Главный показатель эффективности экономики — производительность труда — растет темпами, которые не могут нас удовлетворить. Остается проблема несопряженности в развитии сырьевых и перерабатывающих отраслей... Планы по-прежнему выполняются ценой больших затрат и производственных издержек... Все еще действует сила инерции, привычка к старому..." Констатируя такое неутраченное положение в экономике, новый генсек сам поставил вопрос о необходимости изменения экономического механизма. Он сказал: "В последнее время немало говорят о том, что надо расширять самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора, чтобы подойти к решению этого вопроса..." Но как к нему подойти, как реорганизовать экономическую систему, чтобы она стала эффективной, новый вождь Кремля с несвойственной лидерам Кремля откровенностью заявил: "В общем, товарищи, в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения". И, явно намекая на лозунг Брежнева "экономика должна быть экономной", Андропов добавил: "Одними лозунгами

дело с места не сдвинешь". ("Правда", 23.11.1982).

К этой центральной проблеме всего народного хозяйства страны Андропов еще раз вернулся в своей статье "Учение Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР". Андропов писал: "Наши заботы сейчас сосредоточены вокруг повышения эффективности производства, экономики в целом... Что же касается ее практического решения, дело движется не так успешно... Почему от огромных капиталовложений мы сейчас не получаем должной отдачи, почему не удовлетворяющими нас темпами осваиваются в производстве достижения науки и техники?" (Журнал "Коммунист", № 3, февраль 1983 г., стр. 22).

На правильно поставленный вопрос Андропов дал ложный ответ: неэффективность советской экономики он объяснил недостатками в усовершенствовании и перестройке хозяйственного механизма и форм и методов его управления. Как и его предшественники, Хрущев и Брежнев, Андропов искал своих "рецептов" не в сфере реформ социально-экономической системы, а в сфере административно-бюрократической перестройки. Мы еще помним бесконечные хрущевские бюрократические организации, реорганизации, ререорганизации, помним, как Брежнев и его соратники, ликвидируя "субъективизм" и "волюнтаризм" Хрущева, как раз и создали нынешний хозяйственный механизм. Брежнев докладывал на XXV съезде КПСС (1976) о "новом механизме", призванном творить хозяйственные чудеса. Но выяснилось, что новый хозяйственный механизм как раз и завел советскую экономику в окончательный тупик. Неужели Андропов хотел усовершенствовать еще раз вот этот уже усовершенствованный "механизм"?

Советским лидерам, которые бесконечно клянутся именем Ленина, как раз не хватает ленинского чувства реальности: когда первоначальный советский коммунизм (он назывался тогда "военным коммунизмом") потерпел крах, Ленин не стал искать "усовершенствованный хозяйственный механизм", а объявил НЭП. Ленин честно объяснил и причину введения НЭПа: "Мы думали (при "военном коммунизме" — А. А.), что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение... Если мы эту задачу пробовали решить прямым, так сказать лобовой атакой, то потерпели неудачу". (Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 47). А через год после введения НЭПа Ленин объяснил и причины, почему советская хозяйственная система все еще плохо работает.

Он в своем отчете ЦК на XI съезде (1922 г.) сослался на то, что говорят о коммунистах в народе: "Капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете? Люди вы превосходные, но то дело, экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете... Принципы коммунистические, идеалы хорошие, — ну прямо расписаны так, в рай живыми проситесь, — а дело делать умеете? Старый капиталист умеет, а вы не умеете", — и Ленин закончил доклад словами: "Мы хозяйничать не умеем". (XI съезд РКП (б). Стенографический отчет. 1961 г., Москва, стр. 17—18). Прошло более 60 лет, а эти слова Ленина никогда не были так актуальны, как сегодня. Андропов это только подтвердил. Кризис советской экономики есть социально-структурный кризис самой экономической системы. Поэтому его решение в рамках советского режима возможно только радикальными

реформами типа ленинского НЭПа, что в нынешних условиях означало бы: денационализация легкой промышленности, приватизация сферы обслуживания, деколлективизация сельского хозяйства, легализация рынка. Если Андропов действительно хотел, чтобы советский рабочий не бегал от работы, а бегал за работой, то он должен был поступать так, как поступают во всех индустриальных странах Запада: сделать советский рубль обратимым (конвертируемым), каким и был червонец при НЭПе, а советские магазины заполнить высококачественными товарами с нормальными ценами, как заполнены сейчас в Москве "Березки" для иностранцев и закрытые распределители для партийно-бюрократической элиты. Это явилось бы прямым следствием названных мною экономических реформ. Однако ничто так не пугает партократию, как само слово "реформа". Поэтому вы никогда не встретите этого слова в партийной литературе, если даже речь идет о действительных реформах, которые произвел сам Ленин. Здесь в идеологию большевизма исторически вкоренился догматический комплекс вражды ко всякого рода "реформам", как их проповедовала немецкая социал-демократия при капитализме (Бернштейн), или как требуют реформ "реального социализма" еврокоммунисты. Как раз говоря об этих "реформистах", Андропов дал понять, что он не пойдет ни на какие реформы, которые затрагивают догматические основы советского "марксизма-ленинизма".

Вот его слова: "Приходится слышать порой, будто новые явления общественной жизни "не вписываются в концепцию марксизма-ленинизма", что он будто бы переживает "кризис" и надо, дескать, "оживить

его" вливанием идей, почерпнутых из западной социологии, философии или политологии. Дело здесь, однако, совсем не в мнимом "кризисе" марксизма. Дело в другом — в неспособности иных теоретиков, называющих себя марксистами, подняться до истинных масштабов теоретического мышления Маркса, Энгельса, Ленина... Не размыывать марксистско-ленинское учение, а, наоборот, бороться за его чистоту... вот путь к познанию и решению новых проблем". ("Коммунист", там же, стр. 22).

Я думаю, что вывод отсюда ясен: от правления Андропова каких-либо существенных экономических преобразований ждать не приходилось. Приходилось ждать усиления репрессий.

Преследование по "бытовым преступлениям" входит в функции МВД СССР, Прокуратуры и судебных органов, а если дело касается партийных чиновников, то это входит в компетенцию партийно-надзорных органов — народного контроля при правительстве или партийного контроля при ЦК. Но эти органы либо сами были задеты коррупцией, либо не проявляли никакого желания ссориться с партийно-государственной бюрократией, руководствуясь указанием Брежнева о "бережном отношении к кадрам". Вот тогда еще, при жизни Брежнева, органы КГБ включились в борьбу с коррупцией, начав ее в двух наиболее зараженных коррупцией республиках — в Грузии и Азербайджане. Во главе партии этих республик поставили чекистов (Шеварднадзе и Алиев, их сделали даже кандидатами в члены Политбюро). Со своей первоочередной задачей — чистка аппарата власти от коррупционных элементов — они справились блестяще.

Некоторые высшие функционеры этих республик погибли при загадочных обстоятельствах — министр внутренних дел Азербайджанской ССР Гейдаров и его заместитель Кязимов были кем-то застрелены в кабинете ("Бакинский рабочий", 5.07.1978), но кем и почему они были застрелены, общественность так и не узнала, в июне 1978 г. погиб в "автомобильной катастрофе" председатель Совета министров Грузии Патаридзе, без свидетелей и без других пострадавших. Говорят, есть какой-то мистический закон "серийности" в несчастных случаях. Азербайджано-грузинские несчастные случаи начали повторяться и в других республиках и краях: в декабре 1980 г. председатель Совета министров Киргизской ССР Ибрагимов был застрелен в больнице, но убийцу так и не нашли, а в октябре того же года первый секретарь ЦК Белоруссии Машеров в бронированном автомобиле и сопровождаемый эскортом погиб в "автомобильной катастрофе", в которой, очевидно, никто из других пассажиров не пострадал (Машеров был кандидатом в члены Политбюро, поэтому на его похоронах должен был по протоколу присутствовать минимум кандидат в члены Политбюро, но этого не случилось).

"Неожиданно" или "внезапно" умерли первые секретари обкома Якутии (Черняев), Татарии (Мусин), Таджикистана (Расулов), секретарь Президиума Верховного Совета СССР (Георгадзе), вторые секретари ЦК Украины (Соколов), Ленинградского обкома (Суслов), главный редактор журнала "Проблемы мира и социализма" (Задоров). Сюда же надо отнести и смерть Цвигуна. По этому поводу немецкий "Шпигель" в свое время заметил: "Целый ряд смертных случаев мог вызвать в среде

партийной элиты скрытый страх, что наступила новая опасная эра". ("Шпигель", № 1, 1983 г., стр. 71). Доказать это невозможно, но, апеллируя к практике "органов" в прошлом (коллегия ОГПУ в двадцатых годах, "чрезвычайные тройки" НКВД в тридцатых годах имели право расстреливать людей без суда и следствия), можно допустить, что существовало какое-то глубоко засекреченное чрезвычайное судилище по делам преступлений высших чинов партии и государства, которых судить нормальным судом невозможно, не дискредитируя режим.

Два высшие назначения Андропова находились в прямой связи с этой проблемой — назначение чекиста Алиева первым заместителем Совета министров СССР, при одновременном введении его в члены Политбюро, назначение своего преемника на посту председателя КГБ министром внутренних дел СССР с производством его, заодно, в чин генерала армии (на этом посту он был Андропову важнее, чем во главе КГБ, который он сам фактически возглавлял и дальше).

Советская пресса получила указание более смело разоблачать случаи коррупции, злоупотребления властью и нарушения существующих законов. Но Андропова ждало здесь решительное поражение. Советская коррупция, как указывалось, органическая болезнь советской структуры власти: бюрократия, которая неподконтрольна ни свободно избранному парламенту, ни свободно функционирующей и от партии независимой печати, как раз свободна творить коррупцию и безнаказанно злоупотреблять властью. Еще лорд Актон знал, что власть портит людей, а абсолютная власть портит абсолютно. Правда, в давние времена

среди идейных большевиков были люди, которые видели корень зла советской системы именно в отсутствии свободной печати. Так, старый большевик, бывший секретарь Московского комитета партии Г. Мясников, писал в брошюре "Больные вопросы", что в советском государстве ввиду монополии партии в области печати процветают коррупция, взяточничество, злоупотребления властью, а партийная печать молчит или прикрывает партийных бюрократов. Проанализировав тогдашнюю советскую действительность, он пришел к выводу: "У нас куча безобразий и злоупотреблений: нужна свобода печати их разоблачать", — поэтому он предлагал объявить свободу печати "от монархистов до анархистов". Ленин в личном письме Мясникову ответил: "Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем". (Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 479—480).

"Дозированные" разоблачения Андропова послужили лишь толчком к усовершенствованию техники коррупции и к рафинированности ее методов.

Глава 5. "Теоретик" Андропов и наследник Черненко

Начну с замечательной цитаты из речи Андропова на июньском идеологическом пленуме ЦК КПСС 1983 г.: "Стратегия партии в совершенствовании развитого социализма должна опираться на прочный марксистско-ленинский фундамент. Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся..." ("Правда", 16.06.1983 г., далее цитаты из речи Андропова везде по этому номеру).

После такого заявления Юрия Андропова партийному мужику ничего не остается, как воскликнуть, вспомнив своего далекого предка: "Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!" В самом деле, что же получается: десятилетиями учили партию, что уже Ленин сформулировал "основополагающие законы" советского социализма, а что касается пресловутого отныне "развитого социализма", то его законы доподлинно сформулированы в решениях XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездов КПСС, в "девяти-томнике" Брежнева, в сборниках "избранных статей и речей" всех членов Политбюро, в том числе и самого Андропова; все бесчисленные учебники, монографии, энциклопедии в миллионных тиражах твердят о том же. Что же, все это теперь объявляется макулатурой?

Выступление Андропова по данному вопросу как раз и было всем своим острием направлено

против "макулатурной" теории и практики Брежнева и его помощника Черненко. Более того, оно прямо было направлено против следующего положения Черненко в его основном докладе на пленуме: "Подлинными достижениями марксистско-ленинской мысли последнего времени мы по праву считаем положения и выводы, содержащиеся в материалах XXIV—XXVI съездов КПСС, Пленумов ЦК, в выступлениях Генерального секретаря ЦК Ю.В. Андропова (где же Брежнев? — А.А.). Разработка концепции развитого социализма, путей повышения эффективности производства в условиях научно-технической революции, постановка вопроса о становлении бесклассовой структуры общества... эти и другие теоретические обобщения вооружают партию новыми идеями, научно обоснованным, взвешенным подходом к актуальным проблемам современности". ("Правда", 15.06.1983).

Если бы в Черненко не сидел карьерист, то он должен был бы открыто ответить на уничтожающую критику основного положения своего доклада Андроповым и подать в отставку, тем более, что текст его доклада несомненно утверждался на Политбюро. Он этого не только не сделал, но еще перед лицом всей партии и страны изменил человеку, которому был обязан тем, что стал членом Политбюро — Брежневу, согласившись выбросить его имя и его "девятитомник" "Ленинским курсом" из перечисленных "подлинных достижений" марксистско-ленинской мысли.

По существу критики Андропов, конечно, был прав. Невероятное убожество марксистской теоретической мысли и тотальная беспомощность в теоретических вопросах ведущих кадров партии — вот наиболее характерные черты состояния

советского идеологического фронта. Все эти "советские звезды" в марксизме — пономаревы, зимянины, замятины, загладины, арбатовы — идеологические шаманы и в теории такие же примитивы, каким был и их покойный шеф-идеолог Суслов.

Партия, которая гордится своим происхождением от основоположников "передового учения" — Маркса и Энгельса, от учителей революции и диктатуры — Ленина и Сталина (маршал Устинов и вице-адмирал Григорьев после долгого перерыва вновь коленопреклоненно вспомнили о Сталине — см. "Правду" от 9.05 и 21.08.1983), партия, которая на путях к власти выдвинула много талантливых теоретиков и пропагандистов, — вот эта самая партия сегодня располагает одними зарегистрированными пропагандистами около 500 тысяч человек, и среди них нет ни одного человека, который выделялся бы талантом, если есть, то такому не дают хода.

Секрет тут очень простой: они наемные циники, у которых только одна мечта — карьера чиновника. Истинный пропагандист есть человек идеи и убеждения, безразлично, какая это идея — политическая, философская, религиозная. Чтобы убедить других, самому надо верить в свою идею, — это элементарное правило пропагандного искусства. Первые русские марксисты группы Плеханова глубоко верили Марксу: "идеи, овладевшие массой, становятся материальной силой". Ленин перевернул эту формулу, зная, что "материальная сила", то есть власть, овладевшая массой, может творить свои собственные идеи. Придя к власти в крестьянской стране, вопреки букве и духу марксизма, Ленин решил декретировать и "идею коммунизма" и даже построить его средствами

государственного принуждения. Однако в понимании исторического смысла Октябрьской революции Сталин оказался больше реалистом, чем Ленин. Он знал, что строительство коммунизма — утопия. Но эту утопию можно поставить на службу той "материальной силе", которую дала революция — на службу неограниченной и абсолютной власти. Власть стала идеей, а коммунизм — средством удержания, укрепления и расширения этой власти.

Сталин, начисто уничтожив идеалистов большевизма, создал свою партию — партию мастеров власти — нынешнюю КПСС. Попытки Хрущева, разоблачив преступления Сталина, гальванизировать идейные позиции старого большевизма кончились тем, что правоверные сталинцы похоронили его самого. Последовавшая затем эпоха Брежнева оказалась эпохой тотальной безыдейности, духовной прострации и морального разложения кадров всей пирамиды власти. Война, которую объявил Андропов этому брежневскому наследству, уже проиграна, ибо система оказалась сильнее нового генсека. Ее можно либо совсем уничтожить, либо заменить, как Сталин заменил ленинскую систему коллективной диктатуры системой личной диктатуры, но ее нельзя "ремонттировать", выбрасывая оттуда одних олигархов и набирая туда других таких же олигархов, только стоявших ступеньками ниже. Вот когда Андропову дали почувствовать все это, то он решил апеллировать к "идеологической совести" системы. Отсюда — созыв идеологического пленума ЦК.

Со времени Сталина существует закон: партийным теоретиком может быть всякий партаппаратчик, но теоретиком партии и "продолжателем дела Ленина" может быть только один генсек. Это

его монополия привилегия. Совершенно не важно, что в вопросах философии марксизма, марксистского экономического учения или истории и теории социализма очередной генсек — суший профан, какими были и Хрущев с Брежневым. Важен его пост — он генсек, и поэтому только он может сказать новое слово в марксизме-ленинизме. Остальные члены Политбюро пользуются привилегией первыми цитировать генсека.

Генсеку и членам Политбюро доклады пишут их референты. Поставленные в строгие догматические рамки, референты как чумы боятся наговорить какую-нибудь идеологическую "ересь", поэтому выдают "на-гора" такую серую "словесную руду", от которой, вероятно, тошнит их самих: ни живого слова, ни блеска ораторского искусства, ни — Боже упаси — остроумного анекдота не ищите в речах партийных руководителей.

Наблюдатели давно заметили, что в этом отношении как раз в речах Андропова нет-нет да и проскользнет иная оригинальная мысль или даже живое слово. Отсюда, вероятно, и пошла легенда, что верховный шеф КГБ — интеллигент. Разберемся, насколько этот "интеллигент" присутствует в "программной речи" Андропова на идеологическом пленуме ЦК. Она была посвящена разработке новой редакции, как он выразился, "действующей Программы".

Андропов начал речь с констатации следующего очевидного положения: "В нашем распоряжении богатейший арсенал средств просвещения и воспитания. ...Главные наши противники... — формализм, шаблон, робость, а порой и леность мысли".

Этот совершенно правильный диагноз — "формализм, шаблон, робость и лень мысли" — страдает отсутствием указания на их источник: на партийно-полицейскую систему власти. Андропов точно знает, что эти явления в советской идеологической жизни не случайные, а имманентные черты советского режима и поэтому неистребимы, пока существует данный режим. Генсек, который всерьез объявил бы им войну, перестал бы возглавлять партию. Поэтому Андропов спешит оговориться: "Но даже самая яркая и интересная пропаганда, самое умелое и умное преподавание, самое талантливое искусство не достигнут цели, если они не наполнены глубокими идеями..."

А "глубокие идеи" — это та же самая идеологическая тарабарщина партии с ее незыблемыми догмами в общественных науках и "соцреализмом" в искусстве. Андропов заявил, что, приступая к составлению новой редакции "действующей Программы", надо руководствоваться указанием Ленина на VIII съезде партии (1919 г.) по поводу составления второй программы партии. Вот слова Андропова: "В связи с разработкой второй Программы партии В.И. Ленин говорил: "Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся". (Ленин, ПСС, т. 36, стр. 55; "Правда", 16.06.1983).

Андропов взял из Ленина абсолютно неудачную цитату. Ленин как раз и записал в свою программу вещи, которые он не только не собирался делать, но и никогда не мог делать, не изменяя себе. Заглянем в эту вторую программу партии и процитируем то, что собирался делать Ленин: "...лишение политических

прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене". (Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. 1959 г., М., стр. 403, 395).

Хотя комментарии излишни, все же заметим: прошло более 60 лет, и все условия, о которых там говорится, выполнены, а свободы и права не только не восстановлены, а еще более ограничены.

Чем же вообще вызвана необходимость переработать "действующую Программу", принятую на XXII съезде КПСС в 1961 году? Вот ответ Андропова: "Многое из того, что записано в Программе, уже выполнено. Вместе с тем некоторые ее положения — это надо прямо сказать — не в полной мере выдержали проверку временем, так как в них были элементы отрыва от реальности, забегания вперед, неоправданной детализации".

Этот типично эзоповский стиль партийного жаргона призван наводить "тень на плетень". Ведь в данном случае надо было объяснить, что же это за "многое", которое уже выполнено? что это за "элементы", которые оторвались от "реальности"? в чем была "детализация", которая оказалась "неоправданной"?

Если мы сами заглянем в "действующую Программу", становится понятным, почему Андропов не мог быть конкретным в отношении "некоторых ее положений, не в полной мере выдержавших проверку временем". Достаточно

привести сердцевину этой третьей программы 1961 года, чтобы показать, что она была такая же утопическая, как и "вторая программа" Ленина в 1919 году: "В итоге второго десятилетия (1971—1980) ... в СССР будет в основном построено коммунистическое общество". (XIII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, стр. 271, М., 1962 г.).

Комментарии здесь тоже излишни. Достаточно привести косвенные комментарии самого Андропова. Оказывается, по законам социализма, которые не были известны ни Марксу, ни Ленину, ни даже изобретательному в таких случаях Сталину, между первой низшей фазой коммунизма (социализмом) и высшей его фазой (самим коммунизмом) существует еще одна фаза, или, по выражению Андропова, новый особый этап — этап "развитого социализма". О нем докладывал на последнем съезде партии Брежнев. О нем говорил и Андропов: "...Нужно превыше всего ясно представить себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся. Партия определила его как этап развитого социализма".

Вот задачей новой редакции программы Андропов ставит не строительство уже провалившегося коммунизма, а "совершенствование" этого "развитого социализма": "Программа партии в современных условиях должна быть прежде всего программой планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма..."

Сколько же времени надо для его завершения? Андропов не ответил на этот вопрос, а ответ Черненко был вполне "диалектическим": "Советское общество вступило в исторически длительный этап развитого социализма; его всестороннее

совершенствование — наша стратегическая задача. Уже в этих положениях наглядно выражена диалектика современной стадии нашего развития. Это — этап зрелого социализма. Но это лишь начало этапа". ("Правда", 15.06.1983).

Поскольку Андропов говорил о преемственности ведущих основ марксистско-ленинского мировоззрения в новой редакции программы, то он остановился и на ряде теоретических догматов марксизма. Начал Андропов свой теоретический вклад в марксизм со знаменитого положения Маркса о роли и месте производительных сил и производственных отношений в развитии социально-экономических формаций. По отношению к советскому обществу Андропов трактует его так: "Хорошо известно, что облик каждого общества определяется в конечном счете уровнем развития его производительных сил, характером и состоянием производственных отношений. Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. Это не просто наше желание... это объективная необходимость... В тесной взаимосвязи с этим должны происходить и изменения в сознании людей, во всех тех формах общественной жизни, которые принято называть надстройкой".

Чехов говорил примерно так: незачем указывать в рассказе на такую деталь, что в комнате висит ружье, если в ходе рассказа это ружье не понадобится. Андропов поступил именно так, когда, превратив марксовы "производственные

отношения” в субъективный фактор, обошел совершенным молчанием, почему Марксу важна была сама теоретическая конструкция об их роли в общественном развитии, безотносительно к тому, о каком типе общества идет речь. Стоит только процитировать самого Маркса, как становится ясным, почему не понадобилось Андропову продолжение главной мысли Маркса на этот счет. Вот эта мысль Маркса, сформулированная им как имманентный закон развития любого общества, в том числе и социалистического: *”В общественном производстве в своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречия с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальных революций”*. (К.Маркс. ”К критике политической экономии”, М., 1949, стр.7, везде курсив наш — А.А.).

Андропов ссылается именно на этот закон Маркса, а его суть о противоречиях, которые неизбежно приводят к революции, игнорирует. Всякие там сталинские фокусы, что у Маркса речь якобы

идет об "антагонистических противоречиях" классового общества, отпадают уже по самой формулировке Маркса, к тому же само советское общество новоклассовое.

Андропов думает, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями в советском обществе можно ликвидировать "кардинальным повышением производительности труда", чтобы "достичь в этом плане высшего мирового уровня", что широкое применение роботов "радикально изменит положение в области производительности труда" и "таким образом здесь мы подходим к вопросу совершенствования производственных отношений".

Я не настаиваю на правильности открытого Марксом "имманентного закона", ибо если бы он был действительным законом общественного развития, то советскому социализму полагалось погибнуть давным-давно. Однако стремиться к "совершенствованию производственных отношений" — это, с одной стороны, явно антимарксистская ересь, ибо, по Марксу, "производственные отношения", как мы видим, не зависят от воли людей, даже от воли генсека, а, с другой стороны, генсек впадает на этот раз в "противоречие" сам с собою, когда "высший мировой уровень" "загнивающего капитализма" ставит в пример "передовой и прогрессирующей" социалистической экономике.

Однако по существу дела Андропов был прав: если когда-нибудь советское производство станет эффективным, то не в результате роста энтузиазма скандально низкооплачиваемой рабочей силы, а повсеместным использованием той силы, которую не надо ни кормить, ни одевать: "широким применением роботов".

Не очень оригинальным явился вклад Андропова в будущую программу и по вопросу о судьбе государства при коммунизме. Что говорили на этот счет основоположники марксизма, хорошо известно из их писаний, хотя они никогда не цитируются в советской литературе с тех пор, как появился "корифей всех наук" — Сталин. Причины этого ясны из изложения сути дела. Фундаментальное положение о судьбе государства сформулировал Энгельс: "Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим... тогда исчезнет надобность в государственной власти... Государство не "отменяется", оно отмирает". (Ф.Энгельс. "Анти-Дюринг", М., 1933, стр. 202).

В резолюции Ленина на апрельской конференции партии 1917 г. прямо записано, что даже само переходное советское государство явится новым "типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества". Как же собирался Андропов поставить вопрос о судьбе государства в новой программе? Вот ответ Андропова: "Что касается более далекой перспективы, то мы, коммунисты, видим ее в постепенном перерастании советской государственности в общественное самоуправление. И произойдет это, как мы считаем, путем дальнейшего развития общенародного государства..."

Словом, "отмирание" государства произойдет путем "дальнейшего развития государства". Может быть, в этой формуле присутствует всеспасающая "диалектика", но Энгельс и Ленин отсутствуют здесь начисто. Зато присутствует Сталин, который заявил в 1933 г. на пленуме ЦК: "Отмирание

государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление". (Сталин. "Вопросы ленинизма", стр. 394).

Нет основания предполагать, что Андропов в данном вопросе думал иначе, чем думал Сталин, ибо хорошо знал, что Сталин, бросив в мусорный ящик истории марксистско-ленинский утопический хлам в виде теории об "отмирании государства", тем самым спас как раз коммунистический режим от неминуемой гибели.

В социально-экономической области будущей программы приоритеты или иерархия ценностей у Андропова идут по общеизвестной ленинско-сталинской последовательности: на первом месте стоят интересы партии, на втором месте — интересы государства, на третьем месте — интересы коллектива и только на последнем, четвертом месте, идут интересы личности, хотя и в будущую программу перекочевали пустые слова из "действующей Программы": "Все для блага человека, все во имя человека".

Для советских идеологов человек, который живет в советском государстве, есть прежде всего единица физического труда и единица его измерения ("человеко-день"), как лошадь является единицей измерения мощности машины. По советской идеологии, именно труд перековал обыкновенного человека в "советского человека". Именно в труде он будет "совершенствоваться" как "советский человек" и дальше. Поэтому Андропов хочет, чтобы "трудовая перековка" началась с детских лет: "Формирование человека начинается с первых лет его жизни... партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества... Хорошее

средство воспитания — соединение обучения с производительным трудом”.

Однако советского гражданина меньше всего интересуют догматические постулаты программы, его занимают вещи весьма прозаические: ну, хорошо, с объявленным в третьей программе коммунизмом ничего не вышло, и без него, конечно, можно обойтись, но как будет обстоять дело в новой программе с обещанным в ее старом тексте “изобилием материальных благ для всего населения”? Можно ли их ожидать хотя бы при “развитом социализме”? — спрашивает советский гражданин.

Ответ Андропова на этот вопрос был совсем не утешительный, хотя по-прежнему вполне “диалектический”. Андропов ссылается на тот же будущий “коммунизм”, который воистину приобрел свойство горизонта — чем больше к нему движешься, тем скорее он удаляется. Вот его ответ: “У нас все имеют равные права... Полное же равенство в смысле одинакового пользования материальными благами будет возможно лишь при коммунизме. Но до этого еще предстоит пройти долгий путь”

Международным задачам советского коммунизма в новой программе должно быть уделено особое внимание — с новыми целями и с новыми акцентами. Необходимость этого Андропов объяснял так: “Опыт мирового развития за последнюю четверть века диктует необходимость доработки многих положений Программы, касающихся международных проблем. Существенно изменилось соотношение сил на мировой арене. Произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем... Все яснее становится:

империализм неспособен справиться с социальными последствиями небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции... Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах”.

Есть ли у западного мира будущность? Андропов думал, что будущность только у коммунизма, а западный мир обречен на гибель: “Коммунисты убеждены, что будущее за социализмом. Таков ход истории”. Андропов был полон решимости продолжать “экспорт революции”, отрицая это на словах. Поэтому он полагался не на стихию самих революций, а на их организацию. Отсюда его требование: “Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы... исключительно важно уметь донести в доходчивой и убедительной форме правду о социалистическом обществе, о его преимуществах, о его мирной политике до широких народных масс во всем мире”.

В новой программе Андропов предлагал уделить центральное внимание “слабым звеньям” капитализма — странам Азии, Африки и Латинской Америки. Начатая в период “разрядки” под его руководством политика экспансии в эти страны будет продолжаться. Андропов был готов восстановить и дружбу с Китаем. Не называя Китай по имени, Андропов говорил: “Мы за дружбу со всеми странами социализма. Что касается наших ближайших друзей и союзников — стран социалистического содружества, то у нас общее мнение: жизнь требует не просто расширения сотрудничества, но и повышения его качества, эффективности. Это означает, во-первых, дальнейшее совершенствование

политического взаимодействия... Мы стремимся, во-вторых, к качественно новому уровню экономической интеграции”.

”Дальнейшее совершенствование политического взаимодействия” и ”новый уровень экономической интеграции” в перспективе означают только одно: унификацию и абсолютизацию политической и экономической власти стран Варшавского договора в одном верховном центре — в Москве.

Перманентный нажим Москвы в этом направлении как в СЭВ, так и в Консультативном Совете Варшавского договора насторожил страны ”социалистического содружества”. Отсюда заметный рост тенденции центробежных сил в этих странах; некоторые из них открыто отстаивают примат своих национальных интересов над интересами советскими (свои собственные интересы Кремль вечно называет ”интернациональными”). Как эти тенденции, так и события в Польше заставляют Москву потуже затянуть железный корсет ”интеграции”. Тревогой и озабоченностью прозвучала речь Андропова как раз по данной проблеме: ”Когда ослабевает руководящая роль Компартии, возникает опасность соскальзывания к буржуазно-реформистскому пути развития... и в возникшем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся (это о Польше и Валенсе с его ”Солидарностью” в десять миллионов членов. — А.А.). Нет отпора националистическим настроениям — и возникают межгосударственные конфликты, для которых, казалось бы, и базы-то нет в социалистическом мире”.

Итак, продолжение политики глобальной экспансии в странах третьего мира, форсирование курса политической и экономической унификации

в странах "социалистического содружества", развернутое идеологическое наступление на страны западного мира — таковы были стратегические замыслы Андропова во внешней политике, которые он хотел видеть зафиксированными в будущей программе.

Андропов был не теоретик, а стратег. В этой роли он уже начинал вырисовываться как душеприказчик Сталина во внутренней политике и как последовательный продолжатель дела Ленина во внешней. Если где-нибудь на земном шаре, в джунглях или песках, городских трущобах или в правительственных кварталах, вспыхивает пожар — революционный, национальный, религиозный, то КГБ Андропова его канализирует и эксплуатирует для осуществления общего стратегического плана Ленина, известного под названием "прорыва цепи мирового империализма по его слабым звеньям". Если перевести мысль Ленина на современный политический язык, то это значит следующее: путь к покорению Запада лежит через покорение стран третьего мира, которые являются для него сырьевыми, энергетическими и стратегическими базами. Отрезанные от своих обычных источников сырья и рынка сбыта, варясь в собственном соку, западные индустриальные страны не только придут в промышленный упадок, связанный с неслыханной безработицей и нищетой, но и станут ареной больших социальных столкновений и конфликтов. Вот в этот момент, по расчетам КГБ и КПСС, на сцену выйдет "его величество" рабочий класс со своим коммунистическим авангардом и, опираясь на СССР, возьмет власть в свои руки.

*

Андропов не хотел мировой войны, он хотел лишь ленинской "мировой революции". Намеренно балансируя в своей политике глобальной революционной экспансии на грани даже атомной войны, Андропов рисковал потерять чувство меры и незаметно для самого же себя перейти ту роковую черту, за которой наступает катастрофа. Он все еще остался для нас неким загадочным сфинксом в политике. Мы хорошо знали его учителей — Ленина и Сталина. Одной веры с Андроповым, те были реалистами в мировой политике и шли на риск в большой международной игре, когда у них все карты были козырные.

У Андропова не все карты были козырные. Знал ли это сам Андропов?

Андропов умер через 15 месяцев после прихода к власти (1982—1984), не успев ничего совершить. Он был полнокровным, волевым, изобретательным и холодным политиком кристально-чистой сталинской закваски без всяких посторонних примесей, моральных или эмоциональных. Как и его учителю Сталину, все человеческое было ему чуждо, кроме ницшеанской "воли к власти". Именно поэтому он старался навести полицейский порядок внутри страны, а коллективное руководство постепенно убирать. Во внешней политике он был опаснее Сталина, ибо располагал тем, чем не располагал Сталин — ракетно-ядерным превосходством над остальным миром. Это не означало, что он это оружие безоглядно пустит в ход. Оружием часто побеждают, не стреляя, — во многих случаях достаточно им лишь угрожать, чтобы добиться цели. Чем страшнее и больше оружия, тем вернее победа без войны, — так думают в Кремле. Внешнеполитические

условия не только сопутствовали Андропову, они просто провоцировали его на продолжение уже доказавшей себя успешной советской политики революционной экспансии в третьем мире и советской политики разложения, инфильтрации и морально-политического разоружения в западном мире. Приписывая Америке намерение начать атомную войну, Андропов сознательно культивировал страх перед атомной войной как у своего народа, чтобы он и дальше продолжал работать на сверхвооружение, живя впроголодь, так и среди европейцев, чтобы оторвать Западную Европу от Америки. Если бы Андропову удалось достичь этой цели, то вся Европа была бы коммунистической без единого выстрела.

Ироническое замечание Николая I, что Россией правит не император, а столоначальники, стало былью после смерти Андропова: во главе великой советской империи стал классический столоначальник — Константин Устинович Черненко. Однако столоначальник столоначальнику рознь. Мы знаем, что у Сталина более четверти века столоначальником был пресловутый Поскребышев, перед котсрым дрожали даже члены Политбюро, но тому едва ли приходила в голову мысль, что он когда-нибудь займет кресло Сталина. А вот Черненко тоже работал более четверти века столоначальником Брежнева, из них 18 лет, когда Брежнев был генсеком. Работал интенсивно, усердно, лояльно, как и Поскребышев, но никогда не забывал конечной цели своей карьеры: когда-нибудь занять трон своего повелителя. Этот трон ему полагался по всем внутрипартапаратным законам, когда умер Брежнев, но оберчекист Андропов предупредил его.

По своему образовательному цензу Черненко занимал последнее место в Политбюро — он окончил только среднюю школу, что же касается других школ, которые, по утверждению казенных биографов, он окончил, то тут речь идет об известной еще во времена Сталина практике "улучшения" биографий руководящих партийных кадров: одним сочиняли "пролетарское происхождение", если они были выходцами из семей чиновников (типичные примеры: Маленков, Булганин, Брежнев, Андропов), другим вручали дипломы высших школ по общественным наукам, хотя они никаких школ не кончали. Так получил диплом от подчиненного ему Кишиневского пединститута и Черненко, работая заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК партии Молдавии, где первым секретарем ЦК был Брежнев. Сказанным я не хочу присоединиться к хору западных публицистов, которые вообще отрицают за Черненко какие-либо заслуги. Черненко принадлежал к тому типу людей, которых американцы называют "селфмейдмен" — человек, обязанный всем самому себе. В Советском Союзе есть одна уникальная наука, которая называется "партийное строительство". Этим выражением названы ленинская наука и искусство, как тотально и тоталитарно руководить партией, государством и народом. Вот этой науке Черненко учился более пятидесяти лет внутри партаппарата, начиная с секретаря первичной парторганизации и кончая работой в ЦК КПСС. Причем поразительно, что за всю эту полувековую деятельность он всегда находился на вторых ролях, даже тогда, когда работал в низовом партаппарате, но зато каждый его новый начальник убеждался, что на вторых ролях Черненко просто незаменим, именно как усердный

службист и скрупулезный исполнитель. Самый нескромный из лидеров большевизма — Сталин — однажды выразился, что "скромность украшает большевика". Это изречение Сталина Черненко, вероятно, принял как руководство к действию, ибо все известные высказывания о нем говорят о его исключительной внешней скромности. С такими личными качествами в логово партийных волкодавов, с их законом "естественного отбора", когда сильные съедают слабых, Черненко остался бы вечным столоначальником, если бы случайно дороги Черненко и Брежнева не скрестились в Кишиневе в 1950 году.

С этих пор Черненко — неизменный спутник и "второе я" Брежнева. Эту встречу двух партаппаратчиков сегодня уже можно назвать исторической. Психологически они разные типы, в отношении организаторских талантов они дополняли друг друга, а в быту Брежнев был жизнелюб с повадками советского "плебоя".

Черненко, наоборот, был сухим педантом и, как его нарек Брежнев, "беспокойным" работягой, но вот сделавшись начальником "внутреннего кабинета" Брежнева, он работал за двоих — за себя и за Брежнева. Благодарный Брежнев ответил взаимностью, назначив его секретарем ЦК, членом Политбюро, да еще явно метил его в свои наследники. У Черненко было и другое качество, нужное генсеку, но которого начисто был лишен сам Брежнев — дар обобщения партийного опыта по руководству партией и государством. Брежнев определенно думал, что его наследником должен быть Черненко, который сделал беспрецедентный в истории партии взлет карьеры в столь короткий срок — за неполных три года он стал из личного

секретаря Брежнева сначала секретарем ЦК, потом кандидатом в члены Политбюро, наконец членом Политбюро... Для такой стремительной карьеры, кроме помощи Брежнева (впрочем, помощь была взаимная), надо было иметь и нечто свое личное — талант организатора, комбинатора, мастера власти плюс то, что на партийном языке называется "теоретической подкованностью". В отношении первых качеств он счастливо дополнял своего патрона, что же касается партийных догм, то он превосходил многих других партаппаратчиков по таланту их отстаивания (это почувствует каждый, кто сравнит начетничество в произведениях Суслова с творческой жилкой в произведениях Черненко о партийном строительстве).

Однако все сказанное совсем не означает, что вопрос о наследнике Брежнева был уже решен положительно и в один прекрасный день Черненко займет кресло генсека. Совсем нет. Остаток пути к вершине власти у Черненко был более крутым и потому более опасным. Я на это обстоятельство указывал еще при жизни Брежнева: "Неожиданным выдвиганием своего протеже на вторую роль после себя Брежнев провоцирует обойденных соперников Черненко и законных претендентов на кремлевский престол — на интриги, подвохи и продолжение глухой борьбы не только против Черненко, но и против самого себя". ("Сила и бессилие Брежнева", 1979, стр. 181, "Посев").

У всех на памяти, как эти интриги и подвохи захлестнули власть генсека Брежнева, особенно в последние месяцы его жизни, когда ввиду его тяжелой болезни вопрос о наследнике стал актуальным. Самое кратковременное генсекство Черненко было и самым бесцветным.

Что же обещал Черненко народам СССР в отношении подъема материального уровня их жизни? Ответ его звучал, как издевка. Он заявил после своего избрания генсеком: "Глубокое удовлетворение вызывает широкий отклик трудовых коллективов... добиться сверхпланового повышения производительности труда на *один процент* и дополнительного снижения себестоимости продукции на *полпроцента*... Думаю, что следует рассмотреть вопрос о том, чтобы все средства... которые будут получены за счет этого... направить на улучшение условий труда и быта советских людей". ("Правда", 14.11.1984).

Словом, синицу, которая у нас в руках, мы вам не дадим, но если хотите хорошо поесть, то ловите журавля в небе. Ведь мифическая цифра полтора процента и есть тот журавль, которого еще надо поймать. Так цинично с народом не разговаривал еще никто из предшественников. Не было у меняющихся генсеков никаких принципиальных изменений и во внутренней политике. Все компоненты руководства, все винтики механизма власти, разработанные Лениным и усовершенствованные Сталиным, оставались и остаются в абсолютной неприкосновенности. Система эта сама себя называет в целях камуфляжа "социалистической демократией", а на деле тут нет ни "социализма", ни "демократии", а есть новый тип тирании, которую я назвал "тоталитарной партократией". Рассмотрим ее в действии.

ЧАСТЬ II. ПАРТОКРАТИЯ ПОД МАСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Глава 1. Партия, партаппарат и Советы

В Советском Союзе существует одна закрытая наука, которая совсем неизвестна на Западе, а в самом СССР доступна для изучения только партаппаратчикам. Неуклюжая по названию, она наука всех наук по управлению государством и партией — это "партийное строительство". Ее основоположником был Ленин. Задумав захватить власть в России, он изложил пути и методы этого захвата в известной работе "Что делать?".

Главные тезисы этой работы действуют и по сей день: не марксистское социалистическое сознание приведет к революции и к власти, а особая организация революционеров, основанная на конспирации. Центральный тезис Ленина гласил: "Дайте нам организацию революционеров — мы перевернем Россию". Ядро такой организации должна составить узкая группа профессиональных революционеров, конспиративная техника которых превосходит конспиративную технику царской полиции. Когда же Ленин пришел к власти, он заявил: "Мы Россию завоевали — теперь мы должны Россией управлять". Ядро новой власти, по Ленину, опять-таки должны были составить члены узкой партийной олигархии — члены Центрального Комитета партии, а в самом ЦК — Политбюро, Оргбюро, Секретариат и аппарат ЦК. Советы, съезды Советов, ЦИК Советов и ВЦИК, сама советская

конституция — все это для Ленина — ширма, бутафория. Все дела государства должна решать партолигархия. Ленин был политический циник и вещи называл своими именами. Вот его подлинные слова: "Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу". (Ленин, т.31, 4-е изд., стр.342). Ленин признавал, что и партией, и государством руководит партийная олигархия. Вот слова Ленина: "Партией руководит... ЦК из 19 человек, причем текущие работы в Москве приходится вести еще более узким коллегиям... Оргбюро и Политбюро... Выходит, следовательно, самая настоящая "олигархия"... Ни один важный вопрос не решается *ни одним* государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии". (Ленин, т.25, стр.193—194). Когда Ленину указывали, что в таком случае в советской России не "диктатура пролетариата", а диктатура одной партии, то он хладнокровно отвечал: "Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем". (Ленин, т.24, стр.423). Вот этой диктатуре одной партии, вернее, диктатуре партолигархии скоро 70 лет.

В чем же секрет ее долголетия? Дело, конечно, не в марксистской идеологии, не в "коммунистической сознательности" масс, не в "политико-моральном единстве партии и народа", — все это сказки для обывателей. Секрет долголетия коммунистической диктатуры в ее партийно-полицейской, тоталитарно-террористической организации режима. Вот эта организация создана и функционирует на точных, научно-разработанных, в своих принципах

незыблемых, в формах и методах гибких, нормах "партийного строительства".

Само название может ввести в заблуждение — значит, эта наука занимается делами партии, ее организацией, структурой, ее работой. Да, этим она занималась до прихода к власти, но с тех пор, как партия стала единственной правящей партией в государстве, "партийное строительство" стало универсальной наукой по управлению партией, государством и всеми его отраслями — внешней политикой, армией, политической полицией, судебно-прокурорскими органами, экономикой, культурой, народом в целом. После первого поколения большевистских кадров периода правления Ленина, все последующие поколения кадров партии со времени Сталина и после него, как правило, направлялись в высшие партийные школы или на высшие партийные курсы для изучения и овладения вот этой наукой "партийного строительства". Все нынешние руководящие кадры партии от Политбюро, Секретариата, руководителей отделов аппарата ЦК КПСС до секретарей ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов включительно пропущены через высшую партийную школу при ЦК, Академию общественных наук при ЦК или высшие партийные курсы. Для нижестоящих кадров, работающих в аппаратах ЦК союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии существует своя партийно-школьная сеть — республиканские партийные школы, межобластные партийные школы. Разумеется, все их слушатели — грядущая смена высших партийных аппаратчиков. Наиболее преуспевающие из них будут потом направлены в центральные партийные школы. Какие же

критерии лежат в основе подбора партийных кадров в партийные школы?

Партийно-политический профиль кандидата и его организаторский талант являются решающими критериями. Но это общее определение требует детализации, а именно, в чем должны проявляться конкретно качества кандидата, отвечающие названным критериям? Партийно-политическое лицо кандидата раньше определялось не только его личными качествами преданного партии активиста, но и социальным его происхождением, происхождением его родителей — из какого класса и сословия они произошли, есть ли у него родственники за границей. Раньше спрашивали, сочувствовали ли вы каким-нибудь антипартийным оппозициям или участвовал ли кто-либо из ваших родителей в таких оппозициях. Диапазон требований в отношении делового и организаторского таланта кандидата со временем все больше расширялся, касаясь не только его деловых качеств, как будущего технолога власти, но и его психологического мира. В постоянном фокусе кандидата должна находиться лишь одна высшая ценность во всей истории большевизма — это власть, абсолютная, тоталитарная, вездесущая власть партии. Каждый шаг кандидата, любой его помысел, как и его личные интересы, должны быть посвящены и подчинены возвышению этой власти. Беспощадность к проявлению всякого инакомыслия в партии, готовность на любые античеловеческие действия во имя партии, — таков внутриаппаратный закон.

Партийным работником может быть не любой талантливый организатор, а человек жестокой натуры и решительных действий. Если это в интересах партии, он должен быть способен уничтожать ее

врагов по примеру его учителей — Ленина и Сталина. Что же до людских страданий, то к ним партийные кадры иммунизированы не только кровавым опытом истории партии, не только человеконенавистнической философией своих вероучителей, но и своей повседневной практикой то скрытого, то явного насилия над личностью в обществе, в котором партия и ее государство — все, а личность — ничто. Такие общечеловеческие ценности, как "гуманизм", "либерализм" изгнаны из философии большевизма. Гуманизм признают только классовый, то есть коммунистический, а либерализм считается гнилым продуктом буржуазной культуры. Жестокая профессия партаппаратчика очень близка к профессии чекистского инквизитора. При Сталине обе профессии сливались, после него произошло физическое, но не духовное размежевание. Обе эти профессии являются наиболее высокооплачиваемыми профессиями в СССР, не столько прямо в зарплате, сколько разными материальными привилегиями от государства и "самокомпенсацией" за счет "социалистической собственности". Говорить об идейных убеждениях партаппаратчиков совершенно не приходится. Правда, они ежедневно повторяют механически стереотипы из марксистского катехизиса более чем вековой давности о политической гармонии и социальной справедливости при коммунизме, но верят в них так же мало, как и мы с вами. Однако признаться в своем неверии они не могут, ибо на ложной марксистско-ленинской идеологии основана сама их диктатура.

Мы ежедневно читаем в советской печати: "партия говорит", "партия решила", "партия ведущая и направляющая сила советского государства и

общества". Вслед за советской печатью мы тоже механически повторяем эти формулы. Между тем, если внимательно присмотреться к партийному организму, то станет ясно, что все эти формулы — плод намеренной мистификации мастеров власти из Кремля. На самом деле в СССР существуют две партии — одна — открытая, в которой сейчас 18 миллионов человек и членство в которой доступно каждому советскому гражданину, если он отвечает формальным требованиям устава. Другая партия — это закрытая партийная элита, членство в которой доступно только избранным. Я ее называю "партией в партии". Эта элита от имени партии правит и государством, и самой партией. Принципы подбора и функционирования "партии в партии" разработал Ленин еще при царизме. Они суть: партия создается сверху вниз, устав партии основан на централизме, это значит, что Центральный Комитет — мозг и мотор партии, все низовые организации со своей членской массой находятся в иерархическом подчинении Центральному Комитету. Руководящие органы этой иерархии от ЦК и до низовых комитетов работают на началах строгой конспирации. Защищая эти принципы, Ленин говорил в 1903 г. на II съезде РСДРП: "Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов, оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных, кончая весьма широкими организациями. Необходимый признак партийной организации — утверждение ее Центральным Комитетом". ("II съезд РСДРП. Протоколы", стр. 265).

"Первая идея, — говорил Ленин, — идея централизма... Первая идея должна проникать собою весь устав". Делегат II съезда Акимов точно определил, чего добивается Ленин. Он сказал, что

Ленин стремится "внести в наш устав чисто аракеевский дух". ("II съезд РСДРП...", стр. 296).

Но Ленин был неумолим. Да, говорил он, "наша партия должна быть *иерархией*, не только организацией" (Ленин. "О партийном строительстве", стр. 147), и в такой иерархической организации, по Ленину, господствует принцип, который он выразил формулой: "Централизация руководства и децентрализация ответственности". Но вот исторический парадокс: Ленин доказывал необходимость создания партии на указанных антидемократических принципах наличием в России полицейского режима. Однако после II съезда в России произошли три революции. Революция 1905 г. дала России основные политические свободы и гражданские права — свободу слова, совести, собраний, политических объединений, в том числе и право легального существования политических партий от правомонархического "Союза русского народа" до леворадикальной большевистской партии. Но Ленин не перестраивает свою партию на демократических принципах (так называемый "демократический централизм" был и остается пустой формулой). Произошла февральская демократическая революция 1917 г. Партия Ленина остается по-прежнему конспиративной партией с диктаторским центром. Наконец, победила Октябрьская революция 1917 г., приведшая самих большевиков к власти. Однако партия продолжает работать на тех же самых принципах строжайшей централизации, конспирации, иерархии с тем же неизменным "аракеевским духом" в уставе и полицейской практикой в повседневной жизни. В самом деле, как и кто правит страной и самой партией? В статье "Удержат ли большевики

государственную власть", написанной за месяц до захвата власти большевиками, Ленин говорил, что если царской Россией могли управлять 130 тысяч дворян, то новой советской Россией могут управлять 240 тысяч большевиков (столько было тогда членов партии). Другими словами, вместо царских дворян Россией будут управлять большевистские дворяне, но никак не народ. Слова эти, к несчастью, оказались пророческими. Только большевистские дворяне называют себя не губернаторами и не генерал-губернаторами, а секретарями партии и генерал-секретарями. На февральском пленуме ЦК 1937 г. Сталин сам сравнил партаппарат с военно-полицейской иерархией. Он сказал, что в партии есть "3—4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Дальше идут 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это наше партийное унтер-офицерство". ("Правда", 29.03.1937). С тех пор прошло почти 50 лет, и партаппаратная бюрократия еще более разрослась, но принципы иерархии, субординации и конспирации остались неизменными. Партией правят два корпуса. Один "руководящий и направляющий" корпус — это "секретарский корпус", другой, формально стоящий выше "секретарского корпуса", а на деле ему подчиненный и имеющий совещательный голос — это "комитетский корпус". Их численный состав приближенно выглядит по нисходящей линии так.

"Секретарский корпус": во главе стоит *"маршалитет"* партии с его *"генералиссимусом"* — Секретариат ЦК с генеральным секретарем — 9—10 человек, *"генералитет"* партии — секретари ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов партии — 1000

человек, "офицерство" партии — секретари окружкомов, горкомов и райкомов — около 30 000 чел., "унтер-офицерство" партии — секретари первичных организаций партии — 380 000 человек.

"Комитетский корпус" — это членский состав комитетов от райкомов до ЦК КПСС.

ЦК КПСС — около 300—400 человек вместе с кандидатами, ЦК союзных республик, крайкомы, обкомы — 20 000 человек; окружкомы, горкомы, райкомы — 250 000 человек.

Итого "комитетский корпус" составляет около 270 000 человек. Сюда надо добавить состав так называемых "ревизионных комиссий", которые в жизни партии никакой роли не играют, но их члены — будущие кандидаты в состав партийных комитетов. В этом случае "комитетский корпус" составит около 300 000 человек. В "комитетский корпус" входит весь партийный, государственный, хозяйственный, профсоюзный, комсомольский и идеологический актив партии. Комитеты партии от райкомов до Центрального Комитета КПСС — это, по уставу, руководящие органы партии между съездами и конференциями, а на деле ими манипулируют секретариаты. Свои готовые решения секретариаты (не все и не всегда) вносят на их формальное утверждение. Критиковать решения секретариатов нельзя, как нельзя критиковать отдельных секретарей. Правда, в уставе партии сказано, что член партии имеет право критиковать любого работника, какой бы высокий пост он ни занимал. Но ни одному разумному члену партии не придет в голову мысль критиковать не только секретарей ЦК КПСС, но даже и секретарей обкомов, горкомов и райкомов. Иногда встречается критика в отношении третьего или пятого секретаря

райкома, но и это может иметь неприятные последствия. Партийных работников, совершивших уголовные преступления, за которые беспартийных сажают в тюрьму, не критикуют публично, а втихомолку переводят на другую должность. Есть в уставе партии и пункты о внутрипартийной демократии, о свободных выборах с тайным голосованием, но им такая же цена, как и тайным выборам в Верховный Совет СССР.

Восемнадцатимиллионная партия состоит наполовину из карьеристов и чиновников, которые никогда не решатся ссориться с партийными руководителями, ибо от них зависит их дальнейшая карьера, а другая половина состоит из "социальных статистов" — из рабочих и крестьян, которые, в свою очередь, входят в "рабоче-крестьянскую аристократию" (их на партийном жаргоне так и называют "знатными людьми"); им тоже нет расчета гневить начальство.

Поразительно, как у господствующего класса, который называет себя все-таки "партией рабочего класса", высоко развито чувство социальной дистанции по отношению к низшим классам. Это ведь целая семейная трагедия, если дети партийной элиты вступают в брак с детьми из простого народа. Доярки и кухарки нужны и полезны в Верховных Советах, но нежелательны в семьях партийных и государственных вельмож. Дворцовый протокол ведется тоже куда строже, чем в королевских домах, кремлевские приемы куда пышнее, чем при византийском дворе. Красные командиры стали "золотопогонными и белопогонными" генералами, полковниками, майорами, капитанами, а сам командный состав советской армии сейчас называется "офицерским

корпусом". (См.: "Известия", 8.08.1984 г., статья генерала армии Шкадова). Наркомы переименованы в министров, для юристов введена "табель о рангах". Господствующий класс хочет и при обращении к нему улавливать дань уважения к его господствующему положению.

В "Литературной газете" от 5 сентября 1984 г. была напечатана на этот счет любопытная статья. В одном из писем, которое цитирует автор, говорится: "Слово "товарищ" имеет узкое значение, да и вообще мужского рода. А "гражданин" и "гражданка" — слова все-таки официальные, употребляемые в казенных документах". Автор, доктор филологических наук А. Скворцов, продолжает цитирование: "Сторонники возрождения забытых слов-обращений вспоминают о том, что вернулись же в нашу речь "отвергнутые" в первые послереволюционные годы такие наименования, как "генерал", "полковник", "офицер", "солдат", "министр"... Автор письма полагает, далее, что "ничего не было бы зазорного употреблять не только "сударь" и "сударыня", как это предлагал ранее известный русский писатель В. Солоухин, но и "господин" и "госпожа"... К этому быстро бы привыкли". Однако, автор этого предложения не договаривает. Если на то пошло, то партийных "унтер-офицеров" надо называть "ваше благородие", партийных "офицеров" — "ваше высокое благородие", партийных "генералов" — "ваше превосходительство", партийных "маршалов" из ЦК — "ваше сиятельство", а самого генсека не меньше, как "ваше величество". К этому ведь тоже привыкли бы.

Принципиальная беспринципность в политической морали — таков "категорический императив" тоталитарной партократии.

О степени демократичности или авторитарности того или иного политического режима судят, во-первых, по тому, как участвует сам народ в лице своего законодательного органа — парламента — и представленных в нем партий в принятии законов; во-вторых, как и в какой степени имеют возможность влиять на принятие законов внепарламентские органы общественного мнения, как независимая печать и другие средства информации. Оба критерия начисто отпадают для государства, где господствует лишь одна партия. Политическая система такого государства точно воспроизводит законы и нравы, которые существуют внутри этой правящей партии. Так именно обстоит дело и в советском государстве. Здесь законодательная, исполнительная, судебная власть сосредоточена в ЦК, вернее, в его аппарате. Лишенные не только чувства юмора, но и элементарного здравого смысла, советские идеологи утверждают иное. Вот последний "перл" их творения. 9 декабря 1984 года в передовой статье "День прав человека" "Правда" пишет: "Великий Октябрь... открыл путь к подлинному народовластию, предоставил трудящимся такие широкие политические права, которых еще не знало человечество".

Кто же в рамках такого "народовластия" решает дела государства? Оказывается, согласно "Правде" их решает не партия и не ее олигархия, а депутаты разных Советов. Вот продолжение этой статьи: "2 миллиона 300 тысяч депутатов, десятки миллионов активистов — вот через кого решаются у нас дела государства". Серьезно оспаривать эти утверждения — это означало бы ломиться в открытую дверь. Только напомним обычные факты из практики советского, воистину

смехотворного "народовластия". Не только результаты выборов, но и сколько процентов голосов получают кандидаты — предрешиено партаппаратом. Поэтому на очередных выборах вы имеете право выбирать только одного кандидата, выдвинутого партаппаратом. Бывший английский премьер Эттли заметил однажды, что советские выборы — это все равно, что выставить на бегах одну лошадь, ибо в вашем избирательном бюллетене вы не находите несколько кандидатов, между которыми вы можете выбирать, а только одного, — которого хотите выбирать, не хотите — тоже выбирайте. Ведь на то и "выборы". Впрочем, механизм советских выборов лучше всего иллюстрирует новейший анекдот: ночью напали на Кремль бандиты, а на утро выяснилось, что они унесли с собой только результаты выборов... на следующий год! В итоге таких выборов очутились в Советах разных рангов названные выше 2 300 000 депутатов. Причем, все они получили 99,9 % всех голосов, поданных избирателями. Почему они не получили все сто процентов — это тайна Кремля. Если верить Всесоюзной избирательной комиссии, на последних выборах в Верховный Совет СССР около 200 000 советских граждан голосовало против кандидатов "блока коммунистов и беспартийных". Правда, это меньше одного процента, но больше, чем было у Энвер-Ходжи в его последних выборах в Албании. У него "против" голосовал только один человек! Но поскольку новый лозунг партии гласит: "Совершенствовать социалистическую демократию", то скоро будет и в СССР "сто процентная" демократия. Первый пример подала вотчина самого Алиева — Азербайджан. На выборах в Совет Союза из 3 439 765 избирателей Азербайджана голосовало

против только 11 человек. Это уже всесоюзный рекорд, а на выборах в Нагорно-Карабахской автономной области и Нахичеванской АССР, того же Азербайджана, Алиев побил и мировой рекорд Энвер-Ходжи — за "блок коммунистов и беспартийных" там голосовали все 100% (все данные взяты из "Правды" за 7.03.1984).

Хорошо сказал Черчилль, что только та статистика надежна, которую сфальсифицировали вы сами.

Но как происходят обсуждение и голосование законов в Верховном Совете СССР? В "Конституции СССР" сказано: "статья 108. Высшим органом государственной власти в СССР является Верховный Совет СССР". Всякий знает, что эта статья — чистейшая фикция. Уже в той же конституции, в статье 6, предпрещается ее фиктивность. Там сказано: "Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза".

Но и эта статья не раскрывает лица истинного "ядра" власти — механизм принятия ею решений и законов. Партия в 18 миллионов членов, которая не в состоянии диктовать законы собственному исполнительному органу, не может быть ведущей и направляющей силой всего государства. Этой силой как раз и являются органы, которые даже не фигурируют в советской конституции — Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, в общей сложности, около тридцати человек. Если даже считать, что они выбраны в эти органы самой партией (на самом деле они сами себя назначают туда), то и формально-юридически они не являются избранниками народа, ибо народ их не выбирал ни

в Политбюро, ни в Секретариат, их выбирали туда от имени партии члены ЦК, в свою очередь тоже назначенные туда самими Политбюро и Секретариатом. Вот эта узкая партолигархия вносит от имени тоже фиктивного правительства — Совета министров СССР — законы и указы на обсуждение и принятие сверхфиктивным советским парламентом — Верховным Советом СССР. Обсуждение сводится к тому, что назначенные Центральным Комитетом ораторы, два раза в год, поют гимн мудрости этого ЦК и его очередного генсека. Этот спектакль продолжается два или три дня. В последний день председательствующий ставит на голосование то, что олигархией давным-давно принято: "Кто за, прошу поднять руки!" — Поднимается, как по команде, лес рук. Но, странным образом, председательствующий продолжает спрашивать: "Кто против?" — Таких нет. "Кто воздержался?" — Таких тоже нет.

Я сказал "странным образом", потому что председательствующий, как и мы все, знает, что почти в пятидесятилетней истории нынешнего советского лже-парламента еще не было случая, чтобы хоть один депутат голосовал бы против или воздержался. Только вот следовало бы рекомендовать Верховному Совету СССР взять пример с ООН. Там во время Генеральной Ассамблеи за столом каждой делегации стоит механизм голосования с тремя электрическими кнопками: "за", "против", "воздержался". Нажал одну из кнопок на доске — за президиумом против названия страны загорается соответствующая лампочка. В какие-нибудь секунды известны результаты голосования. Так можно было бы сэкономить труд председательствующего, да еще

две кнопки — "против" и "воздержался", зачем они нужны в государстве единогласных решений? Так обстоит дело и с внутрипартийной демократией — все конференции и съезды партии, все собрания и пленумы, от первичных организаций до самого ЦК КПСС, выражаясь языком партийного жаргона, — "заорганизованы". Ведь в полном согласии с доктриной Ленина о создании партии сверху вниз, не партия выбирает свой ЦК, а сам ЦК выбирает себе свою партию. ЦК — вершина парт-аппаратной иерархии. Он назначает секретарей Центральных Комитетов республик и обкомов РСФСР, а эти назначают секретарей горкомов и райкомов, они, в свою очередь, назначают секретарей первичных организаций. Поскольку большевики большие демократы, то эти назначения называются "рекомендациями". Потом эти рекомендации оформляются на партконференциях и съездах компартий республик, как "выборы партийных органов".

В первые годы после октябрьского переворота съезды партии были спонтанные, поэтому они, в основном, отражали не только волю партии, но и настроение в народе. Отсюда на съездах, которые тогда происходили ежегодно, бывали свободные дискуссии, обсуждения разных платформ разных групп и фракций. На этих съездах сам Ленин часто оказывался в меньшинстве, и формально подчинялся решениям большинства, правда, чтобы потом саботировать их выполнение. Вечный оппозиционер мнению других, Ленин не терпел оппозицию против самого себя, ибо думал, как выразилась Вера Засулич, что "партия — это он, Ленин". Маяковский выразил ту же истину в стихах — "Мы говорим партия, подразумеваем — Ленин. Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия".

Другими словами, вождь партии — это диктатор в партии и государстве. Поэтому после горького для себя опыта с разными оппозициями внутри партии, после захвата власти, — с "левыми коммунистами", "военной оппозицией", оппозицией "демократического централизма", "рабочей оппозицией" — Ленин пришел к выводу, что довольно играть в демократию и надо перестроить партию на новых началах, при которых не только оппозиция, но и проявление малейшего инакомыслия запрещалось бы под угрозой исключения из партии. Для этой цели Ленин предложил X съезду партии резолюцию "О единстве партии". Суть резолюции — только то мнение можно выразить в партии, которое не расходится с мнением ЦК, вернее, его исполнительных органов. Это, по Ленину, гарантирует "единство партии". Лидер "рабочей оппозиции" Шляпников, в прениях съезда по докладу Ленина, по поводу его резолюции заявил: "Владимир Ильич прочел лекцию, каким образом не может быть достигнуто единство. Ничего более *демагогического и клеветнического*, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни за двадцать лет пребывания в партии". Резолюция давала ЦК неограниченное право исключать из партии не только рядовых членов, но и членов ЦК, если они выражали иные взгляды, чем партолигархия. Для соблюдения в партии этого режима "осадного положения" Ленин через год назначил генсеком человека, о котором точно знал, что он способен на крайние меры, вплоть до злоупотребления властью, — Сталина.

Вот так, опираясь на эту ленинскую резолюцию "О единстве партии", Сталин физически уничтожил не только политические оппозиции, но и тех, кого считал потенциальными оппозиционерами.

Так родилась единоличная тирания Сталина. Со времени Сталина партия стала фикцией, а партаппарат — ведущей и направляющей силой, стоящей и над партией, и над государством. После смерти Сталина в стране произошли некоторые изменения, террор уже не носит массового характера, но партаппарат не изменился ни на йоту. Он, как и при Сталине, не отчитывается перед партией, а партия отчитывается перед ним. Разница лишь в том, что генсек отныне не диктатор. Партаппаратную диктатуру осуществляет не одно лицо, а маленькая группа лиц — олигархия, которая на партийном жаргоне называется "коллективным руководством".

Если бы меня попросили назвать такую часть советского государственного организма, которую можно было бы упразднить без малейшего ущерба, да еще сэкономить на этом миллионы, то я не задумываясь ответил бы: Верховный Совет СССР со всеми его местными филиалами.

Любое коммунистическое государство может вполне нормально функционировать без своего формального государственного аппарата, но оно не может функционировать без своего партийного аппарата.

Да, Советы в свое время сыграли выдающуюся роль. Это сам Ленин говорил, что большевики никогда не пришли бы к власти, если бы не имели готовой формы государственной власти именно в лице Советов, хотя Советы были и в 1905 г. и в 1917 г. изобретением не большевиков, а их заядлых врагов — меньшевиков.

Когда весной 1917 г. Ленин выдвинул лозунг "Вся власть Советам", то эти Советы на 90 % состояли из меньшевиков и эсеров. Ленин знал, что

делал. Если бы он выдвинул лозунг "Вся власть большевикам", то он никогда не пришел бы к власти (на выборах в Учредительное собрание в 1918 г. Ленин получил только 25 %, за что и разогнал его), но вот через Советы можно было захватить власть, предварительно завоевав там большинство путем выдвижения радикально-демагогических лозунгов — "Немедленный мир", "Вся земля крестьянам", "Фабрики и заводы рабочим" и т.д. Так и случилось. Уже в сентябре 1917 г. большевики получили на выборах в Советы в Петрограде большинство, а 25 октября 1917 г., опираясь на это большинство, захватили власть. Состоявшийся в тот же день Второй съезд Советов объявил власть Советов и по всей России. Вот тогда только Ленин и большевики открыли свои карты: в России власть стала советской по форме, но большевистской диктатурой по существу.

Вот эта самая диктатура все еще считает удобным для себя прикрываться фиговым листком Советов, чтобы создавать у внешнего мира иллюзию, что в СССР господствует советская демократия, а не коммунистическая партократия. Для той же цели маскировки природы власти служит набор простых людей из рабочих и колхозников во время "выборов" в состав Верховного Совета СССР.

В советской печати в связи с последними "выборами" писали, что в английском парламенте рабочих всего 38 человек, в немецком бундестаге только 7 % рабочих, в Конгрессе США нет ни одного рабочего. А вот на "выборах" в Верховный Совет СССР 1984 г. рабочие и колхозные "депутаты" составили 51,3 %. Вывод напрашивается сам собой: на Западе парламенты — орудие диктатуры

буржуазии, а наш советский парламент — это подлинное народовластие.

Но это советское "народовластие" — чистейший мираж, политико-пропагандный фокус, а сами "рабоче-колхозные депутаты" — статисты в самом буквальном смысле этого слова. Только никак нельзя понять, почему советские лидеры все еще играют в эту "потешную демократию", вместо того, чтобы прямо и честно заявить, как это делал Ленин: "Да, у нас диктатура одной партии, мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем". В этом случае партия рисковала бы только одним: потерей политической невинности сталинского ханжи.

Глава 2. Партия, интеллигенция и армия

Ленин знал, о чем говорил, когда сделал одно верное замечание. "Человек неграмотный, — сказал он, — стоит вне политики". Именно это обстоятельство и помогло ему в октябре 1917 г. захватить власть, опираясь на неграмотных или малограмотных матросов в Кронштадте и резервистов в Петрограде, которые были покорены большевистской демагогией — "Вся власть Советам рабочих, крестьян и солдат". Эти матросы и солдаты абсолютно не имели понятия ни о коммунизме, ни о "диктатуре пролетариата". Когда они кое-что узнали об этом, то подняли восстание в Кронштадте и угрожали восстанием в Петрограде под лозунгом "За Советы без коммунистов". Но было уже поздно. Ленин и большевики беспощадно подавили оба восстания. Заодно Ленин выслал из страны цвет русской интеллигенции — за границу, куда ранее, спасаясь, успели выехать наиболее выдающиеся представители русской интеллигенции после гражданской войны. Большевики приступили к созданию собственной интеллигенции — сначала коммунистической бюрократии для замены в органах управления старых чиновников, потом — технической интеллигенции для управления промышленностью.

"Культурная революция", целиком поставленная на службу индустриализации и коллективизации,

сделала советскую Россию страной сплошной грамотности и новой многомиллионной интеллигенции. Если в 1926 г. в СССР было менее трех миллионов людей, занятых умственным трудом, то в 1971 году их было 30 миллионов, а в 1984 г. одних специалистов в экономике насчитывалось более 30 миллионов. Сама КПСС, бывшая партия "рабочего класса", превратилась в партию бюрократии и технократии. Так, в начале 1970 г. из 14 миллионов членов партии 6 миллионов было бюрократии и технократии, а в 1984 г. из 18 миллионов членов партии их было уже почти 9 миллионов. Советский народ — народ грамотный, поэтому он стоит обеими ногами в политике, но стоит пока пассивно, скептически созерцая происходящее и лишенный возможности на него повлиять.

Сколько же может продолжаться такое состояние? Если бы Сталин жил сто лет, то оно могло продолжаться все эти сто лет, но Сталина нет уже более тридцати лет, другого Сталина на горизонте тоже не видно, да такой уголовный уникум тоже рождается в тысячу лет один раз. Чем дальше от сталинского времени, тем больше трещин в сталинском монолите власти и ее идеологии, тем меньше страха в самом народе. Результатом этого и была та духовная встряска, когда на сцене появились национальное, религиозное и правозащитное движения. Этот процесс теперь загнан вовнутрь, но он необратим.

Внешне менее заметное, но по существу более основательное влияние на развитие внутренней политики Советского Союза могут оказать в будущем, на мой взгляд, ведущие группы советской интеллигенции, каждая в своей области — ученые, хозяйственники, творческая интеллигенция. Эти группы, лояльные к власти и патриотические по

духу, объединяет один общий интерес — стремление к максимальной творческой свободе, чтобы, пользуясь ею, вывести советскую экономику, науку и искусство из внутренней стагнации и международной изоляции. Уход со сцены таких выдающихся мракобесов в области идеологии и политической полиции, как Суслов и Андропов, до сих пор не вызвал адекватной замены. Поэтому на высшей ступеньке пирамиды власти образовалось нечто вроде идеологического вакуума. Отсутствие признанного всеми идеологического авторитета разлагающе действует на коммунистические догмы и открывает возможности перед учеными, хозяйственниками и творческой интеллигенцией влиять на систему более уверенно, чаще предлагать прогрессивные альтернативы в решении хозяйственных, научно-технических и творческих проблем в стране. Ведь партией и государством после Сталина и Хрущева управляют не политики, а политические чиновники. Всякий чиновник по своему образу мышления как чумы боится дотрагиваться до идеологических и социальных устоев существующего режима. Он неотразим в своем консерватизме, слеп, чтобы видеть реальности, глух к подземным толчкам надвигающихся перемен. Он нуждается в интеллектуальном поводе. Таким поводом могут быть в нынешних условиях политического безлюдья на вершине государства только выдающиеся советские интеллектуалы, которых образование наделило критическим умом, а природа — гражданским мужеством. В споре с догматиками из партаппарата и чекистами из КГБ интеллектуалы будут иметь на своей стороне материально сильнейшего союзника — армию, если интеллектуалам удастся убедить ее, что величие и мощь современного

государства зависят от нормального функционирования его экономической системы и от масштаба и глубины происходящей в ней научно-технической революции, а это, в свою очередь, зависит от наличия в стране широких творческих свобод. Советская экономическая система наращивала темпы, когда происходила экстенсивная революция, основанная на мускульной силе человека и при помощи обычных машин. Но советская экономическая система начала терять темп, когда она, в силу своей догматической природы, оказалась не в состоянии включиться в начавшуюся на Западе интенсивную революцию, основанную на изобретательности человеческого ума и на организаторском гении свободных менеджеров. То, что сейчас в СССР происходит под названием "научно-технической революции", повторяет западные зады с опозданием на два-три "поколения". Советской партбюрократии надо вдолбить в голову, что только тогда, когда она перестанет вмешиваться в дела, в которых она абсолютно некомпетентна — в науку и технику, в промышленность и сельское хозяйство, в литературу и искусство, — вот только тогда даже советская система окажется способной творить чудеса — экономические, научные и духовные, но при одном обязательном условии — человек должен быть максимально заинтересован в творческой результативности своего труда, для чего надо снять с интеллектуалов партийно-полицейские намордники, рабочим платить по реальной стоимости их труда, как и на Западе, крестьян же освободить от второго в истории России "крепостного права" — колхозной системы.

Я не строю никаких иллюзий. Все, что я здесь говорю, — чисто теоретические выкладки со многими

неизвестными. Знаю также, что мне могут возразить: если все, что вы считаете возможным и даже вероятным, осуществится, партия потеряет свою диктаторскую власть над страной, и поэтому развития в таком направлении она никогда не допустит. Такой аргумент не кажется мне убедительным, тем более, что в истории этой партии однажды уже был такой опыт в виде ленинского НЭПа. Существовали свободный частный рынок, частная легкая промышленность, успешно конкурирующая с государственной, золотое обеспечение рубля, не было колхозной системы, было свободное и высокопроизводительное сельское хозяйство, не было "социалистического реализма" и государственных союзов писателей, художников, композиторов, зато были частные издательства и соревнующиеся между собой творческие группы. На заводах, фабриках и в сельском хозяйстве парткомов тоже не было. При всем этом существовала диктатура партии.

Политике вообще чужды такие понятия, как "не может быть" или "никогда". Политика — не только наука, как править, но и искусство самого управления. Поэтому-то даже советские лидеры, внешне прикрываясь мантией ортодоксального марксизма, в жизни часто прибегают к антимарксистским рецептам подлинной науки, если это в интересах дела. Вот почему я думаю, что интеллигенция в старом русском понимании этого слова со временем станет таким важным фактором в развитии общественно-политической мысли в советском обществе, что правители в собственных же интересах вынуждены будут считаться с ее научно-обоснованными доводами. Если такие лояльные советские ученые, как академик Аганбегян, академик

Заславская или в свое время профессор Бирман, рекомендуют советскому руководству разумные экономические альтернативы, правда, пока что безуспешно, значит есть в Советском Союзе не только бюрократические тугодумы, но и граждански думающие интеллектуалы-гуманисты, какими и были старые русские интеллигенты. Ведь в русском варианте латинское слово "интеллигенция" получило со второй половины XIX столетия совершенно новое звучание — это не просто умственная элита, не просто творцы духовных ценностей, это та социальная прослойка, которая жертвенно служит идеалам гуманизма и интересам гражданина, даже рискуя столкнуться с существующей политической системой. Критическое отношение к окружающей социальной среде и борьба с ее пороками — таков был профиль старой русской интеллигенции в лице ее ученых и классиков литературы и философии. Таким рисуется он мне и в части сегодняшней советской интеллигенции. Даже студенчество считалось в старой России наиболее критической частью общества, потому что их учителя были не лакеями правительства, а свободомыслящими гражданами страны. Судя по советским источникам, сегодняшнее советское студенчество тоже значительно отличается от студенчества сталинских времен. В духовной жизни его начинает выходить наружу известная критическая струя. Из многочисленных показателей на этот счет приведу только одно свидетельство, во-первых, потому что оно напечатано в газете "Правда", во-вторых, его высказали такие авторитетные лица, как профессора МВТУ — доктор технических наук, секретарь парткома, Н. Лакота и доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории КПСС, Е. Олесюк. Они пишут: "Достаточно

побеседовать со студентами вне аудитории, побывать у них в общежитии, послушать, о чем они спорят на "пяточке" у своей многотиражки, — и легко убедиться: им неинтересна игра в поддавки. Как и во все времена, вступающая в жизнь молодежь щедра на острые суждения, порой бескомпромиссные и пристрастные. Вопросая друзей, наставников, страницы книг, газет и учебников, зреющий человек учится вырабатывать собственные суждения. Его мысль пытлива, смела, по-юношески контрастна; она стремится к постижению тех истин, перед которыми порой отступали, спрятавшись за стереотипами готовых формул, "умудренные" методическими рекомендациями предшественники. Так и должно происходить. Потому что только так и рождаются вопросы, ответы на которые приходится искать годами и подтверждать потом всей жизнью. Движение ищущей мысли не остановить". ("Правда", 20. 11. 1984).

Вот здесь можно отважиться на смелое и уверенное предсказание: когда это студенческое поколение будет решать судьбы страны, от советской тирании останутся только одни жуткие воспоминания. Исчезнет тогда и дух милитаризма, которым пропитан сейчас весь старый советский генералитет и его военная стратегия. Мало кому известно, что бездонный аппетит в наращивании оружия и неутолимая жажда военного превосходства над всей планетой — решающая причина не только в обострении международной обстановки, но и продолжающегося низкого уровня жизни советских граждан. Я чувствую, что такое положение уже тревожит наиболее дальновидных из советских лидеров. Они не могли не видеть, к какой социальной и политической пропасти толкает их

советская "военная партия" милитаристов во главе с Огарковым, Куликовым, Толубко, Горшковым, Епишевым. Вот почему основная политическая проблема для Кремля сегодня — это взаимоотношения между партией и армией. От характера ее решения зависит дальнейшее направление как внутренней, так и внешней советской политики. Снятие Огаркова с поста начальника Генерального штаба было лишь внешним проявлением того глухого кризиса в отношениях между партией и армией, который возник и обостряется со дня смерти Брежнева.

В приоритетах Брежнева на первом месте всегда стояла армия, но, когда его наследники начали призадумываться над кризисным состоянием всей советской системы, им, вероятно, пришлось расставлять акценты иначе. Однако армия, раз уже введенная наследниками Сталина в политическую игру, начала настаивать на своей исконной доктрине: советское военное превосходство во всем и любой ценой. Даже после того, когда СССР и США договорились по договору СОЛТ-1 (ОВС-1) об установлении "стратегического паритета" или о "равновесии сил", советский Генеральный штаб все еще продолжал проповедовать советское превосходство на земле, на море, в воздухе и космосе (см. статью о военной стратегии в советской Военной энциклопедии, 1977 г.). Когда на Западе Георгию Арбатову указали на это, то он, вполне понимая западную психологию, ответил: "Пожалуйста, не делайте меня ответственным за писания какого-нибудь отставного полковника". Однако безответственные вещи, которые приходят им на ум, отставные полковники пишут только на Западе, но не в СССР.

”В мае маршал Огарков выступал за то, чтобы вкладывать больше средств в производство новых типов оружия, а в сентябре его сняли. Он был недоволен существующим положением?” Такой вопрос западногерманский журнал ”Шпигель” задал члену ЦК Загладину. Тот ответил: ”В конце пятидесятих годов мы опубликовали решения, согласно которым политикой обороны страны руководит партия в согласии с интересами и нуждами страны... Военные не занимаются производством оружия, этим занимаются промышленные министерства... Все координируется на политическом уровне. Наш министр обороны — человек партии”. (”Шпигель”, 10 декабря 1984 г.)

Здесь ясно указано, что не дело военных решать и предлагать, что надо делать. Это дело партии. Что же касается решений пятидесятих годов, то здесь Загладин намеренно не был конкретным, однако, ссылаясь на них красноречивее всех других его аргументов. На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г. по докладу Хрущева было принято решение против ”культа Жукова” и указано армии, что ею руководит партия через свою партийно-политическую сеть.

Советская доктрина ”превосходства сил” действовала эффективно, пока потенциальные противники располагали оружием одинакового качества. Как только происходила революция в военной технике, — а она всегда происходила в странах технически и технологически наиболее развитых, — Советский Союз терял нажитое им годами и десятилетиями превосходство. Советское вооружение, превосходившее к концу Второй мировой войны немецкое вооружение, оказалось малоэффективным, когда американцы изобрели атомное оружие. Тогда

Сталин немедленно создал атомную комиссию и поставил во главе ее верховного шефа своей политической полиции Лаврентия Берия с заданием: либо создать советскую атомную бомбу усилиями советских ученых, либо украсть через советских шпионов секреты американской атомной бомбы. И Сталин в обоих направлениях преуспел: и ученые, и шпионы с одинаковым усердием взялись за работу, и через пять лет Берия доложил Сталину, что советская атомная бомба изобретена.

Однако и после двадцати лет серийного производства атомных бомб под тем же девизом "превосходства" советская армия была все еще далека от намеченной цели. В это время, как нельзя кстати для Советов, американцы пришли на помощь советскому политическому и военному руководству в деле выполнения им своей цели — догнать Америку по атомному вооружению. Америка действовала в надежде, что Советы не станут перегонять ее, — так родилась американская инициатива о "стратегическом паритете" (СОЛТ-1 и СОЛТ-2). Для этого американцы приостановили дальнейшее наращивание запасов своего термоядерного оружия, а Советы могли увеличивать свой термоядерный арсенал, пока не догонят Америку. Идея паритета могла родиться в головах людей, которые были абсолютно невинны в понимании военно-стратегического мышления советских военных и политических вождей. "Догнать и перегнать", "выполнить и перевыполнить" — таково это мышление. Через семь-восемь лет, когда СОЛТ-2 должны были представить на ратификацию Конгресса, выяснилось, что Советы не только выполнили, но и перевыполнили свой план — не только догнали, но и перегнали Америку.

В наши дни снова создается ситуация, которая угрожает не только свести на нет советское превосходство, но и почти полностью парализовать действенность советских межконтинентальных термоядерных ракет. Американцы под влиянием советского превосходства в межконтинентальных и стратегических ракетах приступили к научно-техническим испытаниям противоракетных ракет и противоспутниковых спутников в космосе, которыми Советский Союз уже давно занимается. Американцы начали эти испытания только при Рейгане. Советская космическая технология оказалась малоэффективной, а американские испытания превзошли все ожидания, показав, что США, по мнению специалистов, опередили лет на десять советскую технологию в космосе. Так родился новый принцип космической "стратегической обороны", предусматривающий уничтожение советских термоядерных межконтинентальных ракет и спутников еще в космосе. Этот новый тип оружия, если будет налажено его серийное производство, произведет такой же радикальный переворот во всей военно-политической стратегии, какой в свое время произвело атомное оружие. Уже одни только американские испытания в космосе произвели на советское политическое и военное руководство глубокое впечатление, что вызвало, во-первых, кризис в отношениях между партией и армией по вопросу о том, как ответить на американскую стратегическую оборону, а во-вторых, Кремль в центр всех своих переговоров с Белым Домом поставил вопрос о прекращении американских испытаний в космосе, отдав этому вопросу приоритет перед всеми другими проблемами, связанными с разоружением.

"Правда" 3 декабря 1984 года писала: "Недопущение милитаризации космоса — проблема, решение которой не терпит отлагательства. В космос не должно выводиться, там не должно размещаться ударное оружие любого рода — обычное, ядерное, лазерное, пучковое... запретить и ликвидировать целый класс ударных космических вооружений, включая противоспутниковые и противоракетные средства космического базирования". Кремль внес на 39-ю сессию Генеральной Ассамблеи ООН предложение "исключить космос из сферы гонки вооружения". ("Правда" от 14 декабря). "Второй генсек" М. Горбачев в своей поездке в Лондон только тем и был занят, чтобы привлечь симпатии "железной леди" Маргарет Тэтчер и вообще англичан на сторону Кремля в его новой кампании против американских испытаний в космосе, надеясь сорвать их, как Кремль в свое время сорвал испытания нейтронной бомбы. Важность политических и военно-стратегических последствий применения нового оружия требует, чтобы мы познакомились с ним в общих чертах по тем данным, которые проникли в печать из американских источников.

При заключении договоров по ограничению ядерно-ракетного стратегического оружия почему-то из поля внимания американцев выпали ракеты средней дальности и испытания антиракет в космосе. Однако то, что недосмотрели американцы, было использовано Советами. В Европе появились знаменитые советские ракеты средней дальности — "СС-20", а в космосе — советские антиракеты, противоспутники, предназначенные для уничтожения спутников и ракет противника. Стратегический замысел Советов был ясен — в случае атомной войны уничтожить еще в космосе американские

атомные ракеты, направленные против СССР. Развернулось самое интенсивное испытание советских антиракет и противоспутников. Если бы эта проблема была Советами успешно разрешена, Кремль мог бы пускать свои ракеты на Америку, не опасаясь ответного удара. Мир, который держался до сих пор на равновесии ядерно-ракетного вооружения сторон, оказался бы под угрозой.

Своими новыми испытаниями в космосе Кремль глубоко озадачил американских военных стратегов. Хотя разведывательные спутники США регистрировали много безуспешных испытаний советского нового оружия в космосе, все-таки Пентагон стал бить тревогу. Но только с приходом в Белый Дом Рейгана американцы включились в военное соревнование в космосе с СССР, и американская техника показала столь явное превосходство над советской, что вожди Кремля немедленно начали кампанию "против милитаризации космоса".

Как обычно, нашлись и в Америке влиятельные люди, которые решительно выступали против программы создания нового оружия. Во время телевизионной дискуссии с кандидатом в президенты от Демократической партии Рейган так обосновал свою "инициативу стратегической обороны": "Почему мы не должны искать оборонительное оружие, которое защитит нас от вражеских ракет?" В газете "Вашингтон пост" президент заявил, что программа обороны в космосе не будет приостановлена — напротив, она будет и дальше развиваться, будет создана оборонительная система в космосе стоимостью примерно 500 миллиардов долларов.

Еще 23 марта 1983 г., в связи с советскими испытаниями в космосе, Рональд Рейган говорил,

что его советники, в том числе и командующие родами войск, сообщили ему, как мрачно выглядит наше будущее. Он добавил: "Как хорошо было бы, если бы мы могли перехватывать межконтинентальные ракеты в космосе и уничтожать их еще до того, как они достигли нашей территории или территории наших союзников".

Три испытания американской антиракеты в космосе в 1983 г. закончились неудачно. Четвертое прошло в июне 1984 г. В Калифорнии на высоту 160 километров, со скоростью 25 тысяч километров в час, взлетела условная "советская" ракета. Навстречу ей из южной части Тихого океана — на расстоянии около восьми тысяч километров — поднялась антиракета-перехватчик, управляемая новейшими приборами и бортовым компьютером. В результате "вражеская" ракета была уничтожена прямым попаданием. Шеф американских антиракетных сил заметил: "Абсолютно выдающийся успех. Теперь мы знаем, что можем ловить и уничтожать вражеские ракеты".

Руководитель программы испытаний, поднимая свой бокал с шампанским, произнес тост: "За беспокойную ночь в Кремле!" Это беспокойство оказалось настолько велико, что Кремль, вопреки своим прежним ультимативным требованиям и заявлениям, что он вернется на переговоры в Женеве только при условии вывода из Западной Европы "Першингов" и крылатых ракет, решил начать диалог с Америкой по всему комплексу спорных вопросов, если на первое место будет поставлено советское требование — обе стороны должны отказаться от милитаризации космоса.

Никто не умеет так создавать головоломные проблемы самим себе, как советские политические

и военные вожди. Установили в Европе ракеты средней дальности — и тем самым создали себе новые и тяжелые проблемы; начали первыми испытывать в космосе антиракеты — и создали себе еще более острые проблемы, вынудив американцев изобрести новое оружие, которое способно опрокинуть всю военно-политическую стратегию Кремля.

Как Кремль выйдет из этого стратегического тупика, в который он сам себя завел, поддаваясь давлению советских милитаристов, не имеющих иной цели, как военное превосходство не только над Америкой, но и над всем остальным миром? Наиболее легкий и безболезненный выход подсказывает эпоха Брежнева: начать новую "разрядку", чтобы получить доступ к американской технике и технологии, и одновременно добиваться нового договора с Америкой о новом "стратегическом паритете", в центре которого будет стоять вопрос о космическом оружии, то есть, об уничтожении американских антиракет. Кремль всегда готов заключить договор об уничтожении оружия, которого у него нет или слабо развито, — с тем, чтобы "догнать и перегнать" противника. Советские договоры всегда "диалектические". Кремль их соблюдает до тех пор, пока не исчерпает их выгоды для себя и не почувствует, что может безнаказанно их нарушать. Так было со всеми договорами между СССР и иностранными державами.

В свете горького опыта брежневской "разрядки", когда СССР стал военной супердержавой и вступил на путь глобальной экспансии, Америка, вероятно, стала смотреть на политику Кремля более реалистически. Во всяком случае, есть основания думать, что Кремль и советский генералитет не

могут ожидать от Вашингтона помощи в выходе из стратегического тупика, и рассчитывать на то, что Америка подарит им новый "космический СОЛТ". Ведь торг есть торг — "даешь — даю". Поскольку Кремль в космосе не располагает равноценным оружием, он должен расплатиться тем, что имеет на земле. Это вплотную подводит нас к проблеме всеобщего разоружения — атомного, биологического, химического, а также сокращения обычного оружия до уровня, необходимого для обороны страны. Если Советы на это пойдут, то первым условием заключения такого договора должен быть надежный и универсальный контроль по его соблюдению на территории договаривающихся сторон — условие, на которое Кремль никогда не соглашался.

С тех пор, как Советский Союз покинул женевские конференции, Кремль раздувал вторую "холодную войну", шантажировал страны НАТО, утверждал, что не вернется в Женеву, пока американцы не уберут из Европы свои "Першинги", дислоцированные здесь в ответ на "СС-20", пугал народы мира, что Америка вот-вот развяжет атомную войну. А каков результат? Кремль решил спасти мир, которому угрожал только он один, — и ему пришлось вернуться в Женеву. На встрече Шульца и Громыко 7—8 января 1985 г. в Женеве было решено начать переговоры по трем видам ядерного оружия — космического, стратегического и среднего радиуса действия.

Единственная причина, по которой Москва решила вернуться в Женеву, — это советский проигрыш в гонке вооружений в космосе. То, что вчера казалось научно-фантастическим сценарием

”звездной войны”, американская космическая технология способна превратить в быль. Отсюда новая цель Кремля — сорвать американские космические испытания, чтобы удержать превосходство и эффективность своего ракетно-ядерного арсенала. Эту свою цель Кремль старается осуществить, подчинив ей все переговоры по другим видам ракетно-ядерного оружия. Одновременно развернута и новая мировая кампания против ”милитаризации космоса”. Кремль будет затягивать переговоры до тех пор, пока американцы не откажутся от космических испытаний или советская космическая технология не догонит американскую.

Глава 3. Партия и ее национально-колониальная политика

Представьте себе следующую картину: приезжает, скажем, делегация откуда-нибудь из Латинской Америки, Азии или из Африки в СССР, чтобы посмотреть, как большевики разрешили национальный вопрос. Делегация посещает кавказские и среднеазиатские советские республики. Что она видит на месте? Во всех национальных республиках она видит одно и то же: у них свои "парламенты", свои Советы министров, свои Центральные Комитеты национальных компартий. Во главе всех этих органов верховной власти без исключения стоят представители самой коренной национальности, хотя государственный язык у них — русский. В учреждениях восседают националы, в магазинах торгуют националы. Уличное движение тоже регулируют милиционеры из коренной национальности. Нигде делегация не встречает ни солдат советской армии, ни войск КГБ и МВД. После всего виденного и услышанного от представителей "национальных" правительств об их "великих свободах" и "суверенных правах" члены делегации берут в руки "Конституцию СССР" и конституции данных республик и приходят к выводу: советские союзные республики действительно суверенные государства, которые объединились с советской Россией в одно союзное государство. Они прочли

и нечто совсем новое для них. Оказывается, согласно статье 72 "Конституции СССР", любая из этих республик имеет "право свободного выхода из СССР". Так как эти делегаты не знают, что кто хотел бы воспользоваться этим правом, тот был бы немедленно арестован, то они решают: никакого советского империализма нет, Москва здесь вообще не присутствует, судьбы своих народов вершат независимые и свободно избранные народами парламенты и назначенные ими правительства. Делегация гостей видела лишь национальный фасад советской империи, но она не видела и не могла видеть ее неокOLONиальное нутро.

Механизм советского империализма настолько рафинирован, замаскирован и сложен, что понять его могут только те, кто испытывает его ярмо на собственной шее. Исторические уроки эволюции этого механизма — зловещее предупреждение как раз для народов в странах третьего мира, куда направлено главное острие советской политики глобальной экспансии. Они сейчас приобрели независимость и национальную аутентичность, но если победит коммунизм во всем мире, то они потеряют и то и другое. Даже язык у них будет английский или русский. Ведь это Ленин писал, что при коммунизме "Всемирным языком, может быть, будет английский, а, может быть, плюс русский". (Ленин. ПСС, т. 24, стр. 387). Здесь поучителен опыт СССР.

Национально-колониальный вопрос относится к тому комплексу тактико-стратегических "новшеств", что внес Ленин в учение Маркса о революции. Ленин радикально перевернул марксово понимание истоков и маршрута "мировой пролетарской революции" как раз на основе разработки

концепции об использовании крестьянского и национального движения как союзников пролетариата в революции. В теории Маркса, как известно, пролетарская революция начинается в передовых индустриальных странах с большинством пролетарского населения, перебрасываясь потом в другие страны и колонии, а у Ленина наоборот — мировая революция начинается в "слабом звене империализма", каким могут быть и среднеразвитые капиталистические страны плюс колонии, и только потом она распространяется на передовые страны Запада. Что же касается взглядов Маркса на характер и природу национального освободительного движения, то они были "внеклассовые", то есть антимарксистские. Вот яркий пример. В юго-восточной Европе, зависимой от империй — Российской, Австро-Венгерской и Оттоманской — существовали, по Марксу, "реакционные народы" и "революционные народы". Поляков и венгров, которые боролись за свою независимость против России, он считал "революционными народами", а чехов и южных славян (Болгария, Югославия), которые тоже боролись за свою независимость против Оттоманской и Австрийской империй, но пользовались при этом поддержкой России, он называет "реакционными народами". (Конечно, сегодняшние советские "марксистские" историки очень хвалятся этой помощью царской России "братским славянским народам" в их борьбе за национальную независимость). Если по Марксу "пролетарская революция" есть неизбежное следствие автоматического краха высокоразвитого капитализма, то Ленин молчаливо признал и эту теорию утопической, считая, что "пролетарская революция" сама по себе никогда не случится, но ее можно и нужно

организовать даже в такой стране, как Россия, в которой к 1917 г. индустриальный пролетариат составлял только 2,5%, а крестьянство — 80%, при условиях: 1) заключение союза пролетариата с крестьянством (по Марксу крестьянство "реакционный класс", см. "Коммунистический манифест"); 2) привлечение к этому союзу нерусских народов Российской империи ("Революция в России не победила бы и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи". — И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. политической литературы, Ленинград, 1952, 2-е издание, стр. 52). Этому должно предшествовать создание такой партии, которая способна искусственно организовать революционный переворот в любой стране, как это сегодня делает Кремль. ("Дайте нам организацию революционеров, — мы перевернем Россию". — В. Ленин. Что делать? Изд. Гослитиздат, Ленинград, 1950, стр. 122).

Основной пункт ленинской программы по национальному вопросу, сформулированный за несколько лет до революции, гласил: "право всех народов Российской империи на самоопределение вплоть до государственного отделения". Макиавеллианская рафинированность Ленина в политике в том и заключалась, что он, как никто другой до него, умел выдавать тактику за программу, пропаганду за политику, лозунги за истины, ставя все это на службу своей стратегической цели — захвату власти. Вот с этой точки зрения Ленин подходил и к национальному вопросу. Он был единственным политиком в дореволюционной России, который усмотрел ахиллесову пяту царской империи

в ее многонациональности. Выдвигая лозунг "самоопределение вплоть до отделения", Ленин преследовал две цели: ближайшую цель — завоевать симпатию нерусских народов на сторону своей "пролетарской революции", и конечную цель — удержать эти народы в составе своей будущей социалистической империи, как базы и основы мировой революции и мирового господства. Первым тактическим документом, призванным удержать в составе советской России мусульманские народы, было воззвание Ленина и народного комиссара по делам национальностей Сталина от 20 ноября 1917 г. "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока".

Оно начиналось словами: "К вам, трудящимся и угнетенным мусульманам России и Востока, татарам на Волге и в Крыму, киргизам и сартам Сибири и Туркестана, туркам и татарам Закавказья, чеченцам и горцам Кавказа обращаемся мы..."

В воззвании говорилось: вы были угнетены царизмом, ваша религия преследовалась, ваши мечети разрушались, ваши обычаи не уважались, но отныне "ваше верование, ваши обычаи, ваши национальные и культурные очаги" "свободны и неприкосновенны". Создавайте свою жизнь "свободно и беспрепятственно". "Вы имеете на это право. Вы сами должны быть хозяевами своей страны". ("Документы внешней политики СССР". Изд. Госполитиздат, Москва, 1957, т. 1, стр. 34).

Вот когда эти мусульманские народы, как и украинцы, белорусы, балтийские народы, в начале 1918 г. один за другим объявили о своем выходе из большевистской России и создании своих независимых государств, то Ленин их вернул в Советскую

империю на штыках Красной армии. На ссылки правительств этих народов, что они только воспользовались своим правом на самоопределение, торжественно провозглашенным большевистской партией, лидеры большевиков пояснили, что признаваемое ими право на независимость относится к "трудящимся классам", а не к нациям вообще. Финляндии посчастливилось легко выскочить из новой советской империи, зато Польше и балтийским странам пришлось воевать за свою независимость, и отстояли они ее из-за того только, что Ленину не хватило силы покорить их вновь (здесь Сталин накануне и во время последней войны "перевыполнил план" Ленина, покорив не только эти страны, но включив в советскую империю еще полдюжины новых восточно-европейских стран, которые никогда не входили в Российскую империю).

Федеральный принцип в структуре государства Ленин относил к области буржуазного государственного права, поэтому категорически отвергал его для своего будущего универсального социалистического государства. Советские теоретики замалчивают высказывания Ленина на сей счет.

Вот заявления Ленина об этом накануне Первой мировой войны: "Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации". (Указ. соч., т. 25, стр. 306).

Через четыре года Ленин захватил власть и объявил... Российскую советскую *федерацию* народов! Это тоже классический пример тактического цинизма Ленина: идти на жертвы для

проформы, чтобы удержать, углубить и расширить захваченную власть, которая была задумана как власть "диктатуры пролетариата", то есть абсолютного централизма. Ленин знал, что он делал, — РСФСР и другими советскими республиками будут руководить не проституированные большевиками Советы, а единая большевистская партия, программа и устав которой не знают ни федерации, ни автономии. И это вполне естественно, ибо, будучи федералистом на словах и абсолютным централистом на деле, Ленин был врагом существования независимых малых народов. Он стоял за их не только политическое, но и биологическое поглощение большим народом путем ассимиляции, что в условиях России означало их русификацию. Когда Ленину указывали, что его "национальная политика" ассимиляции в русском народе нерусских народов есть по существу анти-национальная русификаторская политика, то он отвечал: *"Против ассимиляции могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории"*. (Указ. соч., т. 24, стр. 126). Вероятно, к этим "еврейским реакционным мещанам" принадлежал и Сталин, который в своей книге "Национальный вопрос и ленинизм" писал буквально следующее: "Вам, конечно, известно, что политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика антинародная, контрреволюционная, как политика пагубная". (И. Сталин. Сочинения. Изд. политической литературы. Москва, 1949, т. II, стр. 347).

Как раз эту "антинародную, контрреволюционную" "ленинскую национальную политику" наиболее последовательно и безоглядно проводил сам Сталин, став не только наследником Ленина, но

и единоличным диктатором советского государства. Уже при закладывании основ нынешней псевдофедерации, предложенной Лениным в виде СССР, выяснилось, что Сталин даже не считает нужным, как Ленин, прикрываться бутафорской федерацией, если у обеих цель одна и та же: создать абсолютистское тоталитарное государство. Поэтому Сталин был вообще против создания новой федерации, а требовал просто включить существующие "суверенные советские республики" (Украина, Белоруссия, ЗСФСР, куда входили Азербайджан, Армения, Грузия) в состав РСФСР на правах "автономии" и даже провел такое решение через ЦК во время болезни Ленина. Когда некоторые советские республики (Грузия, Белоруссия) не приняли плана "автономизации" Сталина, то Ленин увидел опасность раскола, поддержал грузинских "уклонистов" и обвинил Сталина, что он слишком торопится. На что Сталин ответил контратакой: "Ленин проявляет "национал-либерализм". (В. Ленин. Указ. соч., т. 45, стр. 558).

Когда Каменев сообщил Сталину, что "Ильич объявляет войну в защиту независимости" (республик), Сталин ответил: "Я думаю, что мы должны быть твердыми с Лениным". ("Владимир Ильич Ленин", под редакцией П. Пospelова. Изд. Госполитиздат, Москва 1963, 2-е издание, стр. 611).

"Война" Ленина была "войной" не в защиту самой "независимости", а войной за такую ее форму, которая создает видимость федерации равноправных "суверенных советских республик". В самом деле, вот самое большое требование Ленина в защиту "независимости": во главе новой федерации СССР должен стоять союзный ЦИК, а в нем должен "председательствовать по очереди

русский, украинец, грузин и т.д. Абсолютно!". (В. Ленин. Указ. соч., т. 45, стр. 214).

Сталин быстро понял, что Ленин борется лишь за бутафорию "независимости", и поэтому согласился на создание СССР, но с тем чтобы сделать новое государство в полном согласии с конечной целью Ленина федеративным по форме, тоталитарным на практике.

Дата 30 декабря 1922 г. — день образования СССР — вошла в историю советских национальных республик как историческая дата потери ими своей кратковременной национально-коммунистической независимости. Эта национально-коммунистическая независимость выглядела тогда приблизительно так, как выглядит сегодня независимость восточно-европейских сателлитов СССР. Ее характерной и важнейшей чертой было: национальными советскими республиками прямо и исключительно руководили сами национальные коммунисты, которым из Москвы давалась лишь общая коммунистическая линия.

Когда образовали СССР, этими республиками начали непосредственно руководить высшие государственные чиновники из Москвы. Если вы возьмете в руки все эти фиктивные конституции СССР: "Конституция 1924 г.", "Конституция 1936 г." и "Конституция 1977 г." и сравните их между собою, то даже в них вы увидите, как от конституции к конституции происходит последовательная ликвидация "советского федерализма" и "национального суверенитета" прямо пропорционально темпам и формам абсолютизации советской тоталитарной партократии. Это хорошо видно при сравнении компетенции общесоюзных и республиканских государственных органов

власти. По "Конституции 1924 г." к исключительной компетенции общесоюзного правительства отходили только такие отрасли управления, как внешняя политика, оборона, коммуникации, тогда как к компетенции союзных республик относились отрасли государственного управления, как юстиция, просвещение, земледелие, внутренние дела (кроме ГПУ), здравоохранение и социальное обеспечение. Поэтому в союзных республиках существовали соответствующие республиканские наркоматы, не подчиненные Москве. Сегодня и по этим отраслям существуют министерства СССР — так называемые союзно-республиканские министерства. Если в "Конституции 1936 г." Сталин еще перечислял, какие наркоматы являются общесоюзными, союзно-республиканскими и республиканскими, то в "Конституции 1977 г." Брежнев не нашел нужным делать такое перечисление, ибо по существу все министерства союзных республик являются общесоюзными, зато Брежнев ввел в свою конституцию статью, которой не осмелился ввести не только Ленин, но даже и Сталин. Это статья шестая, которая гласит: "Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза". ("Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик", Москва, 1977, стр.8). Это собственно и есть единственная статья во всей брежневской конституции, в которой реальная власть в СССР нашла свое точное юридическое закрепление — в СССР никогда не было демократии, а была и осталась партократия. Принятые вслед за брежневской конституцией союзные и автономные конституции

оказались ее точными копиями. Однако в присланных из Москвы "конституциях" союзных республик отсутствовала одна важнейшая статья, которая присутствовала в ленинской и сталинской "конституциях" для них: наряду с русским языком, язык данной национальности является государственным языком этой союзной республики. Волнения среди национальной интеллигенции в Грузии и Азербайджане заставили Кремль согласиться на включение такой статьи в их конституции, но на деле государственным языком был и остается русский.

В эпоху Сталина "ленинская национальная политика" была, выражаясь по-советски, поднята на высшую ступень и соответственно называлась "ленинско-сталинской национальной политикой". "Новшества" Сталина здесь свелись к трем элементам: маневрирование искусственным голодом как методом наказания нерадивых народов, этнический геноцид как метод истребления непокорных, государственный антисемитизм под маской борьбы с сионизмом как метод отдушины. Хорошо известны жертвы первого метода на Украине, где в 1931—1932 гг. умерло от голода до шести миллионов человек, но мало кому известно, что такой же искусственный голод советское правительство организовало в Средней Азии и Казахстане в те же самые годы. Об этом писал бывший советский работник довольно высокого ранга Лев Васильев в своей книге "Советский империализм" (издательство Чехова, Нью-Йорк): "Я получил повышение по службе и, как начальник отдела наркомата финансов, переезжаю в Ташкент... По улицам бродят голодные матери с детьми и с мольбой во взоре протягивают руки за подаванием. Трупы, бесконечные

груды трупов, как дрова, наваливают на грузовики и отвозят на свалку, где кое-как зарывают в общих ямах.

Голодные уцелевшие собаки разрывают ямы и дерутся за добычу. Не раз я видел эти страшные грузовики — катафалки смерти". (Л. Васильев. Пути советского империализма. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, стр. 77).

По советским данным, в 1923 г. в СССР было 30 миллионов мусульманского населения, а к 1959 г. оно упало до 24 миллионов. Шесть миллионов погибло от голода и террора. (См. данные XII съезда РКП (б) и переписи 1959 г.).

Наиболее жестокие формы принял выборочный этнический геноцид по отношению к малым народам Советского Союза во время Второй мировой войны. Волжские немцы, крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы были поголовно депортированы в пески Туркестана и их "автономии" ликвидированы. Что это было элементом общей политики, а не произволом "культа", показывает, что первые два народа до сих пор не возвращены на свою исконную родину. (Подробно см.: А. Некрич. Наказанные народы. Изд. "Хроника", Нью-Йорк, 1978).

Сколько в общей сложности депортированные народы понесли жертв, точно неизвестно, но судя по официальному обращению лишь одного только крымско-татарского народа на имя Политбюро и Верховного Совета СССР накануне 60-летия Октября, эти жертвы должны быть очень значительными. Там сказано: "За первые полтора года в тисках "особого режима", по данным переписи народа — списочному составу (материалы хранятся в ЦК КПСС) — от массовой смертности погибло

46,2% от общей численности всего высланного народа. Это около 200 тыс. жизней, из них 100 тыс. детей". ("Обращение крымско-татарского народа к Белградскому совещанию...". См.: А.Некрич. Указ. соч., стр.155).

После войны Сталин, вроде "военного трофея", принял в арсенал "марксизма-ленинизма" гитлеровский антисемитизм. Однако Сталин не был антисемитом примитивным, как Гитлер, он был антисемитом рафинированным и коварным. Вы не можете человека, который держит евреев в Политбюро (Каганович), Верховном Совете (Эренбург), во главе Госконтроля (Мехлис) объявить просто-напросто антисемитом. Сталин объявил себя, как и Ленин, антисионистом, а уничтожал евреев, называя их то низкопоклонниками, то космополитами, то сионистами, хотя быть кем-либо из них не считается криминалом в любом нормальном государстве. Запланированная депортация советских евреев в гетто где-то в Сибири сорвалась из-за смерти Сталина.

Свое руководство над союзными республиками Москва осуществляет через "институт вторых секретарей". Неписанный закон высшего партаппарата: во всех союзных республиках первый секретарь ЦК союзной республики — местный национал, но фактическим правителем данной республики является второй секретарь ЦК, присланный из Москвы как уполномоченный ЦК КПСС. Он руководит не только кадрами республики, но и их "интернационализацией", то есть русификацией. Малейшее сопротивление местных коммунистов такой политике объявляется проявлением злокачественного "местного национализма" и наказывается. Когда первый

секретарь ЦК Туркменистана Бабаев хотел провести у себя не "интернационализацию", а "коренизацию" аппарата, то его немедленно сняли.

Особенно уродливые формы приняла русификация в школах. Уже с первых классов начали обучать детей на русском языке, но когда первый секретарь ЦК Азербайджана Мустафаев захотел, чтобы русские дети в азербайджанских школах присутствовали на уроках по азербайджанскому языку и литературе, его тоже сняли. Сравните все это с тем, что записали Ленин и Сталин на X съезде партии в 1921г.: "Политика царизма состояла в том, чтобы убить среди них (нерусских народов) зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять их язык, русифицировать их", а "задача партии состоит в том, чтобы помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов, б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке — суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных". ("Десятый съезд РКП (б)", стенографический отчет. Изд. политической литературы, Москва, 1963, стр.603).

Ни одно из этих требований не выполнено. На национальных языках пишут стихи и ставят спектакли, но на национальных языках запрещено развитие всех точных и философских наук.

Когда, после нескольких десятилетий методической и целеустремленной политики "интернационализации" по созданию единого "советского народа" с единым русским языком, Кремль решил продемонстрировать свои успехи, то они оказались далеко не утешительными. Согласно сведениям

последней Всесоюзной переписи населения (1979 г.), считали русский своим родным языком (в процентах к общей численности данной национальности) :

Национальность	1979 г.	Изменения за 20 лет (1959-1979)
Азербайджанцы	1.8	+ 0.6
Армяне	8.4	+ 0.1
Белорусы	25.4	+ 10.1
Грузины	1.7	+ 0.4
Казахи	2.0	+ 0.8
Киргизы	0.5	+ 0.2
Латыши	4.8	+ 0.2
Литовцы	1.7	+ 0.5
Молдаване	6.0	+ 2.4
Таджики	0.8	+ 0.3
Туркмены	1.0	+ 0.3
Узбеки	0.6	+ 0.1
Украинцы	17.1	+ 4.9
Эстонцы	4.5	— 0.2

Подсчет произведен по материалам Всесоюзных переписей населения 1959 и 1979 годов американским исследователем Любомиром Гайда (Гарвардский университет).

Последние годы вряд ли внесли в эту таблицу существенные изменения. Советский опыт хотя бы языковой ассимиляции явно не удался.

Глава 4. Фантазии Маркса и реалии "развитого социализма"

Чтобы доказать на практике, что так называемая марксистская политическая экономия о законах и перспективах "развития капитализма" есть наукообразная сказка, понадобилось сто лет. Чтобы доказать на практике, что так называемый "научный социализм" Маркса есть сущая утопия, понадобились приход к власти в России большевиков и их почти семидесятилетнее строительство "социализма" по рецепту Маркса.

Вспомним основные выводы и пророчества Маркса, чтобы видеть ложность его выводов и банкротство его пророчеств. Маркс писал, что не насилие, а внутренние противоречия приводят к гибели капитализма и к торжеству социализма. Что же касается революционеров, то они играют в этом процессе роль "повивальной бабки". Между тем, ни в одной стране капитализм не погиб в силу внутренних противоречий, его гибель организовали сами "повивальные бабки". Маркс писал, что социализм побеждает сначала в наиболее развитых промышленных странах Запада. "Повивальные бабки" доказали, что он может победить только в промышленно неразвитых, крестьянских странах — в России, Китае, Индокитае, государствах Африки, Латинской Америки. Маркс писал, что в высоко-развитых капиталистических странах происходит

резкая социально-экономическая поляризация, образующая маленький полюс богачей и огромный полюс обездоленного пролетариата, средние же классы начисто исчезают. На деле получилось так, что средние классы составляют на Западе большинство населения, а пролетариат в марксовом понимании существует как раз в коммунистических странах. Маркс писал, что чем больше развивается капитализм, чем выше его уровень, тем быстрее растет абсолютное обнищание пролетариата. Получилось как раз наоборот — чем выше уровень капитализма, тем выше и уровень жизни широких масс. Это свое утверждение Маркс выдавал за "всеобщий закон капиталистического накопления", который, говоря его словами, "обуславливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала", короче — всеобщий закон пауперизации огромного большинства населения в развитых капиталистических странах. Кому не известно сегодня, что все это оказалось наукообразным бредом и что западные "пауперы", то есть безработные, получают от капиталистического государства большие пособия, чем их занятые коллеги от социалистического государства.

Кто-то верно заметил, что Жюль Верн в своих фантастических романах оказался лучшим пророком, чем Карл Маркс в своих научных трудах. И это правильно — 95 % фантазий Жюль Верна сбылось и ни одного процента пророчеств Маркса. Маркса давно забыли бы и о его существовании знали бы только специалисты по истории общественной мысли XIX столетия, если бы Ленин от имени Маркса не захватил государственную власть в стране, которую Маркс люто ненавидел. Конечно, Маркс, как и любой писатель и философ, имеет

право на фантазию. Но когда фантазию объявляют наукой и, руководствуясь этой "наукой", начинают строить на крови и костях миллионов "научный социализм", то "фантаст" несет за это моральную ответственность. Верно, что основоположники марксизма связывали победу "своего" социализма с победой демократии. Роза Люксембург, критикуя деспотический социализм большевиков, писала, что нет социализма без демократии, как нет и демократии без социализма, причем под демократией она понимала не псевдodemократию большевиков, а западную демократию, признающую право меньшинства не соглашаться с большинством.

Утопией оказалось, конечно, и учение марксизма об отмирании государства. В "Коммунистическом манифесте" говорилось, что после ликвидации старых эксплуататорских классов и старых производственных отношений рабочий класс уничтожает и свое собственное политическое господство как класса. Энгельс в "Анти-Дюринге" выражался еще яснее: первый акт пролетарского государства — национализация средств производства — будет последним актом его существования как государства. А что произошло на деле? Абсолютизация, тоталитаризация, милитаризация советского марксистского государства.

Совершенно неважно, как называется тот или иной общественный строй — капиталистическим, коммунистическим, социалистическим, теократическим, а важно, насколько высок при данном строе материальный уровень жизни народа и какими политическими и духовными свободами и правами он пользуется. Ту же мысль образно выразил нынешний лидер коммунистического

Китай Дэн-Сяо-пин, когда заявил: неважно, какого цвета кошка — черного или серого, важно, чтобы она ловила мышей. Уничтожив своей не только античеловеческой, но и антиэкономической практикой веру в коммунизм, правители Кремля повергли советское общество в полную духовную прострацию. Никто не верит ни в коммунизм, ни в идеалы гуманизма, вообще чуждые коммунистической системе; все это, вместе взятое, превращает правителей в циников, а управляемых в их легкие жертвы. Система гниет на корню, а в ее тяжелом смраде задыхается и народ.

Я уже писал, что спасение — только в радикальном повороте. Партаппаратчикам очень легко было бы обосновать теоретически и оправдать практически такой поворот в политике ссылками на всеспасающие цитаты из Ленина периода перехода от "военного коммунизма" к НЭПу. Партаппаратчики, однако, боятся, и боятся вполне справедливо, что удавшееся Ленину — сохранение монопартийной диктатуры при НЭПе, — не удастся им при нео-НЭПе. Нео-НЭП потребовал бы допущения не только определенных экономических свобод, но и пересмотра партийно-полицейских ограничений в духовной жизни. Советское общество, да и само государство, выиграли бы от поворота материально и морально, а партия проиграла бы и в том и в другом. Нео-НЭП был бы последним и окончательным доказательством того, что вся социалистическая система порочна, и партия, которая семь десятилетий навязывала ее силой своему народу, обречена на исчезновение. Поэтому, если это будет зависеть от воли партаппаратчиков, то не случится ничего, только на всех своих собраниях они будут повторять набившие всем оскомину пустые

слова — "совершенствовать руководство", "совершенствовать экономический механизм", даже "совершенствовать развитой социализм" — хотя более совершенной в истории еще не было тиранической системы, чем советская.

В советскую систему власти входит, между тем, фактор, от которого зависит внешнеполитическая безопасность партийного государства — это армия. Военный переворот генерала Ярузельского в рамках коммунистической системы в Польше был направлен не только против антикоммунистических свободных профсоюзов в городе и деревне — против "Солидарности", но и против насквозь прогнившей диктатуры польских партаппаратчиков. Чем гарантированы твердолобые из Кремля, что со временем не появятся подражатели польского генерала из среды советского офицерского корпуса? Несомненно инспирированный самими советскими лидерами военный переворот удержал Польшу в составе советской империи. Но удержат ли советские партаппаратчики свою не менее прогнившую реакционную систему властвования, если советские военные захотят по собственной инициативе найти ей разумную прогрессивную альтернативу?

Ведь это ни для кого не секрет, что нынешний советский офицерский корпус более русский, чем коммунистический, более национальный, чем интернациональный. Ни для кого не секрет также и то, что эта русская армия черпает свою духовную пищу не из тошнотворных учебников марксизма-ленинизма, а из вечно живой для нее военно-патриотической истории старой России, которая ведь была велика не дворцовой камарильей, а основательницей Российской империи — русской армией и ее полководцами. Сталин знал, что делал, когда, чтобы

выиграть войну против Германии, реабилитировал эту императорскую русскую армию и ее знаменитых полководцев, а саму войну назвал, по примеру войны 1812 г., "Великой Отечественной войной". Не партия, а армия выиграла эту великую войну. Не партия, а армия может стать инициатором и великих реформ, и тем самым прославить себя еще раз, но уже на мирном поприще по спасению великой нации от социального и этнического вырождения. Не нужно быть марксистом, чтобы видеть органическую связь между советским бытом и советским сознанием:

1. Между порочностью марксистских экономических догм и тупиком, в котором находится советская экономика.

2. Между "коммунистическим воспитанием" народа и уродливыми явлениями в советском быту.

3. Между человеконенавистнической идеологией партии и дегенерацией партии и дегенерацией людей.

4. Между насильственным навязыванием атеизма в советских школах и семьях и снижением воспроизводства этнографического русского населения, тогда как в регионах, где атеизм не проник в быт и сознание народов, там наблюдается воистину демографический взрыв (советские мусульманские республики).

Коммунизм не страшен, пока его проповедуют, коммунизм вреден, когда навязывают его идеологию, коммунизм катастрофичен, когда надо жить под его законами. Коммунизм ужасен не только физическим террором, но и универсальной ложью, которой пропитана вся его политическая система. Со времени Макиавелли мы знаем, что двуличие в политике почти легитимное средство правителей. Когда в обществе Талейрана один

из его современников был назван "честным политиком", то этот великий лицемер своего времени съязвил: "если он человек честный, так знайте, что он не политик". Но и здесь большевики побили рекорды лицемеров всех времен. Шедевром политической лжи Ленина была его резолюция на апрельской конференции 1917г. о том, что будущая советская республика будет новым "типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества". Шедевром лжи нашего времени является утверждение Кремля, что в СССР создано самое справедливое в истории социальное общежитие "развитого социализма", при котором люди живут материально лучше и политически свободнее, чем граждане демократических стран. "Советские люди — хозяева своего государства", — твердит пропаганда. (Чтобы в этом не усомнились сами советские граждане, плотно закрыты советские границы и запрещено посещение западных стран гражданами СССР).

На деле все трудоспособные советские граждане — не хозяева, а слуги монопартийного государства, ибо это монопартийное государство единственный работодатель в стране. Хотя существуют так называемые профсоюзы и формальная процедура заключения между ними и государственными предприятиями трудовых коллективных договоров, но фактически уровень материального вознаграждения каждого трудящегося определяется односторонне — самим монопартийным государством. Роль профсоюзов сводится в данном случае к тому, чтобы подписывать "колдоговоры" от имени советских граждан. Поскольку в Советском Союзе запрещены забастовки, а индивидуальные или групповые протесты против произвола

бюрократии наказываются в уголовном порядке как "антисоветские действия", то советские служащие, рабочие, колхозники должны довольствоваться той зарплатой, которую предлагает им администрация. Реальное содержание этой зарплаты в три-четыре раза ниже, чем зарплата людей соответствующей социальной категории на Западе. Но партия, руководящая "развитым социализмом", отвергает "мелкобуржуазную уравниловку", а это означает лишь одно, а именно, что даже в "развитом" социалистическом обществе уровень вознаграждения за работу прямо пропорционален тому месту, которое человек занимает в сословно-классовой структуре советского общества или на служебно-бюрократической лестнице партийно-государственной иерархии. Из двух критериев определения уровня материального вознаграждения советского человека первый — какую пользу этот человек приносит своей работой обществу, и — второй — насколько данная личность способствует укреплению власти партии, — примат принадлежит партии. Поэтому деятельность во имя укрепления власти партии оплачивается щедрее. Причем речь здесь вовсе не идет об одних коммунистах. Беспартийные писатели Максим Горький, "красный граф" Толстой, Илья Эренбург в свое время сделали для укрепления власти партии больше, чем сотни партийных функционеров, и умерли миллионерами. Беспартийный академик Сахаров своей водородной бомбой больше укрепил военную мощь советского государства, чем весь ЦК в целом, поэтому его осыпали деньгами и премиями. Когда он их отдавал на благотворительные цели, то это вызвало отрицательную реакцию со стороны

высшей власти. Партократия не любит неподкупных людей.

Сталин в основу своей доктрины управления положил два негласных принципа. Первый: человек — крайне эгоистическое существо, если хочешь сделать его орудием своей политики, надо его систематически подкупать как материально, так и лестью; принцип второй: народ — безмозглое быдло, подверженное панике и восприимчивое к любому влиянию. Если хочешь им успешно править, надо действовать террором — для устрашения, и ложью — для одурманивания. Террор — не только орудие уничтожения неисправимых, но и психологический фактор коммунистического покорения массы. Ложь, повторяемая систематически, станет такой привычкой массы, что управлять ею уже не будет проблемы. Но у Сталина был определенный "лимит" подкупа и определенное правило в решении проблемы, кто кого подкупает — подкупает власть, но ее никто не смеет подкупать. Кто покушается на это, лишается жизни вместе с подкупленным представителем власти. Столь же решительно карались и те представители монопартийного государства, которые "самоподкупались" (расхитители социалистической собственности).

С Брежнева началась буквально вакханалия коррупции по всей линии партийно-государственной иерархии. Коррупция свойственна любой тиранической системе, где чиновник плохо оплачивается и режим не подконтролен обществу, как в советском государстве. Это только одна причина. Другая, специфически советская, причина восходит к XX съезду партии, когда разоблачили Сталина как лжебога коммунизма. Этот кризис власти оказался

одновременно и кризисом коммунистической веры. Если сам коммунистический бог — преступник, то и вера его преступна. Отныне все дозволено: живи, как хочешь, хватай все, что можешь, "обогащайся"! Словом, "хочешь жить — умей вертеться" — так гласит новая советская поговорка, приведенная на страницах газеты "Правда" (31.01.1985). Когда одного руководящего коммуниста на заводе им. Дегтярева, по фамилии Амбаров, обвинили, что у него нет никакой совести, ибо присваивает казенное добро, то он изрек всю философию нынешнего господствующего класса лапидарно и выразительно — "свести у меня много, но я ею пользуюсь редко". ("Правда", 3.11.1984).

Прямым результатом кризиса партии и партийной идеологии явился уже чисто брежневский "трудовой" феномен — всеобщее падение государственной и трудовой дисциплины. Чтобы выразить специфические атрибуты этого явления, оказалось необходимым изобрести новые слова в русском языке или придать старым словам новое значение — "показуха", "очковитирательство", "шабашничать", "сработать налево" и т.д. Совокупность всех этих явлений в партии привела к глубочайшему моральному кризису общества, во многом напоминающему кризис Римской империи, приведший к ее разложению — одичание нравов, массовые попойки, оргии, наркомания, проституция. Пьянство было и раньше, но то, что происходит сейчас, абсолютно ново — это эпидемия пьянства — пьют женщины, пьют супружеские пары вместе на глазах своих малолетних детей. Хуже — нередко пьют сами подростки. А чтобы вести разгульную жизнь, люди крадут все, что

попадется под руку. Режим тщательно скрывает статистику уголовных преступлений в стране, а средства информации хранят о них гробовое молчание, ибо по официальной доктрине социализму не свойственны уголовные преступления.

Что говорить о преступлениях рядовых граждан или средних функционеров партии, когда сам министр внутренних дел СССР, генерал армии и член ЦК КПСС Щелоков сам со всем своим ближайшим окружением оказался уголовным преступником. "Назначили козла огородником" — говорят немцы в таких случаях. Вот такова общая картина в партии и стране в момент, когда смена власти на вершине Кремля становится фактом. Новые люди в Кремле должны понять, что все негативные явления в обществе, в том числе экономическая стагнация, падение дисциплины, коррупция, эпидемия пьянства, объясняются не порочной природой людей, а порочной системой власти. Чтобы избавиться от них, надо менять систему.

Но как ее менять? Возможна ли ее эволюция? Когда бывший американский президент Никсон спросил у тогдашнего советского премьера Косыгина: "Народ ваш талантливый, изобретательный, но почему вы не даете ему свободы?" — Косыгин, не задумываясь, ответил: "Дать русским свободу? Так они же передерутся между собой!" Цинизм этого ответа превзойден оскорблением по адресу собственного народа. Разумеется, Косыгин выразил тут не свое личное мнение, а философию всей правящей партолигархии. Выходит, что русские, в отличие от свободных западных народов, такие отчаянные разбойники, которыми надо править не убеждением, а чекистской дубинкой. Однако глубинная

причина, почему партия не продолжала хотя бы политику "оттепели", заключается совсем в другом. Советский тоталитарный режим может существовать только в условиях тотальной несвободы. Первый же день обнародования политических свобод и гражданских прав в СССР был бы последним днем господства партии. Морально-политическое единство между партией и народом существует только на страницах "Правды".

Но встает вопрос: как долго может существовать режим, основанный на насилии? Еще Наполеон знал, что народы можно завоевывать штыками, но править ими, вечно сидя на штыках, невозможно. Пессимисты ссылаются на исторический опыт — России не привыкать к насилию и деспотизму: татаро-монгольское иго существовало 240 лет, абсолютизм Романовых 300 лет, тирания большевизма существует вот уже скоро 70 лет. Словом, русский народ "вынесет все, что Господь ни пошлет", как говорил в свое время поэт Некрасов.

К сожалению, тут много правды, но едва ли вся правда, ибо пессимисты забывают глубочайшую разницу между прошлыми эпохами и нашим временем, между далекими предками и их нынешними потомками, между патриархально-консервативным бытом тех времен и сказочным разворотом экономики, материальной культуры, техники и технологии нашего века. Сегодня судьбы народов и государств решают экономика, наука и техника, не зажатые в тиски партийных догм и политической полиции. Скоро самые закоренелые из догматиков станут перед выбором: либо и дальше отметать посягательства на чистоту догм и монополию власти партаппаратчиков и тогда пребывать в нынешнем состоянии "быть бы живу — не до жиру", либо

допустить экономические свободы в стране путем коренных реформ промышленности и ликвидации окончательно обанкротившейся колхозной системы, и тогда идти в ногу с передовыми индустриальными странами Запада. Не человеколюбие и не свободолюбие, чуждые психологии и идеологии большевизма, а с каждым днем обостряющаяся необходимость решить эту экономическую альтернативу, может заставить Кремль пожертвовать догмой, помня пророчество Ленина, что судьба коммунизма, в конечном счете, решится в соревновании на международном экономическом поприще. Тем более, что Ленин сам подал в свое время пример, провозгласив в России НЭП, допускающий не только свободный рынок, но еще и международные экономические концессии в советской России. На путь ленинского НЭПа стал ныне и коммунистический Китай, объявив реформы в городе и деревне и широко кооперируя с Западом. Этот путь — путь экономической эволюции в рамках существующей системы — теоретически вполне возможен.

Тут же встает и другой вопрос: возможна ли в этой связи и политическая эволюция самого советского режима? Я, конечно, даже теоретического ответа на этот вопрос не знаю. Можно говорить лишь о попытке прогноза, исходя из исторического опыта и политико-психологической ментальности правящей ныне партии. Конечно, бывали случаи, когда на наших глазах менялись режимы авторитарные, как в Испании, Португалии, Турции, на режимы правовые. Однако Россию надо мерить русским аршином, ибо у нее своя "особенная статья", да и советский режим не просто деспотический, он тиранический режим

совершенно небывалого типа. История не знает случаев, чтобы тираны уступили добровольно свою власть суверену, у которого они ее узурпировали, — народу. Что же касается коммунистических тиранов, то они просто одержимы мыслью о власти, ибо власть для них не только орудие безраздельного господства над народом, но и единственный источник их материального благополучия. Жажда власти коммунистических партаппаратчиков со временем переросла прямо-таки в патологическую манию власти. Этим собственно и объясняется тот неписанный статут, который установила для своих членов партолигархия — статут пожизненности занимаемых постов, не признающий ни пенсионного возраста, ни старческой немощи, ни смертельной болезни даже для глав партии и государства, как это мы знаем на примерах Сталина, Брежнева, Андропова, Черненко. Абсолютно то же самое будет происходить и с новым поколением Горбачева. Этим я объясняю, что Горбачев не восстановил в новом уставе КПСС хрущевского параграфа о ротации партаппаратчиков. Партийные олигархи — реалисты и циники. Если для укрепления и расширения своей власти им потребуется пожертвовать той или иной ведущей догмой марксизма-ленинизма, то они на это пойдут без малейших угрызений своей "марксистско-ленинской" совести, ибо святее всех святых для них — не идея давно обанкротившейся утопической теории, а комфортабельная идея реальной власти. Если этой власти угрожает серьезная опасность гибели, то коммунистические лидеры готовы на любые жертвы в интересах ее спасения, вплоть до расчленения России (например,

сепаратный мир с Германией в 1918 г.) или отступления, хоть и временного, от своей марксистской идеологии (например, НЭП Ленина в 1921 году), или на открытый союз с фашизмом (пакт Риббентроп-Молотов в 1939 году). Отсюда следует, что возможны тактические зигзаги и дальше, особенно в случае, если нынешний кризис советской экономической и социальной системы окажется хроническим.

Эволюционное изменение политической системы властвования кажется невероятным в силу уже сказанного. Советская тоталитарная система, выражаясь образно, — это некий концентрический круг с окружностями разного радиуса действия. В эпицентре — перманентное чекистское чистилище, в котором уже погибло, по оценке ряда специалистов, около 50—60 миллионов человек. Это одна треть населения СССР до войны. Чем дальше человек стоит от этого эпицентра, тем легче ему дышать. Но удалиться от него советские люди могут только на определенное расстояние внутри круга, а выскочить из круга никому не дано — ни правителям, ни народу. При Сталине эпицентр означал просто пекло, при Хрущеве люди начали чувствовать себя в зоне терпимой "оттепели", при его преемниках началось обратное движение к эпицентру сталинщины.

Круг гарантирует правителям тотальный контроль над народом. Поэтому они никому, даже из своей среды, не разрешают экспериментировать в этом кругу, резонно боясь, что неосторожные эксперименты могут взорвать весь круг, дав народу выйти из-под их контроля. Когда Хрущев нарушил этот закон круга и начал широко экспериментировать, то его быстро убрали. Природа

круга власти такова, что его нельзя согнуть, его можно только сломать. Это возможно либо на путях новой революции, либо через бонапартистский переворот. Все три варианта о будущей судьбе советского режима — эволюция, революция и бонапартистский переворот — встречаются в обсуждениях как в западной, так и в эмигрантской печати.

Говоря о революционном варианте, нельзя думать категориями старых классических революций с их кровавыми вооруженными восстаниями, массовым террором, уличными баррикадами. Цивилизованные народы мира такие насильственные революции отвергают. Польская августовская "мирная революция" 1980 года, в которой интеллигенция объединилась с рабочими и крестьянами, открыла новую эпоху "мирных революций". Поляки показали, как мирным путем изнутри можно взорвать "концентрический круг". Временное поражение поляков, которым угрожала вооруженной интервенцией супердержава, не говорит о порочности польского опыта, а наоборот, подтверждает аксиому всех аксиом — если бы такая "мирная революция" произошла в центре советской империи — в самом СССР, то дни всей коммунистической тирании на Востоке были бы сочтены.

Ничего так смертельно не боятся власти-тели советской империи, как цепной реакции начавшейся на ее окраине "мирной и немирной революции". Этим и объяснялась беспощадность Кремля, когда он душил Берлинское рабочее восстание 1953 года, Венгерскую революцию 1956 года, чехословацкую "весну" 1968

года, польскую "мирную революцию" 1980—1983 годов путем военно-политического переворота в Польше.

Однако, это только у Гегеля исторические события и герои повторяются дважды, а на деле история хаотична и богата на выдумки.

Поэтому даже в наш компьютерный век бессмысленно претендовать на безошибочный прогноз в отношении будущих событий, хотя бы потому, что человеческий мозг слишком субъективен, а электронному мозгу неподсудны сложнейшие движения человеческой души.

ЧАСТЬ III. ГОРБАЧЕВ У ВЛАСТИ

Глава 1. Путь Горбачева к власти

Путь партаппаратчика в ЦК не усеян розами. Он тернист и изнурителен. Соревнующихся на этом пути около 500 тысяч профессиональных партийных работников, не считая секретарей первичных парторганизаций, но состав пленума ЦК ограничен — там имеется место только для трехсот-четырёхсот человек. Еще уже дверь, ведущая в Политбюро ЦК, — число его членов и кандидатов не превышает 20—25 человек.

В таком соревновании партаппаратчиков за место в ЦК и его Политбюро элемент случайности совершенно отпадает. Отпадает также и возможность попасть туда не только в молодом возрасте (до сорока лет), но и в среднем возрасте (до пятидесяти лет). В самом деле, проследим, каков его путь к власти. Чтобы добраться до Политбюро или Секретариата, даже до должности заведующего отделом ЦК или его заместителя, партийному функционеру, начавшему свою карьеру, скажем, секретарем райкома партии в 30-летнем возрасте, нужно пройти все ступеньки партийной лестницы от первого секретаря райкома, потом до первого секретаря горкома, наконец, до первого секретаря обкома, что потребует еще 20, а то и 30 лет партийной карьеры в провинции. Таким образом, когда ему будет 50-60 лет, имея протекцию в ЦК и при условии, что его личное дело в ЦК и досье в КГБ

абсолютно безупречны, а по организаторскому таланту он превосходит своих ближайших конкурентов, то в конце концов он доберется, как выражался Сталин, до "ареопага" — до ЦК партии. Стало быть, не молодые идут к власти в Кремле, а "молодые старики" на смену дряхлым старикам, причем идут они с тем же политическим и духовным багажом, что и их предшественники.

Какую же внутреннюю политику поведут эти "молодые старики"? По логике системы — такую же, какую вели их предшественники. Для Горбачева из этих предшественников один лишь Андропов является стратегом, достойным подражания. Андропов, вероятно, хотел вывести систему из тупика, но, наученный горьким опытом, боялся, как бы не обжечься, и поэтому вместо принятия радикальных решений крутился вокруг них, как кот вокруг горячей каши.

Горбачев хочет продолжать дело Андропова, но, чтобы достичь поставленной цели, он, по-видимому, должен перестроить структуру власти. При Брежневе, Андропове и Черненко страной правил "треугольник": партия, армия, КГБ. При отсутствии волевого и амбициозного генсека каждый угол этого "треугольника" пользуется фактически правом вето при решении кардинальных вопросов как во внутренней политике, так и во внешнеполитической стратегии. Однако еще при жизни смертельно больного Черненко и при фактическом руководстве государством и партией "вторым генсеком", Горбачевым, власть в значительной степени переместилась к его двум углам: к партаппарату и КГБ. Основы сращивания высшего партийного аппарата с высшим кагэбистским руководством были заложены еще

тогда, когда Брежнев вернул КГБ старые, времен Сталина, функции, которые были ликвидированы Хрущевым: право шпионажа КГБ не только за членами ЦК, но и Политбюро. Это поставило КГБ в положение, которое позволяло ему дискредитировать любого партийного сановника, включая членов Политбюро, и тем самым влиять на изменение руководства любого уровня, что и случалось часто. К тому же повальная коррупция партийных руководителей уже сама по себе делала их легкой жертвой шантажа кагебистов.

Кто такой Горбачев как человек, политик и государственный деятель, советские люди знают так же мало, как и мы. Потенциальные возможности партийного деятеля в советских условиях выявляются и познаются, когда он укрепится на посту главы партии и государства. Все, что он говорил и делал до достижения этого поста, исходит не лично от него, а от правительствующего генсека или олигархии вокруг него. Поэтому все ранние идеологические и экономические выступления Горбачева или его речи во время его пребывания в Лондоне имеют относительное значение и мало о чем говорят, кроме того, что Горбачев политически более суверенен и в ораторском искусстве более отшлифован, может быть, даже талантлив, чем его коллеги по Политбюро, а главное и необычное — чувствуется, что он не только понимает, о чем говорит, но видно, что он сам автор собственных выступлений. В силу этого он не нуждался в шпаргалках, когда выступал в Лондоне. Да и свою дипломатическую миссию в Лондоне Горбачев выполнил блестяще. Горбачев подбирал изысканные формулировки в своих речах и тостах и был щедр на жесты истинного джентльмена, что приводило

в восхищение даже таких строгих судей дворцовой церемонии, как английские лорды и леди. В том же плане надо трактовать и его подчеркнутое отсутствие, когда члены делегации посетили могилу Маркса, а в библиотеке Британского музея, где Маркс писал свой "Капитал", Горбачев, стоя у стола Маркса, позволил себе и шутку: "Кому не нравится марксизм, тот должен предъявлять свои претензии к Британскому музею".

Имел Горбачев, как выражаются на Западе, и хорошую прессу. Почти все корреспонденты писали о нем, что он прагматик, возможный реформатор, может быть даже либерал, точь-в-точь, как писали в свое время об Андропове.

Обычно суровая в оценке советских действий и деятелей, за что ее в Москве называли "железной леди", английский премьер-министр Маргарет Тэтчер не нашла нужным скрыть свое расположение к Горбачеву, когда сказала: "Мне нравится мистер Горбачев. Мы можем ужиться". Один английский парламентарий пришел в такой раж от встречи с Горбачевым и его супругой Раисой Максимовой (она доктор философии и профессор по марксизму-ленинизму в МГУ), что сравнил их с супругами Кеннеди.

И тем не менее лондонский Горбачев и московский Горбачев — это разные люди. Более того — они антиподы. На предшествовавшем московском идеологическом совещании Горбачев объявил смертельную войну "мировому империализму", а в лондонском логове этого империализма он проповедует мир, благоденствие и сосуществование. Мои чеченцы говорят: "Если едешь на кумыкской арбе, то пой кумыкскую песню". Пока Горбачев ездил на "английской

арбе", то бишь на роллс-ройсе, он пел "английские песни", а вернувшись в Москву, обрел свое натуральное состояние.

Биографические сведения о Горбачеве очень скудны, но некоторые важные выводы из них все-таки можно сделать.

Семья, школа, среда и непредсказуемое стечение обстоятельств — вот решающие факторы, которые формируют психологический облик советского человека и в зависимости от его индивидуальных склонностей определяют также его карьеру — научную, техническую, административную, партийную.

Горбачев родился в крестьянской семье, в типично крестьянской провинции — в Ставропольском крае, в разгар кровавой коллективизации 1931 года. Судя по позднейшей карьере сына, родители его не были репрессированы как кулаки или "подкулачники". Совсем юношей он связал свою судьбу с комсомолом, что помогло ему поступить в престижный в стране столичный университет — МГУ. Там, за год до смерти Сталина, в 1952 году, он вступил в партию. Горбачев кончил МГУ по юридическому факультету в 1955 году. В 1956 году вернулся в свой край и сделал там стремительную, сначала комсомольскую, а потом и партийную карьеру. В 1967 году, будучи уже первым секретарем Ставропольского горкома партии, он окончил заочно и Ставропольский сельскохозяйственный институт. В 1978 году Горбачев, по всем данным — по рекомендациям Андропова и бывшего первого секретаря Ставропольского крайкома Сулова, был назначен секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Перманентный кризис советского сельского хозяйства, который губил всех, кто брался за его

ликвидацию, как будто предвещал такую же судьбу и юристу и агроному Горбачеву. Однако полна партийная жизнь парадоксами — как раз с тех пор, как Горбачев начал его курировать, кризис советского сельского хозяйства все больше и больше углубляется, ввоз хлеба из Америки все больше и больше увеличивается, а карьера Горбачева тем временем неудержимо летит вверх, — он становится сначала кандидатом в члены Политбюро, потом членом Политбюро, дальше кронпринцем генсека, наконец генсеком, обойдя всех своих соперников.

В чем же секрет столь необычного и быстрого восхождения его к власти? Типично партийный ответ самого Горбачева в беседе с индийским корреспондентом приведен в "Правде": "Отвечая на вопрос о том, каким факторам он приписывает успешное развитие своей деятельности как партийного руководителя, М.С. Горбачев подчеркнул, что "секрет" здесь один: наш советский социалистический образ жизни. Трудовая закалка, полученная в семье сельских тружеников... Хорошее образование... и общественно-политическая школа, пройденная в рядах комсомольской и партийной организации". ("Правда", 20.05.1985).

Однако удовлетворительный ответ на этот вопрос могут дать только будущие биографы Горбачева, если им будут доступны интимные сведения из его карьеры и факты закулисной игры в ЦК и Политбюро. Анализируя доступные всем внешние факты и факторы, я прихожу к выводу, что Горбачев вовсе не серый карьерист типа Брежнева и Черненко, а политический комбинатор с качествами питомца сталинской школы, к которой принадлежал и протежировавший ему Андропов.

Укажем в этой связи на некоторые моменты в биографии Горбачева, имеющие не только символическое, но и глубокое политико-психологическое значение в формировании Горбачева как коммуниста.

На юридическом факультете МГУ в годы его учебы монопольно господствовала одна юридическая школа — школа знаменитого инквизитора Вышинского. Ученик этой школы, Горбачев вступил в партию в том году, в котором кампания против "безродных космополитов" и "низкоклонников" была в разгаре, все университетские профессора еврейского происхождения очутились в опале. Он вступил в партию в том печально знаменитом году, когда Сталин арестовал "кремлевских врачей-вредителей", готовил евреям новое гетто, а стране новую "великую чистку" по примеру тридцатых годов.

Партийная карьера Горбачева шла в гору в годы, когда, после Хрущева, явно обозначилась ресталинизация. Сказанное характеризует политическую атмосферу, которой дышал формирующийся коммунист Горбачев. Партия еще не оторвалась физически от пуповины своего кормильца — Сталина. Но этим еще не сказано, что Горбачев должен быть весь из Сталина. В сталинизме надо отличать компонент уголовной практики режима от другого его компонента — от сверхмакиавеллианского искусства в политической игре. Я подозреваю Горбачева в последнем. К этому он имеет все предпосылки как по школьному образованию, так и по партийному воспитанию. На посту главы партии и советского государства он является после Ленина вторым лидером с юридическим образованием. Советское юридическое образование, при всей своей

марксистской однобокости, все же сообщало человеку относительно широкий круг знаний из различных гуманитарных наук, которые заставляли людей думать критически, логически и исторически. Поэтому-то Сталин и не подпускал юристов близко ни к партаппарату, ни тем более к ЦК, исключением был названный Вышинский.

В своей кадровой политике Сталин держал курс на выпускников технических вузов. Инженеры не будут философствовать на политические темы, не будут копаться в законах, которых они даже не знают, а станут точно и скрупулезно выполнять то, чего от них потребует закон всех законов — сам Сталин. Зато в Политбюро сидели все политики. И система работала. Но вот Сталина не стало, не стало и его политических соратников, а ЦК и его Политбюро оказались в руках этих нефилософствующих инженеров с их негласным девизом: "живи сам — дай жить и другим". Система зашла тогда в тупик.

Может быть, теперь правительствующие инженеры приходят к выводу, что дело инженеров руководить техникой, а государством должны руководить представители правовых и менеджерских наук, как это практикуется во всех государствах мира.

Может быть, Горбачев есть пионер не только новой смены власти в Кремле, но и пионер нового профиля самих властителей.

Есть довоенный анекдот: приходит регулярно каждое утро к газетному киоску старушка и, бросив беглый взгляд на первую страницу "Правды", разочарованно уходит. Киоскер обратил на это внимание и поинтересовался:

— Скажи, бабушка, какую ты новость ищешь на первой странице газеты?

— Сообщение о смерти одного человека...

— Бабушка, о смерти пишут на последней странице.

— Нет, сыночек, о смерти, которой я жду, будет написано на первой странице.

Бабушка, несомненно, ждала смерти генсека Сталина. Если бы бабушка чудом дожилась до смерти Черненко, то она с ее методом чтения первой страницы "Правды" так и не узнала бы, что умер очередной генсек. В день объявления смерти Черненко "Правда" вышла без траурной рамки и без портрета Черненко на первой странице (не такой мол уж большой траур), зато с портретом нового генсека и его биографией. Покойника взяли в траурные рамки на второй странице.

Черненко умер 10 марта 1985 г. В буквальном смысле этого слова еще не остыл труп Черненко, не состоялись похороны, как объявили, что новым генсеком внеочередной пленум ЦК КПСС 11 марта избрал Михаила Сергеевича Горбачева. Это избрание произошло через четыре часа после объявления о смерти Черненко (о смерти Черненко ТАСС сообщил 11 марта около двух часов дня, а об избрании нового генсека около шести часов вечера того же дня). Такой спешки с избранием генсека в истории КПСС еще никогда не бывало. Мог ли так быстро собраться внеочередной пленум ЦК, т.е. более четырехсот человек, разбросанных не только по гигантской стране, но и по всему миру? Разве только на спутниках их так быстро соберешь. Даже судя по коллективному снимку участников пленума ЦК во время прощания с Черненко, опубликованному в "Правде" от 12 марта 1985 г., в Москве собралось не более двухсот человек. Другие сведения говорят, что якобы собрался кворум, но

не все голосовали за Горбачева. Косвенное подтверждение этому мы находим и в "Информационном сообщении о пленуме ЦК КПСС", где сказано, что генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачев избран "единодушно", а не "единогласно", ибо термин "единодушные" на партийном жаргоне употребляется только в тех случаях, когда нет "единогласия".

На деле процедура избрания Горбачева была такая же, как и его покровителя Андропова, только с той разницей, что Андропову пришлось совершить дворцовый переворот после смерти Брежнева против "кронпринца" Черненко, а Горбачев совершил этот переворот по существу еще при жизни своего предшественника. Громько, предложивший пленуму ЦК кандидатуру Горбачева на пост генсека, сообщил, что Горбачев уже руководил Секретариатом ЦК и в отсутствие Черненко также и заседаниями Политбюро. Таким образом фактическая власть над высшими органами партии была в руках Горбачева.

После смерти Андропова андроповцы во главе с Горбачевым, по всей вероятности, заключили компромисс о разделе наследства Андропова — брежневек Черненко становился генсеком, а андроповец Горбачев его "кронпринцем" или "вторым генсеком", как его называл редактор "Правды" Афанасьев. За Черненко стоял партаппарат, а за Горбачевым КГБ. Заодно андроповцы получили и решающий, ключевой пост в ЦК — пост секретаря ЦК по высшим партийным и государственным кадрам. Им был назначен Лигачев вместо Капитонова, а новый шеф КГБ при Андропове, Чебриков, был введен в состав кандидатов в члены Политбюро. Андропов и Горбачев в остальном мало преуспели в замене

кадров Брежнева-Черненко — в областях было заменено около 20 % первых секретарей, а в самом аппарате ЦК не более одной трети руководящих работников. Пленум ЦК остался почти стопроцентно брежневским, а он назначается только съездом партии. Зато в составе Политбюро произошли перемещения в пользу андроповцев, когда из него выбыли Брежнев, Суслов, Кириленко, Пельше и вошли в него Алиев, Воротников и Соломенцев. Смерть Андропова была для андроповцев большим ударом, но с ним вместе не умер КГБ. Смерть Устинова тоже была чувствительным ударом, но тут решили, что лучше вывести армию из игры, потому что с армией дело может кончиться плохо, как показала история — сначала с маршалом Жуковым при Хрущеве, а потом с маршалом Огарковым при Черненко. Внешне это сказалось в двух символических решениях — министром обороны СССР назначили не партийного надзирателя из ЦК, а профессионального военного без политической амбиции, и на похоронах Черненко маршалов вовсе не допустили стоять на мавзолее Ленина рядом с членами Политбюро и Секретариата, как это бывало раньше. Новый генсек точно знал, что советский "маршалитет" смирится с этой пощечиной, видя, что его поддерживают КГБ и жандармские войска. Наблюдатель не может отделаться от мысли, что в самом Политбюро тоже не было единогласия, когда выдвинули Горбачева на пост генсека, ибо выдвинули Горбачева в отсутствие двух явных брежневцев — Щербицкого, находившегося в Америке, куда он, вероятно, был отправлен намеренно, и Кунаева, который находился у себя в Алма-Ате. Таким образом, в выборах участвовали из десяти членов Политбюро только восемь

человек, из которых пять по всем догадкам и признакам принадлежали к группе андроповцев. Этим самым была предупреждена опасная ничья внутри Политбюро, после чего вопрос о новом генсеке пришлось бы решать непосредственно на пленуме ЦК при двух возможных кандидатурах двух соперничающих групп. Тогда сторонники Горбачева не имели бы никаких шансов. Ведь старики, члены пленума, хорошо знают, что Горбачев с его программой "преемственности" (конечно, преемственности не с политикой Брежнева-Черненко — "беречь кадры", а с политикой Андропова-Горбачева — чистить кадры) собирается исключить их из ЦК на предстоящем XXVII съезде партии. Кандидатом брежневцев в генсеки мог быть, скажем, Гришин, которого особенно выпячивали в дни болезни Черненко.

В свете всего сказанного ясно, почему андроповцы спешили с объявлением Горбачева генсеком и созвали для этого не весь состав пленума ЦК, а его избранных членов, главным образом из Москвы и ближайших областей. Режиссеры этого "демократического" спектакля знали из опыта, что если такому "фильтрированному" пленуму ЦК будет предложено утвердить генсеком человека, которого "единодушно" рекомендует Политбюро, то мало вероятно, чтобы его отверг такой пленум. Тем не менее режиссеры не совсем были уверены в своем успехе. Поэтому на Громыко, как на "дипломата", возложили миссию растолковать пленуму, почему надо избрать генсеком именно Горбачева. Его аргументы с головой выдают режиссеров, которые боялись, как бы не сорвался этот спектакль. На этих аргументах стоит остановиться.

Рекомендательную речь Громыко почему-то не решились опубликовать в "Правде", как это делалось во время избрания предыдущих генсеков. То ли потому, что в изображении Громыко из Горбачева получился этакий большевистский вундеркинд, то ли посчитали за лучшее не раздражать слабые нервы стариков, или, что было бы еще опаснее, чтобы не пришли в ярость более заслуженные партаппаратчики — члены ЦК, столь ловко обойденные Горбачевым, в их глазах выскочкой. Как бы там ни было, речь Громыко опубликовали не в "Правде", а в журнале "Коммунист" (№ 5, 1985 г.). "По поручению Политбюро", он предложил пленуму ЦК избрать Горбачева генсеком. Почему именно его, а не другого? Громыко указал на личные качества Горбачева, которых, очевидно, нет у его конкурентов. По мнению Громыко, Горбачев блестящий деятель с талантами, которыми не каждый наделен. Горбачев человек твердых убеждений, который всегда находит решения, отвечающие линии партии, и при этом держит "порох сухим". Громыко заверил и военных, что оборонительная мощь СССР при Горбачеве будет находиться на должной высоте. Что же касается внешней политики, то у Горбачева дар быстро схватывать суть проблемы. Громыко пояснил, что по долгу службы ему это яснее, чем некоторым другим товарищам. Громыко решил предупредить противников Горбачева в партии и ЦК, сказав, что тот, кого прямота и откровенность Горбачева приводят в плохое настроение, — не настоящий коммунист. Однако главный аргумент в пользу избрания Горбачева, которым Громыко невольно приоткрыл внутрипартийный занавес — это его призыв к присутствующим единодушно поддержать кандидатуру Горбачева, чтобы не доставить и на этот

раз удовольствия врагам на Западе, которые пишут о разногласиях в Кремле. Но если разногласий в Кремле нет, если не происходит борьбы за власть, если и на самом деле царит полное "единодушие", то незачем призывать пленум ЦК к "единодушию", да еще дважды повторять этот призыв, как это делает Громыко. Три вывода напрашиваются из анализа речи Громыко: 1. Решения как Политбюро, так и "фильтрованного" пленума ЦК, по всей вероятности, не были единогласными; 2. На верхах партии существуют "не настоящие коммунисты", недовольные кадровой политикой Горбачева; 3. Армия сначала скептически отнеслась к выдвижению Горбачева на пост генсека, но потом, видно, поддержала его. Вне всякого сомнения — Горбачева привели к власти две силы. Одна, гласная сила — это манипулированное большинство Политбюро; другая, закулисная сила — это андроповский КГБ и его войска.

Макиавелли предупреждал, что у того из незнатных людей, кто при счастливом стечении обстоятельств стал властителем, бывает "мало трудностей в возвышении, но чрезвычайно много в сохранении власти".

Горбачев был среди своих соперников наименее "знатным". "Счастливое стечение обстоятельств" в его карьере тоже очевидно. Поэтому возможные личные трудности в сочетании с трудностями самой трудноуправляемой сейчас системы делают перспективы Горбачева неопределенными. При малейшей личной оплошности его съедят соперники, при провале его похода против больной системы его съест сама система. В этих условиях он может сохранить свой трон либо подчинив систему своей личной власти, как это сделал Сталин, либо сам подчинившись ей, как поступил Брежнев.

Глава 2. Горбачев — представитель четвертого поколения большевизма

Западное понимание большевизма и политико-психологического мира его лидеров всегда было слишком наивным и оптимистическим, чтобы оно могло соответствовать реальности. Ленина называли "кремлевским мечтателем", Сталина — "национал-большевиком", Хрущева — "реформистом", Брежнева — "миротворцем", Андропова — "либералом". Трагедия непонимания заключается еще вот в чем: действующие программные документы партии, объявляющие ее конечной целью уничтожение демократии и учреждение коммунизма во всем мире, признают всего лишь дешевой пропагандой, да еще западная либеральная публицистика сочиняет каждому очередному советскому вождю такой образ мышления, который вполне отвечает фантастическому желанию Запада видеть, наконец, на троне генсека не большевика, а либерала, который осчастливит свою страну реформами, а внешний мир отказом от коммунистической глобальной экспансии. Таким Запад хочет видеть и Горбачева.

Назначение Михаила Сергеевича Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС в действительности символизирует не смену идеологии, а смену поколения на вершине власти. Одни старики уходят просто в силу законов природы, других, по всей

вероятности, уберут. Похоже, что в наиболее трезвых кругах партии и государства, не говоря уже о народе, давно тревожила ненормальность создавшегося положения, ибо в последние годы Брежнева, как и в годы генсекства Андропова и Черненко, великая держава управлялась политически недееспособной коллегией стариков и тяжело больными генсеками. Ведь не только Политбюро, но и Совет министров состоит сплошь из стариков — самому председателю 80 лет, его министрам за 70 лет, одному даже 86 лет (министр среднего машиностроения, занятый атомным вооружением), половина пленума ЦК КПСС состоит из людей старше 65 лет. Первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик от 60 до 70 лет. Советский генералитет давно перешагнул пенсионный возраст военных на Западе. Верхние этажи хозяйственного, планового и административного аппарата тоже заселены стариками. Если бы даже не было системно-структурных причин, достаточно этой невозможной в демократических странах картины дряхлости руководящих кадров, чтобы понять, почему советская государственная машина работает на холостом ходу. И все это в условиях, когда в промышленности — стагнация, в сельском хозяйстве — перманентный кризис, а производительность труда хваленной социалистической системы куда ниже западной капиталистической. Если назначение Горбачева означает начало смены стариков молодыми, энергичными, инициативными людьми во всей пирамиде власти, то тогда это назначение надо признать событием историческим. Поскольку вершиной пирамиды власти является сам пленум Центрального Комитета, то Горбачеву представляется счастливый случай обновить его на предстоящем XXVII съезде КПСС.

С приходом к власти Горбачева как народы СССР, так и внешний западный мир связывают серьезные надежды на будущие перемены. Народы СССР ждут от него улучшения условий жизни, западные народы радикальной, на этот раз двусторонней, разрядки напряженности отношений между Востоком и Западом. Откуда такие надежды и насколько они реальны? Внешние причины для этого очевидны: Горбачев не причастен к преступлениям сталинской власти. Когда тиран умирал, он был студентом; он крестьянский сын, который не может не знать, что Россия начала голодать, когда исчезли свободные крестьяне и появились принудительные колхозы; он первый образованный партократ на посту генсека, который может ясно видеть функциональную связь между методами хозяйствования и производительностью труда в обществе, значит в нем предполагают будущего реформатора. Западные наблюдатели связывают свои надежды с интеллигентной, самоуверенной и суверенной личностью нового генсека. Этот аргумент, если он соответствует действительности, может обернуться как раз против западных интересов. Расшифруем сказанное.

Действительно, в лице Горбачева мы имеем дело не только с новым поколением, но и с классическим представителем новой советской аристократии, названной Джиласом "новым классом". Новый партийный аристократ — безразлично: партаппаратчик, госаппаратчик, хозаппаратчик, дипломат, даже чекист — внешне полнейший антипод большевикам периода революции, руководителям партии и Советской власти двадцатых годов. Этот старый тип ныне гуляет в СССР лишь в художественной литературе тех времен — в кожанке, в рубашке без

галстука или хаки, в замызганной кепке, солдатских сапогах, с револьвером на боку и полевой сумкой за плечом. Этот тип был груб и в обращении намеренно злоупотреблял матом, чтобы подчеркнуть, что он из тех пролетариев, кто сделал революцию и в силу этого "командует парадом", названным Лениным "диктатурой пролетариата". Потомственному дворянину и интеллигенту Ульянову-Ленину эстетически и эмоционально этот тип претил и был ему чужд, но Ленину-стратегу "пролетарской революции" он не только был нужен, но он собственно и открыл его в своей знаменитой доктрине об "организации профессиональных революционеров". С революционными идеалами в душе, самоотверженностью в действиях, политическим сумбуром в голове, "профессиональные революционеры" нужны и полезны были только для целей разрушительных. Они были бесполезны и даже вредны для целей созидательных, ибо они, поверив Ленину, решили, что новое государство, созданное в результате "пролетарской революции", будет государством "пролетарской демократии", а не диктатурой партийной олигархии. Отсюда — уже при Ленине появились две оппозиции в партии, в 1920 году оппозиция "децистов", которая вместо единоначалия отдельных лиц требовала "коллективного управления", в 1921 году "рабочая оппозиция", которая вместо диктатуры партаппаратчиков требовала осуществить именно "диктатуру пролетариата". Сталин, назначенный Лениным генсеком по следам этих дискуссий с оппозициями, доказал на деле, что значит большевистская диктатура и почему она нужна. Он совершил, руководствуясь если не буквой, то духом ленинизма, два подвига: первый подвиг — Сталин начисто

уничтожил не только старые враждебные классы, сопротивлявшиеся революции, но и старую партию большевиков, руководившую самой "пролетарской революцией". Второй подвиг был эпохального значения — Сталин создал новоклассовое общество со своими новыми идеалами, новой ментальностью, новым мышлением, новыми вкусами, новым стилем. В этом новоклассовом общественном строе и родился его господствующий класс — сталинская партократия, "ведущая и направляющая сила" советского новоклассового общества и его супербюрократического государства. Поскольку партия в лице этого государства является единственным работодателем, а значит и хлебодателем в гигантской стране, то она располагает неограниченным резервуаром оппортунистов, стучащих в ее двери, но пускает она через эти двери людей двух категорий: статистов из народа, чтобы демонстрировать свое "народное происхождение", и политически стерилизованную, образованную элиту общества, которая собственно и становится дальше господином положения. К этой элите принадлежал и Горбачев, который за год до смерти Сталина вступил в партию. Он принадлежит к четвертому поколению большевиков — после первого, ленинского поколения (дооктябрьские большевики), после второго, сталинского поколения (послеоктябрьские большевики), после третьего, брежневского поколения (поколение, выдвинувшееся на "великой чистке").

Идущее теперь к власти четвертое поколение начало свою карьеру в безмятежную для него эпоху Брежнева. Однако важно то, что роднит четвертое поколение со всеми предыдущими поколениями, — это их двуединая догма: во

внешней политике — вера в торжество мирового коммунизма, а во внутренней — решимость оберегать, расширять и углублять абсолютную власть партократии. Эта догма лежала в основе советской политики последовательно и целеустремленно во все периоды истории советского государства от Ленина до наших дней. Она же является движущей силой и путеводителем для правления Горбачева.

Мы уже указывали, что процедура избрания генсеком Горбачева была та же, что и при избрании Андропова. Пленум открыл сам Горбачев и тут же предоставил слово Громыко. После его краткой речи с выдвижением на пост генсека Горбачева никаких прений не было, если были, то их не сообщили партии и народу. Тут же председательствующий, то есть сам Горбачев, поставил предложение Громыко о своем избрании на голосование. Не исключена возможность, что это голосование было открытым, а не тайным, как этого требует устав. Таким образом, "единодушно" избранный Горбачев выступил с "тронной речью", в которой изложил программу своего правления. Каковы же основные пункты этой программы? Горбачев умудрился в короткой речи в тезисной форме повторить набившие всем оскомину партийные трафареты всех трех своих предшественников. Ведь у всех у них была одна и та же перманентная проблема: экономика работает плохо, производительность труда низка, дисциплина — катастрофическая. Один и тот же был и рецепт: чтобы экономика работала эффективно, надо форсировать техническую революцию и усовершенствовать хозяйственный механизм. Об

этом говорилось и говорится во всех докладах и речах генсеков, во всех постановлениях ЦК и решениях съездов партии вот уже 20 лет, "а воз и ныне там". Вот приходит новый генсек, повторяет то же самое: "Нам предстоит добиться *решающего поворота* в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития! Мы должны, обязаны в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на *высший мировой уровень* производительности общественного труда. Чтобы успешнее и быстрее решить эту задачу, необходимо и далее настойчиво *совершенствовать хозяйственный механизм*". ("Правда", 12.03.1985).

Чтобы сделать "решающий поворот" и выйти "на высший мировой уровень производительности", новый генсек должен был бы задать себе все-таки вопрос: в чем причины болезни советской экономической и социальной системы? В партийной печати принято признаваться: "да, у нас хромают отдельные отрасли экономики". Ведь это же неправда, не отдельные отрасли, а вся экономика хромает, и не просто хромает, а давно уже ходит на костылях. Однако нельзя браться за лечение какой-либо болезни, если не поставлен верный диагноз. Это одинаково относится ко всем экономическим системам, независимо от их социальной природы. Поскольку Горбачев, как и его предшественники, находят основную болезнь не в социально-структурной системе, а в ее бюрократическом несовершенстве, то и рецепт ее лечения не только фальшивый, но даже абсурдный. В самом деле, почитайте, что он предлагает: "неуклонно осуществлять плановое развитие экономики и расширять права, повышать самостоятельность предприятий". Ведь одно противоречит другому:

пока существует централизованное планирование, никогда не быть предприятиям инициативными и самостоятельными. Это доказала печальная судьба реформ Косыгина 1965 г. Это же доказывают нынешние так называемые "экономические эксперименты", предпринятые еще по инициативе Андропова. Ведь на Западе в три-четыре раза выше эффективность экономики, техники и технологии по одной единственной причине — у них нет централизованного планирования, а человек — директор ли он или рядовой рабочий — заинтересован в результативности своего труда.

Нам, конечно, понятна святость госплана для Горбачева — ведь госплан ведущая экономическая догма. Покушаться на него — это антипартийное святотатство. Однако, Горбачев, как и его предшественники, ошибается, если всерьез думает, что можно поднять эффективность советской социально-экономической системы таким путем, чтобы она сохранила в неприкосновенности свою догматическую девственность и при этом рожала ему дородных детей. Так не бывает ни в природе, ни в обществе. Игнорируя основную системно-структурную болезнь, Горбачев, как Андропов, хочет оздоровить систему лечением ее побочных болезней. Недисциплинированность рабочих и служащих, безответственность руководителей, "очковтирательство" и "приписки" чиновников, "присвоение" и "расхищение" социалистической собственности как чиновниками, так и рядовыми гражданами, наконец, скандально низкая производительность труда, — ведь все они побочные болезни специфически советской системы хозяйствования. Они сами по себе исчезнут, если Горбачев осмелится на хирургическую операцию системы путем радикальных реформ. Пока что Горбачев собирается

оздоровить систему по-андроповски — лечением ее побочных болезней. Он требует "повышения трудовой и социальной активности советских людей, укрепления дисциплины", но, хорошо зная цену таким партийным заклинаниям, переходит к угрозам: "При этом будут и впредь приниматься решительные меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений". В этой связи Горбачев говорил и о необходимости "расширять гласность", то есть расширять то, чего нет и не может быть при монопартийной системе. Вот это место в его речи: "Мы и дальше обязаны расширять гласность в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций... Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют...". Информационная служба — это монополия партаппарата. Единственное новшество здесь — это введенное Андроповым еженедельное сообщение на первой странице "Правды" под названием "В Политбюро ЦК КПСС" о его очередных заседаниях. Читатель оттуда получает столько же информации, сколько ее содержится в ежедневных передовицах "Правды", то есть ноль.

Самое замечательное место в речи нового генсека — это его признание, что он будет продолжать политику своего бывшего покровителя и наставника: "Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, на последующих пленумах ЦК при деятельном участии Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко была и остается неизменной". ("Правда", 13.03.1985).

Поскольку Горбачев исключил из этой "стратегической линии" того, кто ее докладывал на XXVI съезде — Брежнева, а Черненко упомянул

из-за повода, по которому собрался пленум, то ясно, что программа Горбачева — это продолжение программы Андропова — бескровная чистка партийного, государственного и хозяйственного аппарата, под шифром "ответственность кадров". Однако Горбачев знает, какие подводные рифы его ожидают впереди, насколько непрочное его положение, как опасно объявить войну всем сразу. Поэтому он заговорил о необходимости "единства мыслей и дел коммунистов". В заключительной части речи он обратился, по-видимому, не только к тем, кто его выбрал, но также и к тем, кто голосовал против него. Он сказал: "В предстоящей работе рассчитываю на поддержку и активную помощь членов Политбюро и секретарей ЦК, Центрального комитета в целом. Ваш многогранный опыт — сгусток исторического опыта нашего народа". Во внешнеполитической части идеалом Горбачева является разрядка 70-х годов, чтобы, прикрываясь ею, продолжать экспансию советской политики в страны Азии, Африки и Латинской Америки. Он сказал: "КПСС — партия интернациональная по своей природе. Наши единомышленники за рубежом могут быть уверены, что партия Ленина... как всегда, будет тесно сотрудничать с братскими коммунистическими рабочими, революционно-демократическими партиями, выступать за единство и активное взаимодействие всех революционных сил". Горбачев добавил, что "для повышения роли и влияния социализма в мировых делах" СССР хочет "серьезного улучшения отношений с Китайской народной республикой".

Ровно через два месяца после избрания нового генсека вышли отредактированные им и одобренные Политбюро "Призывы ЦК КПСС к 1 мая

1985 г.". В этих "призывах", публикуемых ежегодно, Кремль обычно выставляет приоритеты своей международной и внутренней политики на текущий период. "Призывов" всего 60, из них 20 посвящено исключительно активизации мировой революционной стратегии советского коммунизма на всех континентах.

Кто хочет узнать, какая будет внешняя политика нового руководства, тому незачем копать в секретных информациях разведок или в гаданиях и политических гороскопах кремленологов, он должен просто внимательнее читать эти "призывы", ибо у кремлевских лидеров, в отличие от западных политиков, слово никогда не расходится с делом, если это касается их мировой стратегической цели. Обратите внимание хотя бы на адресатов, к кому эти "призывы" обращены. Вот некоторые из них:

1. "Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

2. "Пусть крепнут единство и сплоченность коммунистов всего мира!"

3. "Братский привет рабочему классу капиталистических стран".

4. "Народы мира! Решительнее боритесь против империалистической политики агрессии и насилия...!"

5. "Братский привет народам Африки, борющимся против империализма..."

6. "Братский привет народам Латинской Америки, борющимся против империализма..."

7. "Народы европейских стран! Усиливайте борьбу против превращения Западной Европы в ракетно-ядерный плацдарм американского империализма!"

8. "Народы азиатских стран! Боритесь против империализма..."

9. "Народы мира! Решительно выступайте против агрессивных происков империализма, милитаризма и реваншизма!" ("Правда", 13.04.1985).

Разумеется, везде под термином "империализм" в первую очередь имеется в виду Америка. Все континенты, все народы мира призываются бороться против Америки. Характерно для "призывов" нового генсека и другое: в этих двадцати "призывах", посвященных внешней политике СССР, ни разу не высказано желание улучшить отношения с Западом. Представьте себе на одну минуту, какой вой поднял бы Кремль, если бы Белый Дом обратился с подобными "призывами" к народам советской империи бороться против советского империализма и его подрывной работы и агрессии в других странах. В свою историческую миссию создать "мировую советскую республику" (Ленин), вопреки всем сказкам о "деидеологизации" советской системы, лидеры Кремля свято верят, что они доказали в прошлом и ежедневно доказывают сегодня. Есть, правда, один компонент марксизма-ленинизма, который не выдержал исторического испытания в самом СССР, когда от красивой теории перешли к практике, — это создание коммунистического общежития с его фантастическими принципами: "каждый работает по способности, каждый получает по потребности". Такой коммунизм пока что удалось построить только в самом Кремле и его филиалах в провинции. Это не вполне устраивает господствующий класс. Из банкротства сталинской идеи, что коммунизм может быть построен в одной отдельно взятой стране, лидеры Кремля сделали ленинский вывод: путь к окончательной победе коммунизма в СССР лежит через тотальную победу коммунистов во всем мире.

Глава 3. Внутриполитические приоритеты Горбачева

Главная внутриполитическая миссия Горбачева — это вывести систему из кризиса. Есть ли у него данные для этого? Времени у него есть примерно столько же, сколько было у Брежнева, когда тот шел к власти, но наделен ли он личными качествами, необходимыми для этой воистину исторической миссии? На этот вопрос сейчас никто не может ответить. Даже внимательное изучение его речей и докладов (за три месяца он уже наговорил на целый том его будущих "сочинений") не дает ключа к раскрытию его истинного внутреннего "я". Если он и всерьез верит всему тому, что говорит, то это доказывает, что устами Горбачева все еще говорит провинциальный партократ, вдруг очутившийся в кресле генсека. В докладе к сороковой годовщине окончания Второй мировой войны Горбачев сразу положил конец всем гаданиям о своем "либерализме" и "реформаторстве", а победу в войне приписал не русскому патриотизму, а коммунистической системе: "Истоки победы — в природе социализма...". "Это была победа нашей идеологии". Даже больше: "В войне выдержала проверку на прочность социалистическая система сельского хозяйства, *колхозный строй*". ("Правда", 9.05.1985). Осуществила победу не советская армия, как это было на

деле, а "партия, ее ЦК, Государственный Комитет Обороны во главе с генеральным секретарем И.В.Сталиным", за что Горбачев получил "продолжительные аплодисменты". Горбачеву невдомек, почему тот же Сталин во время войны никогда не апеллировал к основоположникам советской идеологии — Марксу и Энгельсу, а апеллировал к основоположникам русского государства — князьям Невскому и Донскому.

Горбачев очень вольно обращается не только с историей Второй мировой войны, но и с текущей политикой. Оказывается, Америка "ведет необъявленную войну в Афганистане" ("Правда", 9.07.1985), не имея там ни одного американского солдата, а не советская оккупационная армия в 130000 солдат, из которых за эти пять лет убито около 15000.

Горбачеву не чужда также и фантазия. Вообще говоря, творческая фантазия — необходимое качество не только для представителей искусства, но и для государственных деятелей. Научно обоснованная программа президента Кеннеди послать астронавтов на Луну и вернуть их оттуда обратно на Землю казалась в то время дерзкой фантазией молодого политика, а ведь она была гениально осуществлена. Фантазия Горбачева чисто земная и более скромная, но не менее дерзкая применительно к сегодняшней советской действительности — Горбачев, еще будучи "кронпринцем", уверил советских граждан, что то, что не удалось предыдущим генсекам почти за 70 лет, удастся ему за каких-нибудь 15 лет: Советский Союз, сказал он, вступит в "новое тысячелетие процветающей державой". ("Правда", 11.12.1984). При помощи каких чудотворных средств? Он их перечислил в следующем порядке:

"многократно повысить производительность труда", "осуществить глубокие преобразования в экономике", "создать более совершенный хозяйственный механизм", "существенно ускорить научно-технический прогресс", "добиться решительного сдвига в интенсификации общественного производства". Однако мы хорошо знаем, что на эту же тему, перечисляя те же самые средства, уже Брежнев наговорил целых девять томов речей и докладов, а четыре его съезда дали партии столько же томов речей и постановлений, и все это безрезультатно. Провал Брежнева Горбачев по-видимому склонен объяснять его беззаботностью насчет необходимой преемственности практики и традиции сталинской эпохи. Поэтому Горбачев предлагает организовать всеобщее движение в стране, придавая ему "подлинно всенародный характер, такое же политическое звучание, какое имела в свое время индустриализация страны". ("Правда", там же). Отсюда и новые попытки горбачевского руководства гальванизировать сталинскую потогонную систему труда времен тридцатых годов, известную под названием "стахановское движение". "Стахановское движение, сыгравшее выдающуюся роль в годы первых пятилеток, продолжается и ныне", — пишет "Правда". (19.05.1985).

Советские бурбоны, которые ничего не забыли и ничему не научились, начали повторять в своей повседневной пропаганде, казалось, давно забытые изречения Сталина, не называя его по имени — "режим экономии", "труд — дело чести и доблести", "скромность украшает коммуниста", "культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию", "техника решает все", "кадры решают все", "советские

границы — священны”, плюс бесконечное самохвальство, введенное Сталиным: ”великий советский народ”, ”наша несокрушимая советская армия”, ”наши славные чекисты”...

Говоря о задачах будущего, Горбачев упорно смотрит назад, забывая изречение почитаемого марксистами Гераклита — все течет, все меняется. И что в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Да и Сталин учил свою партию: ”Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад”. Все, что до сих пор ново в политике Горбачева, касается не содержания, а стиля. Человеку, который возвестил в западной прессе его приход к власти, — Афанасьеву, он запретил ежедневно цитировать себя в передовицах ”Правды” (но это, конечно, временно). Не нужно по всякому поводу и без повода ставить перед его именем ”генеральный секретарь ЦК КПСС”, как это было обязательно при Брежневе и Черненко. Лучше даже не величать его по фамилии, а называть запросто: ”Михаил Сергеевич”. Никто из его предшественников на улицах не показывался и со случайной толпой разговоров не затевал. Горбачев и здесь нарушил протокол. Он, наподобие знаменитого халифа Гарун-аль-Рашида, неожиданно делает вылазки в гущу толпы, появляется на улицах, площадях, в магазинах и на частных квартирах рядовых граждан. Что он там ищет? Он вовсе не имитирует аль-Рашида и ему чужды повадки ”рубахи-парня”, он хочет узнать из уст самого народа — чего от него ждут? И вот что он узнал: ”В конце интересной и откровенной беседы с москвичами, которая состоялась на улице около универсама, что вы пожелали бы ЦК КПСС, советскому правительству, какой наказ дадите? И вот, что я услышал: ”Михаил

Сергеевич, надо наводить в стране порядок". ("Правда", 6.05.1985). Но вот в чем беда: все это театр самого дешевого пошиба. Чтобы узнать о таком "наказе", совсем не требовалось "советоваться с народом". Этот "наказ" известен Горбачеву по крайней мере со времен правления Андропова, которое целиком было посвящено "наведению порядка". Проблема не в том, что надо "навести" порядок в стране, а в другом: *как его навести?* Его можно навести либо радикальными реформами с демократическими преобразованиями, либо установлением единоличной диктатуры.

Западные экономисты основательно изучили и безошибочно установили фундаментальные пороки советской экономической системы, приведшие ее как раз в эпоху научно-технической революции в тупик, зато западные политологи не заметили, что сама советская политическая система в тупике с тех пор, как умер Сталин. Те из них, которые специализируются по советским делам, посвятили себя изучению личностей, а не системы, изучению соревнования групп в борьбе за власть, а не анализу взаимоотношений и действия ведущих рычагов одной и той же единой верховной власти — парт-аппарата, политической полиции, армии. Если же они обращались к самой политической системе, то тратили невероятные усилия на изучение такой чистейшей советской пропагандной макулатуры, как "Конституция СССР". Между тем, после Сталина и позднего Хрущева все генсеки — слуги, а не господа верховной власти, которые одинаково служат каждому из названных рычагов. И вот я утверждаю, как бы это парадоксально ни звучало: советская диктатура страдает отсутствием советского диктатора. Путь к реформам лежит

через выдвижение хозяйственного диктатора СССР с неограниченной властью.

В Советском Союзе после Сталина и Хрущева вместо единоличной диктатуры генсека установилась диктатура олигархическая в лице членов Политбюро и Секретариата ЦК, за которыми и стоят указанные рычаги верховной власти. Олигархия назвала себя "коллективным руководством", чтобы ее не величали "коллективной диктатурой". При олигархической диктатуре за функционирование политической и социально-экономической системы отвечают все олигархи вместе, но на деле никто из олигархов не несет личной ответственности. Абсолютная власть, поделенная между многими и ограниченная олигархией, становится рыхлой и неспособной.

В Советском Союзе создалась пресловутая "обезличка" на самой вершине власти. Создалось противоестественное положение для режима диктатуры: олигархическая "демократия" наверху и партийно-полицейская диктатура внизу. Именно для коммунистической тоталитарной системы противопоказано такое состояние, если оно утверждается на продолжительный период. Абсолютная диктатура без абсолютного диктатора — это не только исторический анахронизм, но и политический нонсенс с тяжкими последствиями для самой же политической системы. Режим Брежнева дал нам классический пример того, как такая система начинает загнивать на корню. В этом отношении режим Сталина был идеальным для коммунистического правления. Это не апология сталинского режима. Лучше уж гниющая система Брежнева, чем свирепствующая тирания личной власти.

Здесь речь идет о другом: вводить ли те или иные реформы в экономике страны — сейчас решает коллегия олигархов, но в случае провала отвечает не олигархия, а безвластные ведомства и еще более безвластные директора предприятий. Реформы Хрущева были скороспелые и сумбурные, но Хрущев имел гражданское мужество рисковать спокойной и безмятежной жизнью верховного вельможи, чтобы предотвратить экономический тупик. Те, кто его сверг, обвинив в "субъективизме" и "волютаризме" для очистки своей нечистой совести, как раз и завели советскую экономику в этот тупик. Хрущев мог начать свои реформы, потому что обезвластил олигархию, но сорвался, потому что не убрал ее с политической сцены.

Хрущев преподнес нам и другой урок — он был диктатором, но правил страной без сталинского физического террора, ни на йоту не отходя от тоталитарной субстанции режима. Вот почему я все это рассказываю: путь Хрущева был собственно "третьим путем" — между тиранией Сталина и анархией Брежнева. Если Горбачев решится встать на этот путь, то он должен будет начать его с чистки авгиевых конюшен — с чистки вокруг себя. Вот тогда только возможно радикальное обновление и омоложение всей партийно-государственной иерархии, как предварительное условие любых политических, социальных и экономических реформ в советских рамках (эта чистка началась, пока я писал данную книгу).

Любая диктатура при всех условиях — система отвратительная. Однако не всегда она играет реакционную роль. Диктатор с железной волей и с либеральной программой может сыграть

прогрессивную роль в истории. Таким был, например, Наполеон. Такими были в наше время переходные военно-политические диктаторы Испании, Португалии и Турции, которые подготовили условия превращения диктаторских режимов своих стран в демократические системы. Разумеется, я не строю себе каких-либо иллюзий, что таким "переходным" диктатором может стать Горбачев. Однако я пришел к выводу, что вывести нынешнюю советскую систему из джунглей коррупции, анархии, моральной и физической дегенерации, грозящей вырождением целой нации, может не олигархия, не "коллективный диктатор", а единоличный диктатор, пусть даже советский. Такой диктатор может оказаться способным стать экономически "вторым Лениным" — дать стране второй НЭП, как его дают сегодня китайские коммунисты своей стране. Я недавно в передовой "Правды" прочел удивительную фразу: "Много ли зависит от одного человека? Да, много, если принципиально отстаивать справедливое дело". ("Правда", 25.05.1985). Это, конечно, не улика и, может быть, сказано случайно, к тому же речь не шла о диктаторе. Однако, Ленин, у которого никогда ничего случайного не было, утверждал: "Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим". (Ленин, т. XXV, 3-е изд., стр. 119).

Пойдет ли развитие в этом направлении? Судя по тем данным, которые доступны нашему анализу, это более чем сомнительно. Ныне господствующий класс позволит Горбачеву заштопать

дыры или корректировать фасад брежневского режима, но только не дотрагиваясь до его внутренней архитектуры. Ведь речь идет не о трех десятках престарелых олигархов, а о трехмиллионной армии уютно прижившихся средних и высших бюрократов, из которых более одного миллиона принадлежат к партийному, полицейскому и военному аппарату. У них давно выработалась корпоративная солидарность — "все за одного, один за всех". Они настолько органически срослись с режимом и между собою, что по праву могут сказать о себе: "партия и правительство — это мы". Об их безразличии к будущему страны свидетельствует хищническая эксплуатация природных ресурсов и дикое загрязнение окружающей среды. Они испорчены властью и пресыщены жизнью. Их философия ясна и цинична: "после нас хоть потоп!" Даже сам Сталин капитулировал перед ними под конец жизни. Может ли, да и захочет ли Горбачев вступить в конфликт с ними. Хрущев хотел потревожить их — исчез. Брежнев учел урок и слился с ними. Поэтому восседал на троне до конца жизни. Горбачев отважится на войну с ними, если интересами "процветающей державы" дорожит больше, чем троном генсека.

Глава 4. Внешнеполитические приоритеты Горбачева

Глобальная стратегия осуществления целей коммунизма как в СССР, так и в мировом масштабе была разработана в "Программе КПСС". "Программа КПСС" исходила из доктрины Ленина: Советский Союз, во-первых, должен доказать превосходство своей социально-экономической системы на международном экономическом поприще, что не только укрепит его позиции в глазах мирового общественного мнения, но и послужит материальной базой советской глобальной экспансии, во-вторых, советское руководство должно разработать и методически осуществлять такой стратегический план "прорыва цепи мирового империализма", нанося удары по его "слабым звеньям", чтобы это практически означало большевизацию стран третьего мира, страны за страной, континента за континентом.

Советское руководство не сумело выполнить первую, внутреннюю часть этой программы, но значительно преуспело в выполнении второй, международной части, о чем свидетельствует создание более десятка "марксистско-ленинских" и около двух десятков просоветских государств в третьем мире. Причины невыполнения первой части "Программы" были системно-структурные, а вторая ее часть успешно выполняется под внушительным

давлением мощи советской военной супердержавы, которую Кремль сумел поставить на службу своей глобальной стратегии. Выяснилось, что советская экономическая система более успешна и более конкурентоспособна только в производстве оружия всех видов и типов, как раз это и производит впечатление на страны третьего мира. Вот это оружие Советский Союз и поставляет им на очень выгодных условиях.

Не без политической цели — вместе с оружием туда направляются эшелоны советских "инструкторов" и "советников", завербованных КГБ. Одновременно происходит и обратное движение офицеров армий стран третьего мира, будущих организаторов марксистско-ленинских переворотов в своих странах, в военные школы советского Генерального штаба. (Вспомните примеры Южного Йемена, Анголы, Мозамбика, Эфиопии, Афганистана и др.).

По гражданской линии той же цели служит вербовка в советские высшие школы студентов из третьего мира: они живут в привилегированных материальных условиях по сравнению с советскими студентами.

Разумеется, западные правительства не могут конкурировать в отношении такой программы обучения с Советами.

Однако при всех своих достижениях по этой части правление Брежнева страдало, с точки зрения коммунистической ортодоксии, неким "оппортунизмом на практике". Оно, с оглядкой в сторону Запада и боясь разоблачить скрытый замысел "разрядки", недостаточно форсировало большевизацию третьего мира. Правление Андропова выставило "сигнальные флажки" для преодоления

брежневского оппортунизма и активизации политики революционной экспансии. Однако его правление оказалось кратковременным и он ничего не успел сделать. Эти задачи легли теперь на плечи Горбачева.

Простодушные пацифисты думают, что советские коммунисты — принципиальные противники войн. Это глубокое заблуждение, искусно лелеемое пропагандистами Кремля. Комментируя учение Ленина о войнах, Сталин писал: "Большевики не были против всякой войны... Большевики считали, что война бывает двух родов: а) война *справедливая*... б) война *несправедливая*... Войну первого рода большевики поддерживали". ("История ВКПб. Краткий курс". Москва, 1954, стр. 161).

Основные тезисы учения Ленина о причинах и следствиях международных войн гласят: 1. Международные войны суть естественные спутники мирового империализма, и пока этот империализм не будет уничтожен, войны фатально неизбежны. 2. Любая международная война кончается победой пролетарской революции в странах, которые ее вели. 3. Продолжительное существование рядом двух систем — капиталистической и социалистической — исключено и смертельная схватка между ними неизбежна.

Первые два тезиса Ленин сформулировал еще до 1917 г., в начале Первой мировой войны, и они оказались пророческими, второй тезис был им сформулирован уже после прихода к власти. Тезисы Ленина подверглись ревизии Хрущева на XX съезде партии (1956), который заявил, что "фатальной неизбежности войн" нет и "мирное сосуществование" между Западом и Востоком возможно и необходимо. Тогда, открыто еще не высказанная,

мысль Хрущева сводилась к тому, что войны в атомный век ведут не к "пролетарским революциям", а к гибели всего человечества. Но с тех пор утекло много воды, а сам Хрущев, как известно, оказался "субъективистом", "волюнтаристом" и "путаником". Послехрущевские генсеки реабилитировали Ленина, делая ударение на ленинско-сталинском тезисе о войнах двух родов: бывают войны "несправедливые", которые надо отвергать, но бывают войны "справедливые", которые надо поддерживать. Первые войны ведут империалисты, вторые — коммунисты. Такая ленинская "философия войны", хотя и очень популярная в его партии и посегодня, смахивает на готтентотскую мораль: "если у меня украли корову — это плохо, но если я украд корову — это хорошо".

Сам по себе факт, как кремлевские вожди жонглируют "вечно живым Лениным" или манипулируют его публицистикой, не имел бы никакого значения, если бы за каждой такой манипуляцией не стоял определенный стратегический замысел: либо нацелить партию и народ на новую агрессию, либо ввести в заблуждение эвентуального противника. Однако "реабилитацию Ленина" в вопросах войны надо признать зловещим фактом, могущим иметь чудовищные последствия в военно-политической стратегии Кремля. Ныне Кремль признает третью мировую войну между Западом и Востоком не только возможной, но даже вероятной. Уже начиная с Андропова, Кремль обрабатывает свое общественное мнение в направлении этой роковой гипотезы. Центральным пунктом своей "второй холодной войны" он сделал утверждение: как нацизм развязал Вторую мировую войну, так

сейчас "американский империализм" готовит третью мировую войну. Эта вызывающая параллель между гитлеровской Германией и демократической Америкой как раз и проведена Горбачевым в его докладе по поводу сорокалетия окончания прошлой войны, где он подчеркнул, что "на первых рубежах военной угрозы находится американский империализм". ("Правда", 9.05.1985).

Вывод напрашивается сам собой: надо предупредить эту угрозу. Но как? Тут выбор ограниченный: либо дипломатическими путями, заключением договора о разоружении, либо "продолжением политики другими средствами", то есть уничтожающим превентивным ударом по "первым рубежам военной угрозы". На какой из этих путей встанет Кремль, могут знать только сами советские лидеры. Всем остальным, т.е. ни народам СССР, ни народам Запада, это знать не дано. В этом ведь и вся трагедия. Если политика и стратегия Америки предсказуема, ибо их открыто провозглашают президент и Конгресс, а средства информации столь же открыто о них дискутируют, то из советских газет и очередного коммюнике Политбюро мы узнаем только то, что решено "наладить производство мыла и гвоздей, а также одобрена речь Громыко в ООН".

В Америке только Конгресс может объявить войну, а советский лже-парламент узнал о вторжении советских войск в Афганистан из иностранных радиопередач (вот почему, кроме всего прочего, надо глушить эти радиопередачи).

Вернемся к теме. Каждая большая война задолго до ее начала готовится не только материально, но и психологически. Даже тоталитарные режимы, как советский, должны считаться с умонастроением в

своем народе. "Промывание мозгов" в определенном направлении, при перманентном повторении одних и тех же пропагандных трафаретов, — это искусство, которым превосходно владеют партийные идеологи. Но этим они невольно дают нам в руки ключ к раскрытию сокровенных замыслов их психологической лаборатории. В советской печати, в передачах радио и телевидения в связи с подготовкой к празднованию сорокалетия окончания войны преобладали не мотивы мира, а мотивы войны, не траур по жертвам войны, а пафос героизма победителей. "Мы все можем, нам все нипочем" — "мы все герои!" Даже выпустили указ Верховного Совета наградить медалью за героизм каждого участника войны, который еще жив. По советским данным, со времени окончания войны вышло сорок тысяч книг, посвященных военному героизму советского народа. Вот этот "культ героизма" в войне тоже есть один из целенаправленных методов "промывания мозгов" советских людей к будущей "справедливой войне".

Поставим вопрос совершенно конкретно: может ли Советский Союз отважиться первым начать третью мировую войну? До сих пор я держался той точки зрения, что в "Кремле сидят не самоубийцы", что нашло свое отражение и в некоторых анализах данной книги, но документы, связанные с празднованием в СССР сорокалетия окончания войны, и особенно агрессивный дух советской политики против американской подготовки к стратегической обороне в космосе, поколебали это мое мнение. У учителя КПСС, Сталина, была манера собственные преступные замыслы, которые он в тайне вынашивал, приписывать своему противнику. Не разглагольствуют ли в Кремле наследники

Сталина, что Америка готовит "первый атомный удар", чтобы отвести подозрения от своей подготовки к такому удару, в надежде, что СССР выиграет даже атомную войну? Как же иначе интерпретировать в этом отношении следующее заявление Горбачева на встрече с ветеранами войны в ЦК КПСС, состоявшейся 5 мая 1985 года: "Мы не хотели бы, чтобы предавались забвению уроки минувшей войны, беспамятство в политике крайне опасно. Важнейший из этих уроков состоит в том, что *никому не под силу одолеть первое в мире государство рабочих и крестьян. Это было доказано в мае 1945 г. Тем более это верно сейчас*". ("Правда", 6.05.1985). Это заявление настолько ясно и категорично, что не допускает разных толкований: Советский Союз убежден, что он после любой войны — обычной или атомной — не только уцелеет, но даже выйдет победителем. "Атомная война грозит гибелью всему человечеству", тезис, к которому прибегали все его предшественники, кроме Сталина (Сталин уверен был, как и Мао, что даже в атомной войне СССР и Китай выйдут победителями и во всем мире окончательно восторжествует коммунизм), начисто отсутствует в речах и докладе Горбачева к сорокалетию победы над Германией. Невольно задаешь себе вопрос: может быть, с приходом к власти Горбачева, новое поколение советских лидеров по-новому ставит и вопросы военно-политической стратегии: дополнить реабилитацию учения Ленина о неизбежности войн в эпоху империализма реабилитацией стратегического принципа Сталина, согласно которому атомная война приведет к победе коммунизма во всем мире, даже отрицая это на словах. Такая стратегия собственно и предполагала, что Советский Союз

будет со временем способен нанести первые уничтожающие атомные удары по Америке и Европе, а они будут не в состоянии их парировать. Но вот — осуществившись инициатива стратегической обороны президента Рейгана, пришлось бы отказаться от таких планов, если они действительно существуют. В свете новых фактов следует еще раз остановиться на этой проблеме.

Стало ясно, что если американцам удастся организовать производство нового оружия стратегической обороны в космосе, то этим самым сведутся на нет и другие расчеты советской военно-политической стратегии: продолжать держать внешний мир под атомной угрозой Кремля, даже рискуя развязать атомную войну. Успехи советской политики революционной экспансии в странах третьего мира ведь объясняются в решающей степени не соблазнами советской идеологии, а тем, что СССР — атомная супердержава. Разлагающая работа Кремля среди союзников Америки в Европе тоже удастся в значительной мере из-за страха европейских стран перед тем же советским атомным оружием. Советское атомное оружие — это не только страшное средство ведения возможной войны, но и вернейший инструмент перманентной психологической войны коммунизма против стран свободного мира. Но вот если "инициатива стратегической обороны" в космосе приведет к созданию сети антиракет, то, по мнению специалистов, как минимум 95 % советских стратегических ракет не достигнут своей цели — они будут уничтожены еще в космосе. Причем эти антиракеты не имеют атомных боеголовок, они представляют собой обычное оборонительное оружие для уничтожения атомных ракет, летящих в сторону Америки и

Европы. Казалось бы, чего же тут бояться, если Советский Союз действительно не собирается нанести первым атомный удар? Если же СССР боится, что Америка, располагая ракетами стратегической обороны, отважится нанести первый атомный удар по СССР, то Советскому Союзу надо только расширить собственную программу производства антиракет, тем более, что американцы склонны делиться своим космическим опытом с Советами.

Советы занимаются научно-исследовательской работой в космосе в военных целях еще со второй половины 60-х годов. Спровоцированные Москвой американские исследования в космосе, предпринятые только с приходом в Белый Дом президента Рейгана, дали столь блестящие результаты, что повергли Кремль и советских милитаристов в состояние, которое нельзя назвать иначе, как "стратегической паникой". И есть от чего приходиться в панику: успешное осуществление плана американского президента означало бы радикальное обесценение или даже своего рода одностороннее стратегическое атомное разоружение Советского Союза без заключения договора и взаимных уступок со стороны Америки. Вот почему Кремль добивается, любыми трюками и угрозами, американского отказа от стратегической обороны в космосе, не прекращая собственных научно-исследовательских изысканий и испытаний в космосе. Поэтому Горбачев и его Генеральный штаб начали настойчиво доказывать, что американцы планируют не оборонительное, а наступательное агрессивное оружие в космосе, чтобы развязать безнаказанно атомную войну. Горбачев угрожает сорвать переговоры в Женеве, если Америка не откажется от своего плана.

Многие на Западе поддаются влиянию этой советской пропаганды и выступают против участия стран НАТО в американских научно-исследовательских изысканиях в космосе, требуя заключения договора с Москвой о недопущении обороны в космосе. Если такой договор будет заключен, то американская администрация вынуждена будет его соблюдать, ибо американский Конгресс закроет все источники финансирования космической обороны, а Кремль будет продолжать свои собственные космические исследования. Он никому не разрешает заглядывать в свои военные лаборатории и неподотчетен своему лже-парламенту.

Главный редактор либеральной "Зюддойче цайтунг", которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к плану Рейгана, писала 8 июня 1985 г.: "Если немецкие социал-демократы верят, что производство американских антиракет можно остановить при помощи Москвы или Франции, то они должны еще раз прочесть сказку о Красной Шапочке. Ведь Москва не потому против стратегической обороны, что считает ее предосудительной эскалацией вооружения, а потому, что, рядясь в одежды миротворца, она видит шансы поссорить Европу с Америкой, затормозить американский высотный полет, а потом самой возглавить космические исследования и развитие космического оружия. СССР не рассматривал до сих пор договор об ограничении оборонных ракет как препятствие для себя". Газета далее приводит заявление маршала Гречко от сентября 1972 г. о договоре "противоракетной обороны" (ПРО), в котором говорится: "Договор не ограничивает проведения исследований и экспериментальных работ".

Это заявление тогдашнего советского министра обороны только констатирует фактическое положение: Советы первыми начали и непрерывно продолжают свои исследования и испытания антиракет в космосе. Если они сейчас подняли тревогу на весь мир, то их легко понять: президент Рейган со своей инициативой стратегической обороны попал в ахиллесову пяту советского милитаризма. Один из главных внешне-политических приоритетов Горбачева и состоит в том, чтобы объявить новое оборонительное оружие агрессивным оружием и предупредить его производство. Начальник советского Генерального штаба маршал Ахромеев заявляет: "Создание задуманной в США широко-масштабной космической системы ПРО имеет четкий агрессивный смысл: эта система становится важнейшим элементом единого наступательного потенциала... дает возможность для США нанесения первого удара с надеждой, что ответный удар по американской территории может быть предотвращен". ("Правда", 4.06.1985).

Всякий логически думающий человек понимает, что наиболее радикальное средство предупредить появление нового оружия против ракет — это уничтожение самих стратегических ракет обеих сторон на договорных началах. Ведь стратегические антиракеты задуманы потому, что существуют стратегические ракеты. Уничтожьте эти ракеты, тогда не будет надобности и в антиракетах. Но рассуждения начальника советского Генерального штаба на этот счет прямо-таки шизофренические. В самом деле, вот что он пишет: "Всякие попытки ограничить стратегическое наступательное вооружение в условиях создания ударных космических средств (то есть антиракет. — А.А.) становятся *бесперспективными*".

Поэтому, пишет он, Советский Союз будет "наращивать свои стратегические наступательные силы, дополняя их средствами обороны". (Там же). Американские антиракеты — всего-навсего "средства обороны". Поскольку у маршала нет каких-либо убедительных аргументов, он прибегает к угрозе, цитируя своего шефа, министра обороны маршала С. Л. Соколова: "Создание ударного космического оружия обернется, и обернется неизбежно, снижением безопасности и самих США, и их союзников". Если это так, то инициатива президента Рейгана "обернется" вредом для самих США и пользой для СССР, что, казалось бы, советские маршалы должны были только приветствовать. Маршал кончает обычной советской тирадой о недопущении западного военного превосходства: "СССР не стремится к военному превосходству, но и не допустит такого превосходства над собою — ни на земле, ни в космосе". Маршал просто бахвалится. Ему должно быть известно, что возможности военного потенциала каждой страны прямо пропорциональны ее экономическому потенциалу и уровню ее научно-технического развития. Вот новейшие данные: производство продукции в миллиардах долларов составляли в странах: 1. США — 4 000; 2. Европейское сообщество — 2 200; 3. Япония — 1 400; 4. СССР — 1 100; 5. Китай — 400 (В. Обст, "Вельт ам зоннтаг", 16.06.1985).

Американский потенциал превосходит советский более чем в три раза, а потенциал западных союзников превосходит потенциал СССР с его союзниками в шесть раз. В свете этих общеизвестных данных ясно, что заявление начальника советского Генерального штаба

безответственно ориентирует советскую армию на опасную психологию "шапкозакидательства". Ввиду продолжительной советской экономической депрессии советская доля в мировом хозяйстве упала с 1970 г. с 13% до 9%; специалисты предсказывают, что в ближайшее время она упадет до семи процентов. О научно-техническом превосходстве Запада над СССР и распространяться не стоит. Это признает сам Горбачев.

Если исходить из этих новейших фактов соотношения западной и советской экономики и техники, то совершенно непонятно, как маршал Ахромеев решил "не допустить" военного превосходства Америки и ее союзников над Советским Союзом, если они и на самом деле поставят перед собой цель превзойти СССР.

Скоро в приоритетах Кремля во внешней политике выдающееся место займет Германия. Путь к разложению НАТО лежит через нейтрализацию Германии. Ключ же к этой нейтрализации в руках Советского Союза. В обеих странах уже формируются силы, которые работают в этом направлении. В Германии эти силы уже возглавляют левые социал-демократы. Германские социал-демократы в 1969 г. пришли к власти под знаменем своей "остполитик", предлагая признать послевоенные границы и ГДР, для чего заключить соответствующие договоры с СССР и его сателлитами. Левые социал-демократы и левые либералы могут прийти к власти под лозунгом выхода Германии из НАТО и ее нейтрализации с перспективой воссоединения Германии. Это вовсе не моя фантазия. Вот что пишет человек, который подготовил политически и психологически "остполитик" правительства Брандта и Шееля, человек, который по своему влиянию в

формировании немецкого общественного мнения занимает исключительное место — хозяин "Шпигеля" Рудольф Аугштейн: "Что Россия в обозримое время избавится от коммунизма — невероятно, и даже, может быть, нежелательно (!), чтобы она была достаточно сильна, чтобы очистить свое предполье и отпустить свою часть Германии. Вооруженная обычным оружием и вышедшая из НАТО, новая Германия была бы целью, внутренне желательной для нас, но не для наших партнеров по НАТО". ("Шпигель", 10.06.1985).

Это не спонтанное заявление безответственного журналиста, а выражение мнения весьма влиятельных кругов немецкой общественности. После ухода канцлера Шмидта, немецкая социал-демократия сделала крутой поворот в своей внешней политике — не против Вашингтона, но в сторону Москвы, пока что не против НАТО, но против "довооружения" и американской программы космической стратегической обороны, не за коммунизм, но против "примитивного антикоммунизма", как выразился Вилли Брандт, на что генеральный секретарь христианско-демократического союза Гейстлер ответил, что Брандт и его соратники практикуют "примитивный антиамериканизм" и "льют воду на мельницу советской пропаганды". Гейстлер утверждает, что сегодня политику социал-демократов определяют "под покровительством Брандта анти-НАТО и нейтралистская группа вокруг Оскара Лафонтена, Эрхарда Эпплера и Эгона Бара". Он обвинил социал-демократов в том, что они в политике безопасности Запада стали на позиции Советского Союза, что их делает, "хотя бы они этого или нет, пятой колонной противника", за что Брандт сравнил его с Геббельсом. Немецкая социал-демократия, конечно, не "пятая

колонна" Москвы, а мастер выигрывать выборы, верно улавливая настроения немецких избирателей. Выборы в Бундестаг состоятся только в 1987 г., но уже теперь все партии готовятся к ним. Надо заметить, что никогда в ФРГ не было такой благодарной почвы для демагогов в отношении внешней политики, как сейчас. "Не допустим больше войны с немецкой землей", "предотвратим превращение немецкой земли в атомное кладбище", "американцы, убирайтесь со своими атомными бомбами восвояси", "за выход Германии из НАТО", "за нейтральную Германию" — вот варианты лозунгов, которые могут оказаться популярными. "Зеленые" и некоторые левые социал-демократы открыто проповедуют выход Германии из НАТО. Рафинированный Бар, с его редким талантом выражаться казуистически, заявляет: "Немецкий вопрос неактуален, пока существует НАТО. НАТО и разделение Германии — "сиамские близнецы". (Зюддойче Цайтунг", 18.06.1985). Вот на этой волне левые вполне могут прийти к власти в Германии.

Кроме немецких избирателей, есть еще одна мощная сила, которая может способствовать приходу к власти левых сил — это руководство Горбачева. Недавняя поездка Брандта в Москву в сопровождении всегда желанного там Бара и четырехчасовая беседа Брандта с Горбачевым (честь, которой Горбачев никому до сих пор не оказывал), вероятно, тоже лежит в плане подготовки немецких социал-демократов к будущим выборам. Ведь это же общеизвестный факт: любые западные партии — консервативные, либеральные или социалистические — думают категориями предстоящих выборов, а не далекими перспективами. Только коммунистическая партия Советского Союза, не

зависящая от своего народа и выборов, разрабатывает свою политическую стратегию на целую эпоху, а главное, независимо от чередующихся генсеков, последовательно придерживается ее. Еще будучи в Москве, на вопрос: "Что за человек Горбачев?", — Брандт ответил: "Он во всяком случае человек, которому не надо думать о следующих выборах", — но отказался углубляться в содержание беседы.

Ясно и без этого — по крайней мере, в вопросах космоса и "довооружения" позиции Горбачева и Брандта идентичны, что надо признать серьезной победой Кремля и его германской политики.

Продолжая свою до сих пор успешную в вопросах революционной экспансии внешнеполитическую деятельность, партия в данное время концентрирует внимание страны на приоритетах внутренней политики, великолепно понимая ее связь с внешней политикой. Ни один генсек не занимался внутренней политикой так интенсивно, как сейчас Горбачев. Он сначала выясняет суть проблем для себя, советуясь с практиками и экспертами. Вот его сообщение об этом: "Мы попытались реально оценить ситуацию на различных участках экономической жизни, посоветовались с экспертами, обсудили эти вопросы с широким кругом трудящихся. В итоге у нас стали вырисовываться контуры программы". ("Правда", 20.05.1985).

В тот день, когда исполнилось ровно три месяца после прихода к власти, — 11 июня 1985 г. — Горбачев докладывал об этих "контурах" на совещании ЦК в присутствии всех членов Политбюро и Секретариата ЦК.

Доклад назывался "Коренной вопрос экономической политики партии". Этим коренным

вопросом оказалось то, о чем он ранее много раз говорил: "В качестве главного стратегического рычага партия выдвигает сегодня кардинальное ускорение научно-технического прогресса". ("Правда", 18.05.1985). Сначала Горбачев покритиковал режим Брежнева, не называя его имени: "Нельзя не видеть, что с начала 70-х годов стали ощущаться определенные трудности в экономическом развитии. Главная причина в том, что мы своевременно не проявили настойчивости в перестройке структурной политики, форм и методов управления, самой психологии хозяйственной деятельности. Перед партией стала задача преодолеть негативные тенденции, круто повернуть дело к лучшему". ("Правда", 12.06.1985). Эти "негативные тенденции", по Горбачеву, следующие: с продовольственным снабжением и увеличением производства товаров для населения дело обстоит плохо, "наша экономика во многом остается расточительной", в "агро-промышленном комплексе, где уровень капитальных вложений достиг оптимальных размеров... отдача от них пока недостаточна", "качественно технико-экономический уровень изделий остается одним из уязвимых мест экономики", "даже продукция, отнесенная к высшей категории, не выдерживает сравнения с лучшими мировыми образцами". ("Правда", 12.06.1985). Чтобы преодолеть такие "негативные тенденции", Горбачев предлагает "осуществить всеми мерами перелом в умах и настроениях кадров сверху донизу... Нельзя медлить, нельзя выжидать, ибо времени на раскачку не осталось, оно исчерпано прошлым". ("Правда", там же).

Как видим, генсек явно бьет тревогу. С такой откровенностью и вместе с тем с такой глубокой

озабоченностью может говорить только лидер, который хорошо информирован. Вероятно, общая ситуация в стране сложилась куда хуже, чем мы ее себе представляем. Однако трезвому анализу генсека не хватает смелости здравых выводов. Это и понятно. При внимательном изучении текста доклада выясняется, что сама острота постановки вопроса о научно-техническом прогрессе продиктована в первую очередь и главным образом интересами одной специальной отрасли советской экономики, а именно советской военной экономики в связи с американскими космическими исследованиями и экспериментами. Вот совершенно откровенное признание Горбачева в том же докладе: "Необходимость ускорения социально-экономического развития вызывается *внешними обстоятельствами*. Мы вынуждены вкладывать необходимые средства в оборону страны... перед лицом агрессивной политики и угроз империализма нам нельзя допустить военного превосходства над собою". ("Правда", там же).

Вместо того, чтобы заключить договор с Америкой о разоружении, Горбачеву нужна легенда, что Америка якобы готовит "первый ядерный удар по СССР" и поэтому и добивается военного превосходства.

Если бы Америка когда-либо собиралась нанести такой удар, то она бы сделала это, когда у СССР не было ни атомного оружия, ни стратегических ракет. Поэтому подобную легенду нельзя назвать иначе, как преднамеренной ложью, чтобы дурачить собственный народ. Однако еще Линкольн заметил: "Людей можно дурачить некоторое время, некоторых можно дурачить всегда, но дурачить всех и всегда — невозможно".

Глава 5. Чекизация Кремля

Уже на первой стадии организационной политики Горбачева бросается в глаза хорошо знакомый сталинский почерк. В основе сталинской экономической и организационной политики лежали два принципа, которые он сформулировал в двух лапидарных лозунгах: "техника решает все" — в период индустриализации, и "кадры решают все" — в период своего восхождения к единовластию. Со временем Сталин соединил обе идеи вместе — "кадры, овладевшие техникой своего дела, решают все". Под этим Сталин понимал комбинаторское мастерство руководителя, овладение им технологией власти.

Во всем этом Горбачев следует Сталину, формулируя его идеи, только иными словами. Конечно, никакому другому генсеку не дано точно повторить Сталина, даже при нынешней ностальгии КГБ по нему. Однако подход почти тот же сталинский, идеи тоже сталинские, но приоритеты движения к власти не те.

Сталина привел к власти партаппарат, который он сумел поставить и над партией, и над государством, чтобы стать единоличным вождем. Но, чтобы стать единоличным диктатором, Сталин провел, опираясь на партаппарат, чистку в самом НКВД и поставил во главе его своих приспешников. Чекистскому аппарату, даже состоящему

из чистокровных сталинцев, Сталин никогда целиком не доверял, чем и объяснялась частая смена его руководителей (за 15 лет Сталин сменил шестерых начальников НКВД, из которых двоих расстрелял, чтобы убрать собственных сопричастников и свидетелей, троих снял, их тоже расстреляли за те же преступления, но уже его наследники).

Восхождением к власти Горбачев обязан не партии и не ее аппарату, а КГБ и его вооруженным силам. Военно-полицейский переворот Андропова в ноябре 1982 г. после смерти Брежнева нашел свое логическое завершение в полицейско-партийном перевороте Горбачева-Чебрикова в марте 1985 г., в первые же часы после смерти Черненко, но на этот раз не только без участия армии, но, может быть, даже против ее воли (армия, вероятно, поддерживала члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС по вооружению и вооруженным силам Романова).

Этот неоспоримый факт будет иметь далеко идущие последствия как для генсека, так и для судьбы самой партии. Уже сегодня ясно для наблюдателя, что отныне партия вынуждена делить власть с КГБ, занявшим ключевые позиции в государстве: председатель Госбезопасности — генерал КГБ, министр внутренних дел — генерал КГБ, министр иностранных дел — генерал КГБ, фактический правитель в Совете министров СССР — генерал КГБ, а сам генсек тоже выдвигенец КГБ. Любой чиновник в советском государстве от комсомольского вожака до генсека партии, который сделал карьеру по протекции КГБ, на всю жизнь превратил себя в слугу и пленника этого учреждения. Таков неписанный, но железный закон. Разница между статусом полицейских "органов" при Сталине и их нынешним фактическим статусом заключается в

том, что тогда они были исполнителями воли генсека Сталина, а сегодня генсеку Горбачеву явно грозит опасность самому очутиться в роли исполнителя воли КГБ.

После июльского пленума ЦК КПСС (1985) в Советском Союзе, в обход старческого Политбюро, установилась, на мой взгляд, диктатура узкой группы лиц, которую я бы назвал диктатурой "директории пяти", куда входят два партаппаратчика — генсек Горбачев и "второй генсек" Лигачев — и три генерала КГБ — первый заместитель председателя правительства Алиев, председатель КГБ Чебриков и министр иностранных дел Шеварднадзе. Советская армия исключена из этой "директории". Кстати, такой переходный институт концентрации государственной власти в немногих руках хорошо известен как раз из истории французской и русской революций, и именно в период острого политического кризиса в этих странах. Французская "директория пяти" существовала четыре года (1795—1799), пока Наполеон Бонапарт не совершил свой знаменитый переворот, а "директория" из пяти министров Керенского в сентябре 1917 г. была свергнута через пять недель в результате октябрьского заговора большевиков. Да и Политбюро Ленина во время гражданской войны тоже состояло из пяти человек.

Кремлевская "директория пяти", хотя и не лишенная какой-то исторической символики, все же комбинация чисто случайная, но вот люди, которые входят в эту правящую пятерку, — не случайны. Каждый из них две трети своей жизни посвятил служению взаимодействующим силам — аппарату партии и советской политической полиции. И все же

не только западные, но и советские люди знают о них очень мало. Внешний мир точно знает, сколько у Советского Союза атомных бомб и ракет, знает даже, сколько боеголовок на каждой ракете и точность ее попадания в цель, но почти ничего не знает о людях, от которых зависит, будет ли это оружие когда-нибудь пущено в ход, хотя только этим и занимаются кремленологи. Засекреченность биографий кремлевских вождей, их способностей и склонностей, их реальных личных качеств, даже их хобби, имеет свой политический умысел — держать потенциального противника в полном неведении относительно того, с кем он имеет дело, на что способны лидеры Кремля.

Даже и тот единственный источник, по которому мы хотим судить о политическом таланте и образе мышления того или иного кремлевского лидера, — его публичные выступления — тоже, как правило, принадлежат не ему, а анонимному аппарату. Причем здесь господствует всем известный партаппаратный закон: речи рядовых членов олигархии не должны быть ярче и умнее речи самого генсека. Отсюда у советских лидеров не живые речи с "лирическими отступлениями", а речевые штампы, которых никто не читает, кроме иностранных корреспондентов в Москве, которые заняты этим по долгу службы. Первый лидер в Кремле, который нарушил этот закон, не будучи еще генсеком, был Андропов. Примеру Андропова последовали потом Горбачев, Алиев и Шеварднадзе, что несомненно способствовало их успешному движению к вершине власти. Другие два члена "директории", Лигачев и Чебриков, индивидуально ничем до сих пор не выделялись, но, судя по их успехам, они мастера закулисных дел.

Особенно это относится к Чебрикову, начальнику управления кадров КГБ с 1967 г. Он был направлен в КГБ из "днепропетровской мафии" Брежнева как представитель партаппарата — надзирать над чекистскими кадрами. Но когда Чебриков увидел, что шеф КГБ Андропов имеет больше материальной власти в СССР, чем генсек Брежнев, то переметнулся в лагерь чекистов. И Андропов отблагодарил его, назначив председателем КГБ, минуя оставшегося верным Брежневу первого заместителя председателя КГБ — генерала Цинева. Войдя в состав Политбюро, Чебриков выступил в ведущем теоретическом журнале КПСС с программной статьей с необычным названием: "Сверяясь с Лениным, руководствуясь требованиями партии". Я очень внимательно прочел эту статью, стараясь понять, что именно Чебриков "сверил" с Лениным и какими "требованиями" партии он собирается "руководствоваться" в своей чекистской работе. Стиль статьи, как и ее содержание, в какой-то мере характеризуют самого Чебрикова: во-первых, "требование" партии, чтобы выступление члена олигархии не выглядело умнее выступления генсека, точно выполнено, во-вторых, почти в каждом абзаце автор повторяет один и тот же тезис — партия стоит над чекистским аппаратом, невольно заставляя вас думать, не обстоит ли дело как раз наоборот. Ведь все-таки соотношение сил в "директории" 2:3 в пользу КГБ. Что же касается существа дела, автор утверждает: 1. "Использование гражданских прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства". Что надо понимать под "ущербом", решают сами власти, "которые устанавливают порядок реализации прав с учетом общегосударственных интересов, соображениями

государственной безопасности, охраны общественного порядка". ("Коммунист", № 9, июнь 1985 г.). 2. "Чекисты активно участвуют в работе по повышению политической бдительности советских граждан... От каждого гражданина требуется усиление классовой зоркости, решительный отпор..." и т.д. (Там же). 3. Идеологическая борьба "закономерна, ее нельзя ни прекратить, ни отменить". В связи с этим Чебриков выдвигает оригинальный тезис о том, что СССР, собственно, понимает под "идеологической борьбой". Когда КПСС борется против существующего на Западе общественно-политического строя, создавая там революционные ячейки, засылая туда литературу, организуя радиовещание на всех языках мира по пропаганде идей коммунизма, — то это "идеологическая борьба", но когда Запад занимается тем же самым по отношению к СССР — это "идеологическая диверсия" и "вмешательство во внутренние дела СССР". 4. Узнали мы из статьи Чебрикова и один "секрет", который давно не является секретом: *"В КГБ разработана и последовательно осуществляется научно-обоснованная программа действий...* Большой вклад в ее разработку и практическое осуществление, в одухотворение (!) чекистской работы большевистской страстностью внес Ю.В. Андропов, в течение 15 лет возглавлявший Комитет государственной безопасности". (Там же).

Чебриков как политик, вероятно, — человек посредственных способностей, но он большой мастер своего дела, а главное — учреждение, которое он возглавляет, в своем роде уникально, такого не знала ни одна тирания в истории. Мы, по аналогии с прошлым, говорим о КГБ как о политической

полиции советского режима, как о его функциональной величине. На самом деле КГБ, хотя и в самом советском государстве в разное время он назывался по-разному — ВЧК, ОГПУ, НКВД, МВД, КГБ, — есть не просто полицейское ведомство, а субстанция советского государства. Лишите советское государство этой субстанции — и оно развалится, как колосс на глиняных ногах. Я хорошо помню время, когда первые секретари обкомов партии, эти, по определению Сталина, "генералы партии", как запуганные щенки дрожали перед младшими лейтенантами НКВД. Такие времена могут наступить вновь.

На XX съезде партия устами Хрущева подтвердила, что не партия, не правительство, и даже не Политбюро правили советским государством в период правления Сталина, а советская политическая полиция, во главе которой стоял сам Сталин. Теперь на наших глазах происходит ее возрождение. Соответственно возрастает и роль генералов КГБ на вершине власти.

Сегодня существенно изменились условия, но не изменилась природа "органов". Чтобы они могли полностью восстановить свою былую роль и власть, нужен хотя бы эрзац-Сталин, которого я не вижу среди членов кремлевской "директории". Поэтому "органы" заключили деловой компромисс с партаппаратом: управлять страной может сам партаппарат, но для этого он должен быть предварительно чекизирован. Так началось сращивание партийного и чекистского аппарата на высшем уровне еще в эру Андропова. Причем, речь идет не только о профессиональных чекистах (Андропов, Чебриков, Алиев, Шеварднадзе), но и о тех, кто негласно сотрудничал

с "органами" по роду службы — Горбачев, Соломенцев, Лигачев, Воротников, последний — как резидент КГБ в Южной Америке в качестве посла на Кубе. Нет сомнения, что и на уровне областей, краев и союзных республик происходит тот же самый процесс в связи с обновлением партаппарата на нынешних так называемых партийных выборах. КГБ будет поддерживать только тех кандидатов, которые негласно сотрудничают с ним. Более того. По примеру Москвы, в бюро партийных комитетов будут введены руководящие профессиональные или формально отставные кагебисты. В свою очередь, сами "органы" тоже будут заполняться партаппаратчиками, отличившимися во время негласного сотрудничества с КГБ. Об этом пишет и сам Чебриков в цитированной статье: "Наиболее важные звенья системы КГБ пополняются работниками, прошедшими школу партийной и комсомольской работы". ("Коммунист", № 9, 1985, стр.50).

Чебриков, как и Андропов, пришел в КГБ из партаппарата. Поэтому он не прочь похвастаться, как партаппаратчики быстро осваивают профессию чекистов. Он пишет: "Благодаря постоянной заботе КПСС, органы госбезопасности укомплектованы зрелыми, хорошо подготовленными работниками". (Там же).

Еще пять-шесть лет тому назад едва ли кому-нибудь со стороны приходила в голову мысль, что в составе Политбюро ЦК КПСС окажутся так быстро несколько ставленников КГБ, да еще сразу три генерала. Это явление беспримерно в истории режима, но оно закономерно. КГБ и его кадры призваны вывести СССР из кризиса тотальной коррупции. Только они способны на это. Ни один из членов Политбюро

не имеет такого богатого опыта и знаний о сильных и слабых сторонах функционирования советской системы, как Чебриков и его чекисты. Ни один член Политбюро не знает столько о других его членах, сколько знает о них обо всех один Чебриков. Никто не может свалить Чебрикова иначе, как путем заговора, но Чебриков может свалить любого члена Политбюро, сфабриковав дискредитирующие материалы, как это систематически практиковал Андропов при Брежневe. Но кто такой сам Чебриков как политик и стратег и как он справится со своей миссией — мы не знаем. Зато как справились с аналогичной миссией два его чекистских соратника на местах, Алиев и Шеварднадзе, мы знаем хорошо. Отныне их опыт будет распространен на весь СССР. Отсюда логически вытекает, что они вместе с Чебриковым, не спрашивая воли партии на ее предстоящем съезде, сами вошли в Политбюро. Читая выступления Алиева и Шеварднадзе, изучая их практику правления в национальных республиках, анализируя сведения о них оттуда, приходишь к выводу, что КГБ и парт-аппарат вырастили в лице Алиева и Шеварднадзе тот классический тип партийно-полицейского "гибрида", который родился путем скрещивания партаппарата с полицейским аппаратом, и который как раз нужен сегодня.

Тем не менее, мы бы ничего не знали о существовании на свете Алиева и Шеварднадзе, если бы в период правления Брежнева по стране не пошла эпидемия коррупции. "Образцовыми республиками" по этой части стали Азербайджан и Грузия. Их первые секретари, Ахундов и Мжаванадзе, были обвинены собственными полицейскими генералами в том, что они либо способствуют

коррупции, либо сами причастны к ней. Этими генералами и были — в Азербайджане председатель КГБ Алиев, в Грузии — министр внутренних дел Шеварднадзе. За их спиной стоял шеф КГБ Андропов, который добился их назначения первыми секретарями партии этих республик. Но даже и после этого они не имели бы шансов добраться до членства в Политбюро, если бы не существовала в недрах КГБ та "научно-обоснованная программа действий" Андропова по чекизации высшего парт-аппарата, о которой упоминает Чебриков.

Кроме того, Алиев и Шеварднадзе, видно, получили указание КГБ всемерно возвеличивать Брежнева как вождя КПСС, что они и делали с виртуозным мастерством восточных льстецов. Когда падкий на лесть Брежнев начал их выдвигать, то западные советологи поспешили включить их в группу брежневцев. Только когда началась борьба за наследство Брежнева, выяснилось, что они действовали по хитроумному рецепту Андропова — въехать в кремлевскую крепость на "троянском коне", чтобы легче было взять ее изнутри во время кризиса престолонаследия. Поскольку в этой же группе андроповцев находились Горбачев и Чебриков, их дальнейшая карьера была гарантирована. Этим я вовсе не хочу сказать, что они незаслуженно добрались до Политбюро. Сейчас партаппарат трагически беден политическими талантами, и на его тусклом небосклоне Алиев и Шеварднадзе выделяются, как яркие "звезды". Московские великодержавники, должно быть, в трауре. Вероятно, уже поговаривают о "второй кавказской оккупации" Кремля. Но зато Горбачев одним выстрелом убил сразу двух зайцев: в самом Политбюро укрепил свою позицию, а в национальной

политике может бравировать своей толерантностью как аргументом против обвинений Москвы в русификаторской политике. Горбачев ведь может сказать — помилуйте, какой я русский шовинист: направо от меня сидит азербайджанец, налево — грузин, напротив один казах, один "белорус" и два украинца. Страной правят все народы СССР...

Назначение генерала КГБ Шеварднадзе министром иностранных дел СССР имеет более глубокий политический смысл и значение, чем это может показаться на первый взгляд. Здесь речь идет не просто о смене лица или даже о смене поколений в министерстве иностранных дел, а о реконструкции и чекизации всей его сети в связи с новыми задачами, которые ЦК и КГБ ставят перед этим министерством. Советское министерство иностранных дел в советской внешней политике играло до сих пор двоякую роль: обычную, как орган дипломатической службы, и необычную — как легальный орган для прикрытия нелегальных революционно-подрывных и шпионско-разведывательных акций на Западе и в странах третьего мира.

Особенно эффективной стала эта работа с тех пор, как шефом КГБ был назначен Юрий Андропов.

Консервативное, по характеру своих прямых профессиональных функций, советское министерство иностранных дел во главе с Громыко, вероятно, не проявляло достаточного усердия в выполнении своих нелегальных функций, особенно с того времени, как Громыко стал членом Политбюро. Надо заметить, что для распространения идей и влияния советского коммунизма в странах Азии, Африки и Латинской Америки КГБ сделал куда больше, чем министерство Громыко.

Даже идея "разрядки" родилась не у советских дипломатов, а у чекистов. Сегодня Кремлю нужна "вторая разрядка", для тех же целей, что и первая, но более утонченная и по возможности более эффективная. Конечно, велики тайны КГБ, чтобы их знал посторонний, но зато нужды страны столь кричащи, что легко догадаться: никогда Кремль так не нуждался в кооперации с Западом, как сегодня. Два обстоятельства повелительно диктуют Кремлю такое поведение: во-первых, необходимость вывести советскую экономику из тупика при помощи западной техники, технологии и кредитов, во-вторых, желание сорвать осуществление американской стратегической обороны в космосе. Политическая цель второй разрядки остается старой — чекистская инфильтрация идей и людей на Западе, революционная экспансия в странах третьего мира под руководством хорошо вышколенных чекистских кадров. Для проведения в жизнь такой широкой программы нужен и полезен не твердолобый Громыко, а более молодой и более волевой человек с чекистской фантазией и большевистским размахом. Эти качества, вероятно, сочетает в себе заслуженный чекист и опытный партаппаратчик Шеварднадзе. Внутриведомственная задача преемника Громыко ясна — координировать внешнеполитическую деятельность своего министерства со стратегией глобальной революционной экспансии КГБ. Консерваторы и тугодумы будут убраны с дипломатической службы, чтобы до конца чекизировать ее ведущие кадры.

При смещении Громыко Горбачев, должно быть, руководствовался не только соображениями успеха новой разрядки и координации работы КГБ и министерства иностранных дел во внешнем

мире, но и желанием поставить иностранную политику под свой личный контроль. При амбициозном Громыко это было бы связано со многими трудностями, при новом министре здесь не будет особенных проблем, что Шеварднадзе и доказал своим самостоятельным дебютом на юбилейном совещании в Хельсинки со старой программой Кремля, преподнесенной без кислоты Громыко и в стиле лондонского джентльмена Горбачева.

Само назначение Эдуарда Шеварднадзе министром иностранных дел, несомненно, было в каком-то смысле очень смелым революционным актом новой кадровой политики Горбачева, как в силу своей профессиональной несообразности даже в плане советской дипломатии, так и потому, что для нового министра иностранных дел супердержавы весь мир до сих пор начинался и кончался в Тбилиси. Он в Москву приезжал на всякие заседания, в том числе и на заседания Политбюро, куда входил как кандидат с 1978 г., но ни одного дня в Москве не работал. Это назначение, должно быть, явилось неожиданным шоком и для всего советского дипломатического корпуса, в котором так много видных дипломатов со знанием иностранных языков. Однако у Шеварднадзе, видно, есть качества, которые сейчас нужны Горбачеву: талант организатора и задатки стратега большой политики Кремля в странах третьего мира.

Если же говорить о политике Кремля в Азии, Африке и Латинской Америке, то трудно найти более подходящую кандидатуру на пост главы советской дипломатии, чем грузин Шеварднадзе.

"Мир состоит не из одной Америки", — сказал Горбачев. Но поскольку мир не ограничивается и одной Европой, то в революционных приоритетах

Кремля Азия, Африка и Латинская Америка уже со времени первой разрядки занимают ведущее место. Здесь партийно-чекистские таланты Шеварднадзе, как и его принадлежность к нацменьшинству в СССР, могут оказаться для Кремля более полезными, чем красноречие профессиональных дипломатов. Ближайшие проблемы советской внешней политики:

1. Как улучшить отношения с Китаем, не ухудшив отношений с Вьетнамом.

2. Как стабилизировать и расширить влияние СССР в Центральной Америке, не провоцируя интервенции США.

3. Как восстановить расшатавшееся влияние СССР на Ближнем Востоке, участвуя в решении арабско-израильского конфликта.

Догматическая дипломатия Громыко потерпела здесь полнейшее поражение. Революционная дипломатия Горбачева имеет все шансы на успех, что видно хотя бы на примере начавшегося оживления советско-китайских отношений за короткое время пребывания Горбачева у власти: китайское руководство перестало быть "гегемонистским" и "реакционным", а советская держава перестала быть "социал-империализмом", в обеих странах строится "социализм", а генсеки в Москве и Пекине вновь стали "товарищами". Это пока что только атмосферное улучшение, но перспективы восстановления былых отношений между "братскими компартиями" СССР и Китая весьма заманчивы для обеих сторон и даже реальны. Условия Китая известны: 1) вывод вьетнамских войск из Камбоджи, 2) вывод советских войск из Афганистана, 3) отвод советских войск от китайских границ. Другими словами, Китай требует восстановления статус-кво,

который существовал до советско-китайского конфликта, и ни одно из этих требований не затрагивает жизненных национально-государственных глобальных интересов.

К тому же, если интересы СССР в странах третьего мира неизбежно связаны с постоянной конфронтацией с США, как с идеологическим противником, то Китай и СССР — однотипные коммунистические государства и проповедуют одну и ту же марксистско-ленинскую идеологию, так что при обоюдном желании они легко договорятся о распределении ролей и сфер влияния в третьем мире.

Несомненно существующие глубокие территориально-стратегические противоречия между Китаем и СССР на Дальнем Востоке, в юго-восточной Азии и в Тихом океане могут быть на время "заморожены". Сегодня Китай находится в том счастливом стратегическом положении, когда он, не вступая в военный союз ни с одной из супердержав, может попеременно ставить то на СССР, то на Америку, принаравливаясь к своим нуждам и обстоятельствам.

В Кремле великолепно отдают себе отчет в том, что масштаб и глубина внутренних трудностей, грандиозные усилия по их преодолению требуют также не конфронтации, а кооперации с Западом, и в первую очередь с Америкой. Горбачеву есть чему учиться и у Китая с его реформами и "четырьмя модернизациями", и у Сталина с его Ялтой. Для этого Советскому Союзу опять-таки нет необходимости жертвовать своими жизненными интересами или даже целями своей политики глобально-революционной экспансии. Нет ничего легче, как добиться стратегических успехов у Запада мирным

путем, как Сталин доказал это в Ялте в 1945 г., а Брежнев в Хельсинки в 1975 г., нагло обманув Запад, что за признание своих военных завоеваний СССР допустит свободную циркуляцию информации, идей, людей между Западом и Востоком.

От смертельной внешней опасности советский режим был спасен в последней войне западной демократией по одной простой причине: стратегия Сталина была динамичной и эластичной, что и привело к успеху в Ялте. Горбачев хочет теперь новой Ялты в космосе и на земле, чтобы спасти советский режим от внутреннего краха при помощи той же демократии. Все это так и будет, стоит только Горбачеву сделать несколько "благородных жестов", восстанавливающих нарушенный самим Кремлем "статус-кво" кануна второй "холодной войны": убрать ракеты средней дальности, уйти из Афганистана, восстановить право евреев на эмиграцию, освободить академика Сахарова и его супругу Елену Боннэр. Вот тогда Горбачев, отмежевавшись от актов произвола своих предшественников, заработает такой большой капитал "либерала", "демократа" и "спасителя мира" во всем мире, что в Советский Союз широким потоком двинутся западные кредиты, техника, технология со всеми их супер-компьютерами, что очень скоро выведет советскую экономику из внутреннего кризиса, а военной индустрии поможет "догнать и перегнать Америку" в космосе. Для такой новой роли в новых условиях Громыко был уже слишком стар, неповоротлив, и к тому же — с вечным трауром на лице, вместо очаровательной улыбки, которую Запад так высоко ценит как раз у дипломатов. По этой части Шеварднадзе прямо

просится в Голливуд. Если он к тому же еще и мастер рассказывать анекдоты тифлисского кинто и "ереванского радио" на дипломатических приемах, для маскировки стратегических замыслов своей миссии, кроме того, по-чекистски ловок в упаковке революционной "взрывчатки" в тюки безобидной дипломатической почты, то тогда один Шеварднадзе стоит сотен Громыко. Ведь культурный Запад любит, чтобы и советские дипломаты вели себя культурно: если околпачивать, то виртуозно, если насиловать, то не до удушения, если сносить голову, то не топором, а незримой силой.

Надо идти в ногу с веком. Новые времена, новая техника, новые мастера своего дела. К этому обязывает и сама большевистская диалектика. Сегодня в фаворе не гримасы Громыко, а "улыбки Горбачева", пусть даже у этих улыбок и "железные зубы", как выразился тот же Громыко. Нужны еще не испробованные новые методы, новые приемы и новые люди с новыми идеями. Поэтому сейчас в советской внешней политике происходит "инвертизация" идей, людей и фантазий, чтобы советская внешняя политика вновь стала по-ленински динамичной и по-сталински богатой фантазией. Это и называется у большевиков "ленинским стилем" в работе, который Сталин определял как "соединение русского революционного размаха с американской деловитостью". Горбачев нашел, что в таком "ленинском стиле" может работать Шеварднадзе, а не Громыко. И он знает, что делает. Фантазией, как мне рассказывали его земляки, Шеварднадзе владеет в совершенстве, в чем я и сам убедился, читая его речи. В то же время в его речах чувствуется не просто фантазия какого-нибудь Манилова, а творческий полет дипломата высокого класса, если

под дипломатией понимать изощренное искусство лицемерить. Приведу лишь один отрывок, в котором Шеварднадзе, в разгар тотальной коррупции в стране и абсолютной индифферентности брежневского руководства, дает последнему следующую характеристику: "Сегодня нельзя не сказать о человеке, который так высоко поднялся в глазах современников и который так органически слился с родным народом и родной партией. Вчера с трибуны Верховного Совета над всем миром победоносно звучал его удивительно близкий, полный человеческого тепла голос, его заветные слова и отточенные фразы, проникающие в сердца и умы людей... Ленинская простота, научная глубина, большевистская твердость и непоколебимость, глубокий интернационализм, высокий гуманизм, врожденное человеколюбие, призвание быть коллективистом и демократом, революционером по профессии, постоянная готовность брать на себя самую большую ответственность перед народом и партией, стойкий характер, сердце, полное любви к людям, — вот то, чем дорог нам Леонид Ильич Брежнев". ("Правда", 6. 10. 1977 г.).

В Словаре русского языка Ожегова, кроме классического определения дипломатии как "деятельности правительства по осуществлению внешней... политики государства", есть и такое ее бытовое определение: "Ухищрения... в действиях, направленных к достижению какой-нибудь цели". Цель у Шеварднадзе была одна: добраться до Политбюро. Через несколько месяцев после этой "дипломатической" речи на очередном пленуме ЦК Брежнев сделал Шеварднадзе кандидатом в члены Политбюро.

Если проблему со стариками из Политбюро Горбачев решил весьма "элегантно", создав "Политбюро в Политбюро" в виде упомянутой руководящей пятерки, то важнейшего из стариков со своей почти независимой вотчиной, Громыко, он убрал ловко и бесшумно, возвысив его юридически, чтобы кастрировать политически, для чего забрал у "главы государства" положенную ему должность председателя Совета обороны СССР. Зато бесцеремонно выкинул из Политбюро и Секретариата ЦК того, кто мешал кооперации партаппарата с полицейским аппаратом — здорового и нестарого Романова. У Андропова был порядок позолотить пиллюлю удаляемым вельможам благодарностью от Политбюро. Романов не удостоился даже такой позолоты, хотя и отмечено, что он освобожден по состоянию здоровья. В свете последующих фактов стало понятно, почему Романов очутился в опале. Романов, член Политбюро и секретарь ЦК милостью Андропова, надзиратель ЦК по вооружению и вооруженным силам, единственный из членов Политбюро, который от начала и до конца войны был ее активным участником, долголетний руководитель партийной организации первой столицы Октябрьской революции, — видно, претендовал на пост генсека после смерти Черненко. Очевидно, в этом его поддерживали и некоторые военные, о чем свидетельствует снятие начальника Главного политического управления Советской армии и флота Епишева, главнокомандующего стратегическими ракетными войсками Толубко и т.д.

Однако решающее значение имеет здесь не падение отдельных лиц, а исключение армии из "треугольника" власти — после того, как она на протяжении двадцати лет диктовала свою волю

по двум важнейшим для нее вопросам: в выработке советской военно-политической стратегии и определении объема финансирования советской военной промышленности и армии. Примирится ли армия со своим новым статусом? — Здесь царит грозная неизвестность.

Много тяжелых проблем стоит перед Горбачевым. Самая легкая из всех его проблем — это внешнеполитическая. Громыко засвидетельствовал на мартовском пленуме ЦК, что для ее решения Горбачев — наиболее способный человек. Тут личные способности Горбачева сыграют выдающуюся роль. В этой связи нелишне процитировать речь Громыко на мартовском пленуме ЦК. Вот некоторые места из речи Громыко: "Михаил Сергеевич Горбачев показал себя блестяще, без всякого преувеличения... В Политбюро подчеркивалось, что это человек принципов, человек сильных убеждений... В Политбюро говорилось, что Михаил Сергеевич — человек строгого и глубокого ума... Ведь часто бывает, что вопросы — и внутренние, и внешние — трудно очень рассматривать, руководствуясь законом черное и белое. Могут быть промежуточные решения. И Михаил Сергеевич всегда умеет находить такие решения, которые отвечают линии партии... Он очень хорошо и быстро охватывает суть процессов, которые происходят вне нашей страны. Я часто поражался его умению быстро и точно охватить суть дела, делать выводы... Михаил Сергеевич человек широкой эрудиции и по образованию и по опыту работы... В лице Михаила Сергеевича Горбачева мы имеем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося... Если бы в этом зале сейчас был научный форум, наверное, все бы сказали: этот человек умеет аналитически

подходить к проблемам. Это сущая правда... Он не только хорошо анализирует проблемы, но и делает обобщения и выводы". ("Коммунист", № 5, 1985).

Если все, что говорит здесь Громыко, точно воспроизводит портрет Горбачева, то Запад ждут глубокие прорывы и катастрофические потрясения, организовать которые до сих пор были способны из всех большевистских вождей только два человека — Ленин и Сталин, ибо только им были свойственны качества, приписываемые теперь Горбачеву. Для меня несомненно, что Горбачев собирается возглавить последний исторический поединок коммунистического Востока со свободным Западом. В этом поединке у него есть и очень влиятельный союзник в тылу Запада: либеральствующая западная элита. Ведь это член первого правительства Ленина, А. Коллонтай, после своего долголетнего пребывания на Западе в качестве советского посла, наставляла молодых большевиков: "Обратить элиту Запада в свою веру невозможно, но убедить в правоте своей точки зрения возможно вполне". ("Правда", 21.07.1980).

Примеров на этот счет бесчисленное количество, достаточно привести один самый разительный: интервенция Америки в Южном Вьетнаме для предупреждения экспансии коммунизма вызвала бурю возмущения всей западной элиты, с демонстрациями, грозящими перейти в восстания, а варварское истребление Советским Союзом афганцев оставляет ее совершенно равнодушной.

Западные эксперты строят догадки о возможном направлении будущей советской внутренней и внешней политики, исходя из предположения, что в Кремле есть люди разного образа мышления и разных подходов — "прагматики" и "догматики",

"голуби" и "ястребы" — и что вместе с исчезновением с кремлевской сцены представителей старого догматического поколения может исчезнуть и сама старая догматическая идеология. Вот два типичных примера на этот счет. Накануне прихода к власти нового генсека в печать проникли сведения, что советники по советским делам президента Рейгана пришли к выводу, что за трон генсека борются два члена Политбюро — Горбачев и Романов. Но так как Романов "догматик", а Горбачев "прагматик", то Америке выгодно способствовать победе Горбачева. Вот и другой пример. Серьезному немецкому журналу политические последствия прихода к власти нового поколения Горбачева рисуются следующим образом: "Ровесники Горбачева в министерствах, службах информации, комбинатах, казармах... чувствуют себя свободными от догматических оков, в которые было заковано старое поколение... Их представитель Горбачев — не террорист в кожанке, не верующий марксист, не обычный политик, не закоренелый бюрократ... Он делец (махер). Он почти тип менеджера, с физиономией (необычной для ведущего товарища) веселой и хитрой... Когда он был в Лондоне, то искал общества банкиров и предпринимателей. Он и сам походит на них в своем костюме на заказ и золотыми часами... Кроме того, у него красивая жена". ("Шпигель", № 12, 1985).

В обоих случаях видимость принимается за сущее, актерство за реальность, деловые интересы за симпатию, к тому же переоцениваются личности и недооценивается система. Ведь в коммунистической партии, не только по доктрине власти, но и в ее историческом опыте, даже самые выдающиеся личности — сила относительная, а аппарат — сила абсолютная. Даже Сталина привел к власти первоначально

партаппарат против всех выдающихся личностей в партии того времени. Точно так же пришел к власти и Хрущев. Только Брежнева поставили во главе власти не одна, а три силы системы — партаппарат, политическая полиция и армия. Соответственно расширилась социально-бюрократическая база режима и сузилась власть партаппарата и его генсека. С тех пор реальная власть в Кремле не в руках отдельных личностей, которые стоят на переднем плане, а в руках анонимного аппарата власти, полиции и армии, которые и составляют "треугольник" верховной власти, опирающийся, в свою очередь, на гигантскую иерархию четко и согласованно функционирующих ячеек власти по вертикали и горизонтали.

Своими верховными представителями "треугольник" выбирает только тех, кто, по его убеждению, наиболее последовательно и вместе с тем наиболее эффективно будет проводить в жизнь координированную волю и программу всех его трех углов, в точном соответствии с марксистско-ленинской идеологией. Верят ли эти циники сами в свою идеологию — не имеет никакого значения в их практической политике. В этом смысле среди них могут быть не только "прагматики", но и отъявленные фарисеи. Главное в другом: только проповедь ими марксистско-ленинской веры оправдывает исторически и обосновывает политически их нахождение у власти. Эта же вера обязывает их быть "догматиками" во внутренней политике и "ястребами" во внешней. Поэтому попасть в эту компанию человеку с репутацией "голубя" куда труднее, чем евангельскому верблюду пролезть через игольное ушко. Ничто так наглядно не иллюстрирует сказанное, как новая "Программа КПСС" Горбачева. Приступим к ее анализу.

ЧАСТЬ IV. НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

Глава 1. Первая, вторая и третья программа партии

Михаил Горбачев политик, видимо, не без юмора. Это он доказал во время своего пребывания в Париже в октябре 1985 г., когда в полемике с американцами сослался на авторитет знаменитого восточного мудреца Хаджи Насредина. Горбачев рассказал, что когда Насредин ехал по Бухаре на осле, то народ говорил — где это видано, где это слышано, старый осел молодого везет. А когда он взвалил на себя осла и потащил его через город, то народ вновь упрекнул Насредина, что он тащит на себе осла. Так, мол, нас, советских лидеров, упрекали, что мы не делаем конкретных предложений о разоружении в Женеве, но теперь нас упрекают за то, что мы их сделали (но ультимативно связывая их с космосом).

Я не знаю, кто в последнем случае осел и кто Насредин, но жаль только, что Горбачев не вернулся еще раз к Хадже Насредину, когда критиковал на октябрьском пленуме ЦК автора третьей программы партии 1961 года Никиту Хрущева, тот ведь всенародно обещал, что за первое десятилетие, т.е. до 1970 года, Советский Союз превзойдет США по производству продукции на душу населения, а к концу второго десятилетия (до 1980 года) в СССР даже будет построен коммунизм. А ведь Хрущев тоже действовал скорее по рецепту Хаджи Насредина,

чем Карла Маркса, когда обещал стране совершить чудо, подобное тому, какое обещал тот же Хаджа Насредин халифу. Летописец деяний Насредина рассказывает: халиф вызвал однажды Насредина к себе во дворец и говорит ему: "Велика твоя слава в моем халифате. Говорят, что ты кудесник и творишь чудеса. Так скажи, можешь ли ты научить моего осла разговаривать?" Насредин ответил утвердительно. "Так вот тебе мой приказ: научи его говорить. Сумеешь — осыплю тебя золотом и сделаю тебя своим великим визирем, не сумеешь — отрублю тебе голову. Даю тебе пять лет срока". Когда дома встревоженная жена спросила его, как он мог дать такое обещание, Насредин ответил: "Жена, не печалься. Пять лет срок большой — за пять лет или осел издохнет, или старый халиф помрет, или я умру". Когда Хрущев фантазировал о чудо-коммунизме, который восторжествует в СССР через двадцать лет, ему было под 70 лет. В этом возрасте Хрущев вполне мог полагаться на мудрость Насредина в отношении собственной персоны.

Впрочем, так обстояло дело и с обещаниями первых двух программ. В первой программе РСДРП, совместно принятой на II съезде партии в 1903 г. будущими меньшевиками и большевиками, говорилось о программе-минимум и о программе-максимум. Согласно программе-минимум, в России после свержения самодержавия должна была установиться на продолжительное время демократическая республика. Программа-максимум говорила о перерастании в исторической перспективе этой демократической республики в социалистическую республику "диктатуры пролетариата". О какой "диктатуре пролетариата" шла

речь, видно из того исторического факта, что эта формула была включена в программу по единоголосному решению "Искры" в составе Плеханова, Ленина, Мартова, Аксельрода и Веры Засулич. Как известно, все эти члены редакции "Искры", кроме Ленина, впоследствии стали непримиримыми врагами того деспотического толкования, которое Ленин вкладывал в данную формулировку. Плеханов, Мартов, Аксельрод и Засулич понимали под "диктатурой пролетариата" то же самое, что и Маркс, а именно: власть большинства народа над меньшинством, и не отрицание демократии, а установление новой формы этой демократии, и то только на переходный период от капитализма к социализму. Ведь по Марксу и Энгельсу, первый акт пролетарского государства — национализация всех средств производства в стране будет и его последним актом в качестве государства. Государство не отменяют, оно само отмирает, ибо, по их теории, государство — это орудие подавления одного класса другим, но когда классы ликвидированы и подавлять некого, то исчезает и надобность в существовании самого пролетарского государства...

Хорошо известно, что все это Ленин истолковал по-своему, действуя воистину как волюнтарист, субъективист и узурпатор воли народа и партии, изложенной в ее программе. Народ провозгласил демократическую республику в России в феврале 1917 г. Об этой демократической России сам Ленин говорил, что она "самая свободная страна в мире". Но как раз эту самую свободную демократическую Россию Ленин и уничтожил через девять месяцев вооруженным заговором большевиков. Созданный после этого новый политический режим Ленин назвал "диктатурой

пролетариата". Когда ему указывали, что не "диктатура пролетариата", а диктатура одной его большевистской партии, то Ленин цинично отвечал: "Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: "Да, диктатура одной партии. Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем". (т. XXIV, 3-е изд., стр. 423).

Ленин начисто уничтожил в советском государстве не только все права и свободы, данные февральской революцией, но даже права и свободы, данные Николаем II в "Манифесте 17 октября" 1905 г. Вся свободная печать была запрещена, политические партии были ликвидированы, новая ленинская инквизиция — ЧК — свирепствовала по стране. Все тюрьмы были заполнены врагами большевизма. Впервые при Ленине были созданы и концлагеря, куда загоняли не только представителей старых враждебных классов, но заодно и старую интеллигенцию, офицеров царской армии и духовенство. Вот в разгар этого массового красного террора (в марте 1919 г.) заседает VIII съезд партии. И на этом съезде принимается по докладу Ленина вторая программа партии. Что же обещает Ленин в этой программе? Вот наиболее важные его обещания: 1. *Крестьянству*: "Никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допустим, сельскохозяйственные коммуны (тогда слова "колхоз" еще не было) — "совершенно добровольные союзы земледельцев; 2. *Рабочим*: "Профсоюзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым"; 3. *Нерусским народам*: "Право на государственное отделение"; 4. *Верующим*: "Необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующего"; 5. *Всей*

стране: "Лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене". (VIII съезд РКП (б). Протоколы. 1959, стр. 347—405).

Ни одно из этих обещаний ни Ленин, ни его наследники впоследствии не только не выполнили, но и не собирались выполнять. Тогда спрашивается, зачем они были даны? Ответ вытекает из обстановки, в которой они давались. Шла ожесточенная гражданская война в России. Финляндия, Прибалтика и Польша вышли из состава империи. Украина, Белоруссия, Кавказ и Туркестан также объявили о создании независимых национальных государств. В Сибири адмирал Колчак, на юге генерал Деникин, на Западе генерал Юденич, на Севере генерал Миллер создали добровольческие армии и во главе их двигались на центр большевистской власти, не говоря уже об интервенции военных союзников России. Вот это и заставило Ленина и большевиков записать названные обещания в свою вторую программу.

Если обещания Ленина во второй программе были чисто демагогическими, продиктованными страхом за судьбу большевистского режима перед грозившей ему гибелью, то обещания Хрущева в третьей программе были одновременно и демагогическими, и фантастическими, Хрущев не мог бы их реализовать даже при искреннем стремлении к этому.

Идеалы, идеи и системы идей — называемые идеологией — всегда играли в истории человечества выдающуюся роль. Не нужно быть историком, чтобы констатировать древнейшую истину: все великие события в мире, начиная с возникновения мировых религий и кончая революциями и войнами, подготавливались идеями, которые покоряли массу. Глубоко постиг эту истину основоположник самой значительной идеологии XIX века Карл Маркс. Его идеология, названная им самим "научным социализмом", на деле была и есть пятая мировая, но атеистическая религия. Только в отличие от классических религий, с признанием Бога и обещанием райской жизни на том свете, Маркс на место Бога поставил материю, а райскую жизнь обещал уже на этом свете, если люди перейдут в его атеистическую веру. Не нужно быть также марксистом, чтобы видеть корни возникновения новой марксистской религии в социальных условиях раннего капитализма, при которых родился Маркс. Первобытный, или ранний, капитализм рос не только на грабежах колониальных стран, но и на нечеловеческих страданиях народов метрополий. Первая страна капитализма, Англия конца XVIII и начала XIX века с ее глубокими социальными контрастами в обществе, где рост богатства немногих был прямо пропорционален обнищанию многих, как раз и послужила материальной базой наукообразного обоснования новой социальной религии с ее зажигательным призывом: создать новое общество, в котором в духовной жизни не будет насилия человека над человеком, а в материальной жизни утвердятся закон: люди работают по способностям, но получают по потребностям. Верил ли сам

Маркс в возможность создания такого гармоничного общежития человечества в будущем, для науки не имеет никакого значения. Значение имело другое: удастся ли новой социальной религии завоевать массы. Маркс хорошо знал из истории возникновения старых классических религий — иудейской, христианской, мусульманской, буддийской, что всякая новая идея, овладевающая массой, становится материальной силой, как выражался он сам. И у Маркса появились "верующие" — повсеместный рост революционного рабочего движения в Европе во второй половине XIX века в значительной мере был заслугой Маркса. Даже в России, где капитализм находился еще в пеленках, появились отечественные марксисты. Как и в каждой религии, так и в марксистской религии в конце XIX и начале XX века произошел раскол — образовались два лагеря в марксизме — лагерь "ревизионистов" (демократические социалисты Запада) и лагерь "ортодоксальных марксистов" (революционные социалисты или большевики в России). "Ревизионисты" стояли и стоят на точке зрения "мирного перехода" от капитализма к социализму путем широких социальных реформ, "ортодоксы" — за насильственное свержение капиталистического строя путем вооруженного восстания. В России ортодоксов возглавил Ленин, который раньше всех понял, что "научный социализм" сам по себе никогда не восторжествует на земле, но им можно и нужно воспользоваться как средством для достижения стратегической цели любого политика — захвата власти над Россией. Для этого надо создать в стране широко разветвленную конспиративную политическую организацию, поставив во главе ее узкое ядро профессиональных революционеров.

Такова была партия большевиков, которую создал Ленин. Однако в одном Ленин оставался верен "научному социализму" — в словесной проповеди коммунистической утопии Маркса он был неутомим. Исходя из этой утопии, чтобы завоевать влияние в низших слоях общества, играя на их низменных чувствах, он обещал им в будущем все, что только они могли сами себе желать.

Теперь вообразите себе на минуту такую фантастическую сцену: Ленин чудом воскрес, как в повести писателя В. Войновича, вышел из мавзолея и тут же на Красной площади начал выкрикивать лозунги: "Вся власть Советам", "Вся земля крестьянам", "Заводы и фабрики рабочим", "Долой постоянную армию", "Долой постоянную бюрократию", "Долой тайную полицию", "Зарплата министра должна быть не выше зарплаты среднего рабочего". Не требуется особой фантазии, чтобы представить себе теперь иную, на этот раз уже вполне реальную сцену — такого Ленина Чебриков и Горбачев быстро отправили бы на другую площадь — на Лубянскую.

А ведь все лозунги выдвинул сам Ленин в "Апрельских тезисах" 1917 г., чтобы повести за собой малограмотную народную массу на пути к власти. О социализме Ленин предусмотрительно умалчивал, ибо имел дело с крестьянской Россией, враждебной любой идее социализма, но, победив в революции, он начал строить при помощи ЧК "военно-казарменный социализм", названный "военным коммунизмом". Тогда восстало крестьянство, возмущена "гордость революции" — Кронштадт, угрожала восстанием столица революции — Петроград. Все это было после победоносного окончания гражданской войны. Трезвый политик, Ленин быстро почувал

опасность — если настаивать на идее социализма, то он потеряет власть. Чтобы ее удержать, надо дать стране другую идею, диаметрально противоположную социалистической — идею капиталистическую, с новым лозунгом: "обогащайтесь!". Так родился ленинский НЭП, спасший его режим от гибели, что было для него превыше всех идей. Проповедовать одно, делать другое, менять одни идеи на идеи противоположные, даже менять убеждения, если это диктуется интересами той же власти, — такой образ поведения большевики называют "диалектикой в политике", что в переводе на человеческий язык надо было бы назвать целеустремленным лицемерием.

Все, что говорилось до сих пор, касалось практической политики большевиков, но на словах коммунизм всегда выдавался за конечную цель партии. Так поступал даже Сталин, который вообще не верил никаким идеалам, кроме идеала единовластия. Хрущев был первым коммунистом в России, который хотел, вопреки исторической практике, сделать то, чего не удалось ни Ленину, ни Сталину: построить в СССР коммунизм по всем правилам Маркса.

Говоря о роли марксистской идеологии и ее месте в большевистской стратегии, нельзя не заметить, что при Сталине произошла "переоценка ценностей" большого тактического диапазона. Во-первых, он перенес акцент с социально-политического на национально-патриотическое. Идеалом Сталина сделалось не строительство утопического коммунизма в России, в котором народ давно разуверился, а превращение самой России из страны аграрной в мощную военно-индустриальную державу.

Во-вторых, он перешел от пропаганды убеждением к политике принуждения. Организованное насилие во всех сферах советской жизни — в экономической, трудовой, культурной, духовной — стало системой и сущностью режима. Сталин хорошо знал, что метод организованного насилия над волей человека является наиболее эффективным методом и имеет наглядное пропагандное значение для достижения его цели — люди, которые ежедневно видят, как сталинские чекисты сносят головы "контрреволюционерам", "вредителям", "саботажникам", кулакам и подкулачникам, будут, спасая собственные головы, выполнять любые приказы Сталина, даже такие, которые направлены против их жизненных интересов. Сталин объявил все марксистские рассуждения об "отмирании" государства при социализме вредительской контрреволюционной болтовней. Для Сталина новым квази-марксистским "кредо" стало создание всесильного государства-Молоха. Оказалось, что сталинская идея создания "государства-Молоха" или "государства-Левиафана" на практике легче осуществима, чем утопия Маркса. Сталинская установка — "догоним и перегоним" Запад за 10—15 лет — вызвала к жизни целое патриотическое движение, ибо лозунгом дня стал не коммунизм, не марксизм, а индустриализация страны и культ великой Родины.

Я хорошо помню, как в двадцатые годы литературный "генсек" и шурин оберчекиста Ягоды Авербах разносил в журнале "На литературном посту" великого русского поэта Есенина за стихи: "Небо—как колокол, месяц—язык, мать моя родина, я большевик". Авербах аргументировал: кулацкий певец Есенин не понимает, что

"родина" и "большевик" — понятия взаимоисключающие, ибо, по Марксу и Энгельсу, — у пролетариата нет отечества.

Сталин молчаливо объявил Маркса и Энгельса "безродными космополитами", синтезировал "родину" и "большевизм", причем с прописной буквы начал писать не большевизм или марксизм, а "Родину" и "Отечество". И он знал, что делал.

После крушения идеалов революции и всех программных обещаний большевизма, после ликвидации ленинского НЭПа и принудительной коллективизации, в ходе которой были уничтожены миллионы крестьян, в условиях начавшейся новой эры перманентного физического и духовного террора, не только малые народы, но и ведущая нация государства — сам русский народ — стал сплошь антисоветским. Знаток русской истории и толковый наблюдатель русского характера, Сталин отлично понимал, что каждый русский может стать врагом коммунизма, но ни один русский человек не станет врагом российского государства. Отсюда и новый идеал — ставка на великую, сильную и непобедимую, но большевистскую Россию, способную состязаться с любой мировой державой, а в перспективе со всеми ими вместе взятыми, как ныне это демонстрируют его наследники. Отсюда же и гигантомания Сталина — не просто Родина с большой буквы, а "великая" Родина, не только "русский народ", а "великий русский народ", не только "стройки", а "великие стройки", не только "Отечественная война", как в 1812 году против Наполеона, а "Великая Отечественная война" против Гитлера. Даже октябрь 1917 года, который Ленин и его соратники называли просто "Октябрьской революцией", или очень часто даже "октябрьским

переворотом”, Сталин также переименовал в ”Великую Октябрьскую социалистическую революцию”. Как раз война против Гитлера, которую Сталин вел не под знаменем марксизма и не во имя спасения социализма, а под знаменем русского патриотизма, во имя спасения Родины, целиком оправдала главный расчет его стратегии. Расчет этот заключался в том, чтобы спасти свой политический режим в маске русского патриота. Что Сталин попал в точку со своей ”переоценкой ценностей”, доказал и раскол русской белой эмиграции по вопросу, как отнестись к Сталину и его режиму в начавшейся войне. Большинство белой эмиграции, в числе которой были и такие ”белогвардейские зубры”, как Деникин и его генералы, как Милюков и его кадеты, как лидер меньшевиков Дан с его единомышленниками, как Керенский и его сторонники, стали оборонцами советской России против Германии. Многие эмигранты после войны взяли даже советские паспорта. Сотни из них вернулись на родину, чтобы быть впоследствии, разумеется, уничтоженными. Как только война кончилась, Сталин объявил не русский патриотизм подлинной причиной советской победы в войне, а превосходство советской социалистической системы над капиталистической системой Германии, тезис, который повторил Горбачев к 40-й годовщине окончания войны.

Обещания второй программы Ленина, как то: отказ от насильственной коллективизации крестьян, передача управления промышленностью в руки профсоюзов, признание права нерусских народов на самоопределение, а самое главное — отмена ограничений политических прав и свобод в ближайшем будущем, эти обещания носили чисто

тактический характер и были поставлены на службу его стратегической цели — любой ценой удержать захваченную власть. Ленин и не думал выполнять их, когда гражданская война кончится его победой. "Цель оправдывает средства" — в этом ведь и вся философия ленинизма.

В определенном смысле аналогичной была ситуация, которая сложилась в стране накануне принятия третьей программы партии. Эпоха Хрущева характеризовалась политическим и идеологическим кризисом внутри партии. Кризис этот не грозил режиму прямой гибелью, как во время принятия второй ленинской программы, но в определенном отношении новый кризис был опасен для судьбы режима, ибо он как бы прогнозировал окончательную потерю веры не только народа, но и самой партии в идеологию марксизма-ленинизма и был выражением сомнения в правомерности созданной на ее основе политической системы и социального общежития.

Вспомним тогдашнюю обстановку: на своем XX съезде партия объявила вчерашнего бога Сталина не только лже-богом, но и массовым убийцей. Последующие разоблачения уголовных преступлений Сталина и его чекистов во главе с Ежовым и Берия, приведших к гибели миллионов невинных людей во имя идеалов "партии Ленина-Сталина", убеждали людей, что если Сталин и его соратники — преступники, то должна быть преступной и политическая система, созданная им. Более того. Идея, во имя которой совершались эти преступления, идея коммунизма, — чистейшая и несбыточная утопия. В этих условиях в возможность построить коммунизм, вероятно, верил только один человек в партии — сам Хрущев. Вера

Ленина в коммунизм сомнительна, по крайней мере в такой коммунизм, который рисовался Марксу и Энгельсу. Сталин ни в какой коммунизм вообще не верил. Однако в партии большевиков был довольно большой слой идейных революционеров, которые свято верили, что коммунизм — это реальное будущее всего человечества. Во время кровавых чисток тридцатых годов Сталин уничтожал как раз этих "верующих" фанатиков коммунизма, справедливо считая их с их допотопными идеалами самыми опасными врагами для себя. В партии сохранились только оппортунисты, карьеристы и те "двурушники", которые сумели спрятать свой идеализм под маской цинизма, совершая преступления по приказу того же Сталина. К этим единицам, думаю, принадлежал и Хрущев. При первой же возможности Хрущев скинул сталинскую маску и на XX съезде партии в 1956 г. бесцеремонно разоблачил своего бывшего повелителя. В нем вновь заговорил, как и в годы гражданской войны, убежденный коммунист, что, впрочем, позже привело его к гибели как раз от рук убежденных сталинцев.

Через пять лет — на XXII съезде партии в 1961 г. — Хрущев, продолжая разоблачать культ личности и преступления Сталина, заодно открыл перед партией и страной преступления и всего состава сталинского Политбюро. Из разоблачений Сталина Хрущев сделал и свой вывод — XXII съезд постановил выкинуть саркофаг с гробом Сталина из мавзолея Ленина за его "массовые репрессии против честных людей".

Так, символически оторвав Сталина от Ленина, Хрущев решил вернуть партии веру в победу коммунизма не в отдаленном, а в ближайшем будущем, еще при жизни нынешнего поколения

советских людей. Хрущев предложил на утверждение съезда новую, третью программу партии. Коллектив авторов ЦК во главе с секретарем ЦК КПСС Пономаревым объяснил, почему новая программа носит такой конкретный характер: "Важнейшая черта новой Программы КПСС, — сказано в "Истории КПСС" 1962 года, — ее конкретность и научная обоснованность... Люди могут теперь ясно представить себе здание коммунизма, знают, как надо его строить, как будет в нем организована жизнь". ("История КПСС", 1962, стр. 735).

Сейчас тот же Пономарев и его новый шеф Горбачев видят основной недостаток программы Хрущева как раз в ее конкретности. Действительно, Хрущев не ограничился словоблудием сталинских времен о коммунизме, не пережевывал вновь старый сталинский лозунг "догнать и перегнать Америку", а конкретно записал: Америку он догонит через десять лет, а коммунизм построит через двадцать. Более того. Съезд единогласно записал, что в конце двадцатилетия СССР будет производить промышленной продукции вдвое больше, чем ныне производится во всем несоциалистическом лагере. Однако цель Хрущева была не столько строительство коммунизма, сколько, как уже говорилось, восстановление в партии потерянной веры в этот самый коммунизм. После всего исторического опыта этого можно было добиться не отвлеченными поступками, а конкретной программой действий с указанием материальных благ, которые ждут советских людей в ближайшие, конкретно установленные сроки. Но вот как раз это обстоятельство толкнуло Хрущева на путь безудержной фантазии. Он обещал ввести уже в первом десятилетии 35-часовую рабочую

неделю, покончить с нехваткой жилья, увеличить отпуска, полностью удовлетворить потребность в дошкольных учреждениях.

Во втором десятилетии, утверждала третья программа КПСС, каждая семья будет иметь благоустроенную квартиру, коммунальный транспорт будет бесплатным. Бесплатным будет также и общественное питание на предприятиях, в учреждениях и для занятых в производстве колхозников. Мы говорим об этой программе как о программе Хрущева, ибо он был ее инициатором, но она была торжественно провозглашена от имени всей партии на съезде партии и 25 лет считалась ее действующей "программой". И она сослужила свою службу. Фантастическая в своих конкретных обещаниях, она помогла партии отвести опасность, которая грозила ее господству, и, поругивая Сталина, сохранить и укрепить именно сталинскую систему управления страной.

Глава 2. Внутриполитическая часть новой программы

На последнем съезде Брежнева в феврале 1981 г. было решено разработать новую редакцию действующей программы. Над этой редакцией работали пять лет четыре генсека — Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев. В результате родился совершенно необычный документ, который во внутриполитической части больше похож на экономическую инструкцию Госплана, чем на политическую программу партии. Это верно, что внутренняя политика коммунистического государства, где все средства производства, в том числе и люди, национализированы, — это политика прежде всего экономическая и что в этом смысле сама политика, как Ленин выражался, пользуясь терминологией своего любимца Бухарина, является "концентрированным выражением экономики". И все-таки партия есть политический руководитель, а не экономический инструктор. В данной программе, впервые в ее истории, партия предписывает не экономическую политику, а экономическую технологию советским хозяйственникам, которые в этих вопросах лучше разбираются, чем партия, но, будучи загнаны этой партией в антихозяйственные рамки догматической философии, лишены возможности проявлять творческую инициативу. Вообще новая программа совершенно серое, канцелярское, типично бюрократическое

тическое творчество, в ней нет ни вдохновляющих идей программного документа, ни политического пафоса исторического манифеста, на что были большие мастера марксисты старой школы. Но что еще более странно: в программе, насквозь пронизанной демагогией о великих преимуществах социализма, нет даже демагогических обещаний. Сразу видно, что авторы новой программы, находясь под шоком невыполненных обещаний третьей программы, решили ограничиться экономическими инструкциями — что делать, и общими политическими рассуждениями, как будущие советские люди станут счастливыми когда-нибудь при будущем коммунизме, ибо, признается программа, только при нем исчезнет социальное неравенство между советскими людьми.

Имея в виду легкомысленную фантазию старой программы, Горбачев докладывал на октябрьском пленуме ЦК (1985), что новая редакция программы должна "быть свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции". ("Правда", 16.10.1985). "Игра в дефиниции" заключалась, очевидно, в том, что три его предшественника — Брежнев, Андропов и Черненко — выдумали неизвестную основоположникам марксизма-ленинизма новую фазу в коммунизме. По их единогласному утверждению выходило, что между низшей фазой коммунизма — социализмом — и его высшей фазой — самим коммунизмом, существует еще другая фаза (или другой этап), которую они окрестили совершенно неизвестным в марксизме термином: "развитой социализм". На XXVI съезде Брежнев доказывал, что после того, как в СССР уже построен социализм, наступил этап

строительства "развитого социализма", который составит целую историческую эпоху на путях к коммунизму. Во французском переводе своей книги о правлении Брежнева, которая вышла сейчас же после съезда ("La Methode Brejnev", Fayard, 1981), я подверг критике это новое "открытие" в марксизме Брежнева, как явно антимарксистскую ересь. Эту критику я повторил в русской свободной печати, когда его преемник Андропов объявил главной целью новой редакции программы дать развернутую характеристику "развитому социализму", а главной программной задачей признать "планомерное и всестороннее совершенствование развитого социализма" (даже семантически фраза: "совершенствовать развитой социализм" — явный нонсенс, ибо нельзя совершенствовать уже совершенное). В докладе Горбачева термин "развитой социализм" исчез. Он сказал: "Третья программа в ее нынешней редакции — программа совершенствования социализма", опустив прилагательное "развитой". Что это было сделано намеренно, показывает продолжение его мысли: "Мы твердо держим курс на коммунизм, исходя из того, что между двумя фазами единой коммунистической формации нет и не может быть резкой грани". ("Правда", 16. 10.1985). Во всей новой программе мимоходом и в ином смысле только один раз встречается "развитой социализм", но без "совершенствования". Кажется, я имею право претендовать на приоритет критики антимарксистской отсебятины предшественников нового генсека, заслуга явно мизерная, ибо величайшей отсебятиной был и остается сам их первоисточник — утопическая идеология. Однако, и в новой программе есть установки заведомо нереальные, которые не могут

быть осуществлены иначе, как путем радикальных социальных и экономических реформ. Например, такая установка: "Достижение высшего мирового уровня производительности общественного труда, качества продукции и эффективности производства" или следующая цель: "Уже до конца 2000 года должно быть достигнуто удвоение производственного потенциала страны при *коренном качественном его обновлении*". Этим целям предпослана такая загадочная фраза: "Предстоит осуществить *крутой поворот*". Такую терминологию Ленин употреблял при переходе от "военного коммунизма" к новой экономической политике (НЭП). Ее употребляют сейчас и китайские коммунисты, обосновывая свой НЭП. На любом политическом языке "поворот" означает полное изменение курса или направление политики в какую-нибудь другую сторону. Пока что Горбачев занят продолжением старого экономического курса, лишь корректируя его частности. Может быть, это лишь проба и подготовка к предстоящему "повороту"? Судить об этом трудно и гадать бесполезно. Зато обещания в области социальной политики так сформулированы, что даже при их невыполнении оставляют возможность заявить, что они выполнены. Вот как они изложены: 1) "КПСС ставит задачу поднять благосостояние советских людей на качественно новую ступень"; 2) "Уже в ближайшее пятнадцатилетие намечается удвоить объем ресурсов, направленных на удовлетворение потребностей народа"; 3) "Уменьшение ручного труда" (из советской прессы известно, что ручной труд в СССР составляет 40 %, совершенно дикая цифра для капиталистических стран); 4) "К 2000 году *практически* каждая советская семья будет

иметь отдельное жилье” (из советской прессы известно, что 20 % городского населения не имеют квартир, а оговорка ”практически” указывает на неуверенность авторов программы, что это положение изменится). 5) ”Пенсионное обеспечение колхозников постепенно приблизится к уровню, устанавливаемому для рабочих и служащих”. Последний пункт о колхозниках даже как обещание звучит очень жалко, особенно в устах бывшего колхозника и помощника комбайнера, ныне генсека Горбачева. Ведь в СССР существуют два пролетариата: городской индустриальный пролетариат, относительно лучше обеспеченный, и пролетариат второго сорта — деревенский колхозный пролетариат, лишенный даже тех весьма скромных социальных привилегий, которыми пользуется городской пролетариат. Оказывается, к концу 2000 года колхозный пролетариат только приблизится к городскому пролетариату, и то только в пенсионном обеспечении.

Советскому социализму вскоре исполнится 70 лет. Единственно, в чем он преуспел за это время в социальной жизни — это уничтожение старых господствующих классов и создание вместо них новых господствующих классов — материально более привилегированных, ибо государство — это они. Философию создания ”бесклассового социалистического общества” они давно осмелили как ”мелкобуржуазную уравниловку”. Принцип социализма ”платить по труду” они расшифровали дифференцированно — представители господствующих классов получают по ”капиталистическому” принципу за качество услуг режиму, прямо пропорционально высоте ступени в служебной иерархии, на которой они находятся, трудовые

классы получают по "социалистическому" принципу за количество труда — "знатные производственники" или "рабоче-колхозная аристократия" с надбавкой за заслуги перед режимом, а рядовая масса лишь за отработанные или отсиженные часы.

Новая программа не вносит изменения в эту социальную структуру и не предусматривает уменьшения социальной дистанции между классами в советском обществе. Наоборот, она увековечивает их. Соответствующее место гласит: "Полное преодоление различий, формирование однородного общества завершится на высшей фазе коммунизма". Когда наступит эта "высшая фаза коммунизма", программа умалчивает, а гадать на эту тему Горбачев считает "беспочвенной фантазией". Трудно с ним не согласиться.

Особенный интерес представляет в программе раздел "Развитие политической системы советского общества". Интересен он не новыми идеями, которых там нет, а продолжением сталинской фальсификации учения классиков марксизма о судьбе государства при социализме-коммунизме. Приняв хрущевскую "игру в дефиниции" о том, что "диктатура пролетариата" превратилась в СССР в "общенародное государство", авторы программы сами продолжают "игру в дефиниции". Они пишут, что это "общенародное государство" есть "социалистическое самоуправление", оно будет существовать и при коммунизме, но будет называться уже "коммунистическим самоуправлением". Причем "ведущей силой этого исторического процесса выступает партия — ядро политической системы советского общества"; это мы уже слышали из программы Хрущева и "Конституции" Брежнева, но то, что мы слышим сейчас

от Горбачева по поводу государства — совершенно ново и беспрецедентно не только в марксизме, но даже в самом советском государственном праве. Программа объявляет советское государство всего лишь "звеном" в партийно-политической системе, наряду с другими "звеньями", как профсоюзы, комсомол, кооператив и т.д. Вот соответствующее место: "Под ее (то есть партии) руководством функционируют все другие звенья этой системы — *советское государство*, профессиональные союзы, комсомол, кооперативные и другие общественные организации". И тут же, явно противореча самим себе, приводят слова Ленина, что трудящиеся не знают при советском строе "никакой другой власти, кроме власти их собственного объединения". Ведь "власть их собственного объединения" и есть государство народа, тогда как партия составляет в этом советском государстве и сейчас только каких-нибудь шесть процентов народа. Это, конечно, право партократов кощунствовать над своим вероучителем, но почему фальсифицировать общеизвестные факты? Ленин держался в вопросах судьбы государства при социализме позиции Маркса и Энгельса. Она широко известна из трудов Ленина, распространяемых в миллионах экземпляров не только в СССР, но и во всем мире (ЮНЕСКО выпустило только в 1979 г. 409 переводов Ленина на разных языках мира, вот куда шли американские доллары — США оплачивали 25 % расходов ЮНЕСКО).

Ленин написал свою известную работу "Государство и революция" в августе 1917 г., за два месяца до захвата власти. Ленин ее переиздал через четырнадцать месяцев после установления в России "диктатуры пролетариата". Это значит — свои

установки о судьбе этой диктатуры, которые он отстаивал до октябрьского переворота, он сохранял в полной неприкосновенности и после своего прихода к власти. Какие же это установки? Ленин с полным одобрением цитирует Энгельса: "С исчезновением классов исчезает неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину... в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором". (Ленин. "Государство и революция", 1952, стр.14). Ленин комментирует Энгельса: "Буржуазное государство не "отмирает" по Энгельсу, а "уничтожается". Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство" (стр.17). В новой программе есть ссылки на "Коммунистический манифест" и на "уроки Парижской Коммуны", но не расшифрованные ссылки бьют по антимарксистским позициям авторов программы. В самом деле, что же считали Маркс и Ленин наиболее важными уроками Парижской Коммуны? Вот рассуждения Ленина: "Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы всем должностным лицам в государстве до уровня "заработной платы рабочего". Тут как раз, — продолжает Ленин, — всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской... И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте — уроки Маркса *наиболее забыты*" (стр. 40). Эти слова Ленина никогда не звучали так актуально для советского социализма, как сегодня. Продолжая

комментировать Маркса, Ленин добавляет: "Полная выборность, сменяемость в *любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной заработной плате рабочего, эти простые и само собой понятные демократические мероприятия... служат мостиком, ведущим от капитализма к социализму" (стр.41). Каждый знает, что такого "мостика" в СССР нет уже почти 70 лет. Спрашивается, почему же Ленин, находясь у власти, не установил такого социалистического порядка? Он его установил в виде "военного коммунизма". Ограничил жалованье советским чиновникам, даже объявил выговор своему помощнику Бонч-Бруевичу за то, что тот самовольно увеличил Ленину зарплату на несколько рублей. Но вот в утопию Ленина ворвались Кронштадт и Тамбов, и ему пришлось вернуться к реальности: дать стране НЭП, но считая, что это временная пауза, "передышка", а потом все пойдет так, как при Парижской Коммуне. Потом пришел Сталин со своей "диалектикой" — государство отмирает только через его максимальное усиление. Эта идея Сталина записана в новой программе так: "*Ключевой вопрос политики партии — развитие и укрепление советского социалистического государства*", как будто оно мало "развито" под диктатурой парт-олигархии.

Однако, как я уже отмечал в других своих исследованиях, в Советском Союзе все-таки произошло постепенное отмирание государства в том смысле, что все классические функции нормального государства — законодательная, исполнительная, судебная — перешли от государства к партии, пока и само государство не стало простым "звеном" этой партии. Дело дошло до того, что новый генсек

совершенно резонно отказался играть в бутафорию, взяв на себя роль "главы" государства или председателя правительства, ибо генсек обоих заменяет в одном лице, хотя согласно "Конституции СССР" все международные документы, подписанные одним генсеком, без указания его полномочий от имени Президиума Верховного Совета СССР, не имеют юридической силы.

Характерно в новой программе уравнивание войск КГБ с советской армией. Впервые в истории советского режима КГБ добился при правлении Горбачева не только введения его трех генералов в Политбюро, но большего: чтобы его поставили в один ряд с советскими вооруженными силами как раз в той области, где приоритет принадлежал до сих пор вооруженным силам — оборона границ СССР от внешней агрессии. Да, пограничные войска, как охрана, подчинены КГБ СССР, но закон гласит: "В СССР пограничные войска — составная часть вооруженных сил" (БСЭ, т. 20, стр. 90). Когда происходит война, пограничные войска автоматически переходят в подчинение командования советской армии. Теперь в новой программе поддерживается их независимость и равноправие с советской армией. Вот соответствующее место: "Вооруженные силы и органы государственной безопасности должны проявлять высокую бдительность... всегда быть готовыми к разгрому любого агрессора". В третьей программе этого тезиса не было и не могло быть. Во всех партийных документах после XX и XXII съездов подчеркивалось, что органы госбезопасности поставлены под контроль партии и работают под ее руководством, причем КГБ не входит в состав Совета министров СССР, а находится при нем. Это указание исчезло из новой программы, зато

появилось другое указание: вооруженные силы находятся под контролем партии и действуют под ее руководством. В программе сказано: "Основой основ укрепления обороны социалистической Родины является руководство Коммунистической партии военным строительством, вооруженными силами. При руководящей роли партии вырабатываются и осуществляются политика в области обороны и безопасности страны, советская военная доктрина... КПСС считает необходимым и в дальнейшем усиливать свое организующее и направляющее влияние на жизнь и деятельность вооруженных сил... Повышать роль и влияние политорганов и партийных организаций армии и флота". Я нарочно привел эту длинную и саму себя повторяющую цитату, чтобы подчеркнуть обоснованность высказанного мною в другой главе предположения: вооруженные силы были в оппозиции к назначению генсеком Горбачева вместо ее кандидата Романова. Уже нет больше сомнения, что в эту "военную оппозицию" входили из видных военачальников: начальник Главного политического управления армии и флота Епишев, маршал Генштаба и главнокомандующий стратегическими войсками Толубко, бывший начальник Генштаба Огарков, главнокомандующий флотом адмирал Горшков.

Перейду к жизненно важному вопросу для страны — какие виды на реформы, судя по новой программе?

Программа ничего не говорит о реформах, но нельзя также утверждать, что она их исключает. Будут ли они или нет — это тайна двух ведущих вождей Советского Союза — Горбачева и Чебрикова. В выступлениях обоих можно найти как элементы предстоящих реформ, так и целые

куски против них, когда они подчеркивают, что последовательно будут держаться линии XXVI съезда партии и последующих пленумов ЦК. Однако, таким заверениям о преемственности нельзя придавать преувеличенное значение. Сталин пришел к власти под знаменем защиты НЭПа, утверждая, что он хочет сохранить ленинский НЭП на целую историческую эпоху, но, крепко усевшись в седле власти, через пару лет Сталин ликвидировал НЭП. На похоронах Сталина его наследники поклялись продолжить "генеральную линию" "партии Ленина-Сталина", а через пару лет, на XX съезде, они объявили Сталина лже-богом и преступником. Точно так же могут поступить и вожди нового Политбюро, когда они окончат нынешнюю бескровную, вторую "Великую чистку" во всей партийной и государственной иерархии созданием нового ЦК на XXVII съезде в феврале 1986 года. Это собственно и есть предварительное условие любых реформ и изменений как в структуре власти, так и в социально-экономической жизни страны. Есть, хотя очень неопределенный, но все же в принципе важный намек изменения и в новой программе в следующей знаменательной формулировке: "Партия будет и дальше способствовать тому, чтобы расширялись и обогащались социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан". Указание на возможные реформы и изменения содержится также в многозначительном докладе Чебрикова к 68-й годовщине Октября. В этом докладе есть одна цитата из Ленина, которая в нынешних условиях говорит больше, чем все речи Горбачева и вся программа в целом. Чебриков говорит: "Наша партия, как об этом говорил В.И. Ленин, научилась "необходимому

в революции искусству — гибкости, умению быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным". ("Правда", 7.11.1985). Чебриков не указал, когда и в каком сочинении Ленин говорил так. И это, видимо, не без умысла, ибо эти слова были сказаны Лениным за год до перехода от "военного коммунизма" к НЭПу, в книге "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" в 1920 г. Комментируя Ленина применительно к сегодняшним условиям в СССР, Чебриков продолжает: "Да, мы меняем тактику и совершенствуем стратегию, мы выбираем наиболее целесообразные, соответствующие изменившимся условиям пути к нашей цели... Взят решительный курс на пересмотр всего того, что не оправдало себя, тормозит наше движение". Сославшись на Ленина и обрисовав тяжелую обстановку в стране, Чебриков отважился на заявление, которое в ушах догматиков может звучать как злокачественный "ревизионизм" и "реформизм". Вот оно: "Некоторая часть кадров утратила вкус к своевременному осуществлению диктуемых жизнью *реформ и изменений*" (там же). Вот эту "некоторую часть кадров", сопротивлявшихся реформам, на протяжении двух десятилетий возглавляли Брежнев и Черненко. Они загубили даже куцые реформы Косыгина. Однако, надо отметить и другое важное обстоятельство: каждый раз, когда в стране предпринимались реформы или существенные отступления, то это происходило либо в результате давления народа или когда система заходила в тупик, очевидный даже для ее водителей. Так было

во время введения НЭПа, как ответ на восстания в Кронштадте и Тамбове; так было и с выпуском статьи Сталина "Головокружение от успехов" в ответ на антиколхозные восстания в деревне. Даже закрытие концлагерей последовало не сразу после смерти Сталина, а через три года в результате ряда восстаний в концлагерях, что теперь знает весь мир из "ГУЛага" А.Солженицына. Сегодняшний кризис режима и его экономической системы тоже есть результат незримого, но массового, по виду пассивного, по существу внушительного давления народа. Это советский тип забастовки — приходить на работу, чтобы плохо работать или даже не работать. Другими словами, в стране, в конце правления Брежнева, происходил молчаливый, никем не организованный, но общенациональный *трудовой саботаж*. Причина известна правителям Кремля: люди хотят, чтобы их труд оплачивался справедливо, они хотят, чтобы за эту плату можно было купить все, в чем нуждается человек, они хотят, наконец, жить в жилищах, достойных людей. В СССР ничего не ценится так дешево, как именно труд рядового человека. На самом деле, сравните оплату труда рабочего человека при "социализме" и при капитализме. Возьмем Западную Германию, которая начала восстанавливать свою экономику после войны буквально с нуля. Так вот, в переводе на немецкие деньги советский рабочий имеет месячный доход 640 марок, а западный немец — 2817 марок ("Вельт ам Зоннтаг", 10.10.1984). Низкий уровень материальной жизни людей индустриальной страны резко снижает производительность труда и тормозит рост общенационального дохода. Запад производит больше продукции на душу населения потому, что

платит своим рабочим и служащим в три-четыре раза больше, чем Советский Союз. Вот сравнение: США в начале восьмидесятых годов производили на душу населения продукции стоимостью 12 820 долларов, а Советский Союз стоимостью только 4 550 долларов ("Вельт ам Зоннтаг", 27.10.1985). Соответственно и стандарт жизни западно-немецкого и американского рабочего в три-четыре раза выше, чем у его советского коллеги. Все, что здесь говорится, давным-давно сказано Лениным о советской донэповской системе — человек не работает, если у него нет материального стимула. Коммунистическая сознательность функционирует лишь на партийных собраниях, а в жизни диктуют материальные интересы. Когда в Кремле поймут эту истину, система начнет выходить из кризиса. Тут очень поможет им их учитель Ленин. В этой связи я хочу привести в свидетели человека, которого никто не признает серьезным политическим свидетелем, но и никто не заподозрит в нелояльности к режиму. Я имею в виду поэта Евгения Евтушенко. Он хорошо ориентируется в кремлевских джунглях и не лишен дара предчувствовать колебания политического барометра партии ("Наследники Сталина"). Он держал исключительную речь в декабре 1985 г. с трибуны VI съезда писателей РСФСР. Я хочу привести из нее первые два абзаца: "Две цитаты. Толстой: "Эпиграф к Истории я бы написал: "Ничего не утаю". Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая". Щедрин: "Система самовосхваления может быть причиной сновидений, бесспорно весьма приятных, но вместе с тем и крайне обидного пробуждения"... Ленин был воспитанником русской

классики. Когда страну раздирали разруха и голод, Ленин не боялся атаковать новую совбюрократию... и ставя интересы изголодавшегося народа превыше всего, бесстрашно перевел страну на рельсы новой экономической политики. Ленину была чужда провинциальная оглядка на все, что скажут заграничные княгини... Сегодняшнее долгожданное стремление к переменам к лучшему в жизни вселяет в нас глубокие надежды, уверенность, что самовосхваление будет навсегда отринуто, а неумалчивание станет нормой гражданского поведения". ("Литературная газета", 18.12.1985). Если эта вдохновенная политическая речь поэта не есть прямо результат его информированности, то все же она, видно, воспроизводит атмосферу ожидания перемен в стране.

Глава 3. Внешнеполитическая стратегия в новой программе

Настольной книгой международной тактики и стратегии чередующихся генсеков является уже упомянутая "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" Ленина, которая с полным правом может быть названа современным большевизированным "Государем" Макиавелли. Именно данная книга представляет собой "Политическое завещание" Ленина для его учеников во внешней политике. Презрение к общепринятым нормам человеческой морали в политике в этой книге ставит Ленина в один ряд с его знаменитым духовным прототипом, но как мастер политической стратегии, основанной на безнравственности, он превзошел его. Достаточно сказать, что Макиавелли, дававший столь умные советы "Государю", как преуспеть в политике и как безопасно править государством, сам стал на скромном посту секретаря Совета республики родной Флоренции легкой жертвой тирании Медичи, а вот его духовный наследник Ленин, руководствуясь заимствованной у него политической философией, покорил одну шестую часть мира. Руководствуясь этой же философией, его ученики в Кремле полны решимости завершить дело Ленина во всем мире. Изгоняя из новой программы святое святых ленинизма — насильственную "мировую

революцию", "диктатуру пролетариата", доктрину о разгроме "буржуазной государственной машины", изгоняя из нее также и ленинское осуждение пацифизма, как обмана трудящихся, разоблачение социал-демократов, как лакеев буржуазии, авторы новой программы отдали дань радикально изменившейся со времени старых программ международной ситуации. Эта ситуация, как никогда, требует максимальной маскировки истинных целей и величайшей эластичности в их преследовании. Ура-революционное фразерство, как и лозунги, выражаясь по Ленину, "революционного ребячества" совсем изгнаны из программы. Даже по отношению к мировому капитализму новая программа настроена очень миролюбиво и предлагает ему прямо-таки идиллическое "мирное сосуществование". Но все это на самом деле не стратегия Кремля, а тактика, адресованная либеральной элите на Западе. Авторы программы хорошо усвоили основополагающие тактические советы Ленина из "Детской болезни". Приведу из них только два совета: 1. "Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годна такая политика революционного класса, которая не сумеет продолжать "лавирование, соглашательство, компромиссы", чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения". (Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 31, стр. 58). 2. "Надо уметь... пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды... Конечно, в Западной

Европе, особенно пропитанной буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать трудно, но ее можно и должно проделать и проделывать систематически". (Там же). Чем Ленин не Макиавелли! Разница только не качественная, а количественная — Макиавелли распространен только среди политологов, а Ленин занимает второе место после Библии по количеству переводов на языки народов мира.

В своем усердии следовать тактическим советам Ленина, авторы программы не останавливаются даже перед прямой фальсификацией Ленина, приписывая ему вещи, которых он никогда не говорил. Новая программа утверждает: "КПСС твердо и последовательно отстаивает *ленинский принцип мирного сосуществования* государств с различным общественным строем".

Это кричащая неправда, что "мирное сосуществование" между социализмом и капитализмом является "ленинским принципом". Во-первых, Ленин термина "мирное сосуществование" вообще не знает, во-вторых, для опровержения этого тезиса можно привести не отдельные цитаты из Ленина, а фундаментальные книги Ленина, такие, как "Пролетарская революция и ренегат Каутский", "Государство и революция", "Детская болезнь левизны", доклады на съездах партии и конгрессах Коминтерна, в которых красной нитью проведена ведущая идея ленинизма: советская Россия и капиталистический мир не могут жить рядом друг с другом, поэтому главная стратегическая задача советской России — это организовать, если необходимо, даже при помощи советских вооруженных сил, разгром капиталистического мира.

Чтобы не быть голословным, приведем и некоторые цитаты из них. Еще до революции Ленин, доказывая, что социализм не может одновременно победить во многих странах, считал главной задачей той страны, в которой социализм победил первым, — организовать его победу и в других странах. Вот его рассуждение: "Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира... поднимая в них восстания... выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств... Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами". (Ленин, т. 28, стр. 232—233).

Сделавшись уже главой первого в мире социалистического государства, Ленин · вовсе не стал "дипломатом" и у него и в мыслях не было проповедовать "мирное сосуществование". Он писал: "Международный империализм... ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой... Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию". (Ленин, т. 22, стр. 317).

На VIII съезде партии в 1919 году, на котором была утверждена его вторая программа, Ленин нашел нужным еще раз обосновать свой старый тезис о невозможности, выражаясь теперешней терминологией, "мирного сосуществования" социализма с капитализмом. Вот соответствующее место

из его доклада: "Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств*, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежны". ("VIII съезд РКП (б). Протоколы". 1959, стр.17). Через год, в 1920 г., Ленин, отбросив всякие дипломатические условности и теоретические выкладки, откровенно заявил: "Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот". (Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 31, стр. 360—361).

Таких или подобных им цитат из Ленина можно привести бесчисленное количество, зато нельзя привести ни одной цитаты, говорящей о "ленинском принципе мирного сосуществования", ибо Ленин не христианский проповедник о мире на земле и любви к ближнему... Ленин не Толстой, даже не Ганди с его "пассивным сопротивлением". Ленин неутомимый проповедник гражданских войн внутри стран и освободительных войн и революций в мировом масштабе. Каждый, кто отважится заглянуть хотя бы в названные выше книги, убедится в этом с первых же строк. Тогда спрашивается, почему авторы новой программы так бесцеремонно фальсифицируют своего учителя? Неужели они не боятся, что от них потребуют доказательств о "миротворце" Ленине или поймают их с поличным, заглянув все-таки в его труды. Такой опасности не существует. Либеральные профессора верят им на слово, а западные политики никогда не возьмут в руки скучного для них Ленина. Поэтому те и другие

поверят в "ленинский" принцип, что и требовалось доказать. Однако проблема в другом — как можно верить людям, которые фальсифицируют своего учителя, вместо того, чтобы сказать — да, Ленин думал иначе, но мы пришли к выводу, что стратегия Ленина устарела и сейчас, в век атомного оружия, нет другого выхода, как "мирное сосуществование" между антагонистическими политическими системами. Такое признание предполагает честность намерений, поскольку ее нет, приходится лгать и сочинять легенды. Правда, данная легенда перекочевала сюда из третьей программы. У ее истоков стоит Хрущев. Однако Хрущев открыто заявил на XX съезде партии (1956 г.) о несостоятельности учения Ленина о том, что в эпоху империализма одинаково неизбежны как войны, так и революции на их основе (впоследствии эту ревизию ленинизма Хрущев объяснил тем, что в результате атомной войны будут мировые руины, а не мировая революция). Но чтобы оправдать себя перед догматиками, Хрущев приписал Ленину новую догму о "сосуществовании". Так что большевистские лидеры, гордящиеся преемственностью своей идеологии, преемственны и в ее целенаправленной фальсификации. Из третьей, хрущевской программы взята также другая ревизионистская идея, что коммунистические революции могут быть "мирными" и "немирными" (по Ленину, "мирная революция" — нонсенс, антимарксистский продукт западных реформистов и русских меньшевиков). Однако наиболее выпукло антиленинский ревизионизм горбачевского руководства выражен в следующем центральном тезисе новой программы: "КПСС исходит из того, что исторический спор между двумя противоположными

системами, на которые разделен современный мир, может и должен решаться мирным путем". В свете того, что мы уже знаем об отношении Ленина к судьбе "двух систем", — данный тезис ярко антиленинский, но, с другой стороны, сама эта ревизия Ленина предпринята в целях спасения ленинизма, делая его "салонным" в широких либеральных, пацифистских и даже в социалистических кругах (вспомните заигрывание Социалистического Интернационала с КПСС). Какая цена этому "мирному разрешению исторического спора", видит весь мир на трагическом примере Афганистана, оккупированного советской армией, на примерах оккупации советскими "заместителями"-кубинцами Анголы и Эфиопии, вьетнамцами Камбоджи, советско-кубинской революции в Никарагуа, зверств коммунистических банд в Эль Сальвадоре, если перечислить только главные очаги "мирного пути" наших дней. И вот организаторы всего этого, раздувая одной рукой пожар мировой коммунистической войны, другой рукой записывают в свою программу лозунг, украденный ими у западных пацифистов: "Мир без войн, без оружия — идеал социализма". В программе приоритеты глобальной стратегии КПСС в отношении "мирного пути" поставлены очень отчетливо. На Западе она ориентируется на создание чего-то вроде второго "народного фронта". Отсюда реверансы программы в сторону сил, которые накануне войны объединились с коммунистами в Европе "против фашизма и войны" (фронт этот развалился, когда Сталин заключил пакт с Гитлером и спровоцировал как раз развязку войны). В программе сказано: "КПСС будет продолжать линию на развитие связей с социалистичес-

кими, социал-демократическими, лейбористскими партиями... для плодотворного и систематического обмена мнениями, для параллельных и даже систематических *совместных действий* против военной опасности, за оздоровление международной обстановки, ликвидации остатков колониализма, за интересы и права трудящихся". Здесь невольно припоминаются слова Ленина. Когда английские коммунисты начали недоумевать, почему Москва и Коминтерн предлагают им поддерживать на выборах предателей рабочего класса — лейбористов Сноудена и Макдональда против Ллойда Джорджа и Черчилля, то Ленин им невозмутимо отвечал: по тактическим соображениям сейчас надо поступать именно так, но когда мы придем к власти в Англии, то мы Сноудена и Макдональда повесим на той же самой веревке, что и Ллойд Джорджа с Черчиллем, но только немного повыше. Ведь Сталин, лучший и последовательнейший продолжатель дела Ленина, так и поступил с вождями социал-демократических партий в Восточной Европе, когда там укрепился коммунистический режим. В третьем мире — в Африке, Азии и Латинской Америке — программа ориентирует своих и тамошних коммунистов на продолжение проверенного и успешного курса андроповского КГБ по большевизации этой части мира. Общий социологический анализ мирового политического и экономического развития, даже с точки зрения марксистской методологии, в новой программе крайне беден и архаичен. Чего стоят, например, такие "перлы" "архивного марксизма", которые программа выдает за анализ современного капиталистического мира: 1) "Капитализм превратился в преграду прогресса"; 2) "Капитализм вступил в свою

высшую и последнюю стадию"; 3) "Империализм есть загнивающий и умирающий капитализм, канун социалистической революции". Первый тезис выставили Маркс и Энгельс 140 лет тому назад, когда они писали свой "Коммунистический манифест", еще при стеариновой свече. Второй и третий тезисы писал Ленин более чем 70 лет тому назад уже при переходе от керосиновой лампы к электрической ("лампочка Ильича"!). Я не апологет капитализма. Я знаю его недостатки больше и лучше авторов программы, хотя бы потому, что живу при капитализме больше, чем прожил при социализме. Однако, какой примитивизм в мышлении, приводить из Маркса и Ленина как раз те постулаты, которые оказались сущей фантазией и опровергнуты самой жизнью. Ведь весь гигантский прогресс, все великие изобретения и открытия капиталистической науки и техники были сделаны после "Коммунистического манифеста", а уму непостижимые чудеса в технике и технологии совершены в эпоху "загнивающего и умирающего капитализма". К тому же авторы программы не в ладу с простой человеческой логикой. Если капитализм и всерьез загнил и "превратился в преграду прогресса", то почему генсек и его программа призывают свой народ поднять советскую технику и технологию производства до образцов мирового капиталистического уровня? Кому неизвестно, что сейчас КГБ больше охотится за секретами западной техники и технологии, чем за его другими тайнами.

Проект новой редакции программы был опубликован в "Правде" менее, чем за месяц до встречи Горбачева с американским президентом Рейганом. Надо было думать, что это наложит какой-то отпечаток в дипломатическом плане

на этот документ. Вероятно, это и случилось, ибо у Хрущева Америка числилась в жандармах мира, а у Горбачева ей отведена более пассивная роль. В программе сказано: "Цитадель мировой реакции — империализм США. Именно от него прежде всего исходит угроза войны". Кто ищет модус вивенди со своим соперником и "мирного сосуществования" с ним, тот не может так энергично выражаться по его адресу, и это не в передовице "Правды", а в программе, рассчитанной на десятилетия.

Легкомысленным, авантюрным и в высшей степени безответственным, а потому опасным для дела мира надо признать присвоение себе Кремлем функций верховного судьи во всех мировых делах. Последняя колониальная империя в истории — Советский Союз самоуверенно утверждает, что *"не может быть решен ни один вопрос мировой политики"* без его участия. Даже такие диктаторы, как Гитлер и Сталин, ничего подобного никогда не заявляли, а вот Горбачев это прямо записал в программу. Это не делает его умнее, зато опаснее обоих диктаторов. Мания величия в политике всегда чревата в истории катастрофами, ибо она вызывает атрофию чувства реальности и взвинчивает шапкозакидательский психоз.

Глава 4. Перемены в Кремле и новая фаза в советской внешней политике

Вот уже прошло десять месяцев со дня прихода к власти Михаила Горбачева, а весь политический мир все еще гадает: кто он такой, чего он хочет и что он может?

Как его стремительное восхождение на кремлевский трон, так и его истинная программа остаются окутанными тайной. За эти десять месяцев он наговорил в десять раз больше речей, чем Сталин произносил за десять лет, но в этих речах есть все, кроме ответов на поставленные вопросы. Правда, политического деятеля узнают не по речам, которые часто служат маскировкой его подлинного лица, а по делам, но дела у него на первых порах те же, с каких начинал каждый генсек: чистка старых кадров и набор новых людей, разные бюрократические реорганизации, бесконечные призывы поднять дисциплину, производительность труда, эффективность экономики. И ни одного нового слова, нового лозунга и новой мысли. Во внешней политике — опять-таки повторение старых лозунгов: курс на мирное сосуществование с капиталистическими правительствами, но борьба против капитализма до полной победы мировой социалистической системы.

Все это понятно, если вспомнить его "тронную речь" на мартовском пленуме ЦК КПСС 1985 г. В ней

он заявил, что большевистская внутренняя и внешняя политика всегда была и останется последовательной и преемственной. Однако сами большевистские вожди разнились между собой по интеллекту, таланту, методам, стилю, накладывая на советскую политическую систему в той или иной мере свой личный отпечаток.

Ленин, европейски образованный марксист и организатор тоталитарной коммунистической партократии, скорее был интеллектуальным диктатором и управлял государством, опираясь на партийную олигархию в лице ЦК партии. Его последовательный ученик Сталин — недоучка из духовной семинарии — управлял государством как абсолютный диктатор, превратив ЦК в свой совещательный орган и опираясь на политическую полицию. Сумбурный Хрущев был кающимся сталинцем с крайне опасным для данной формы правления зудом импровизации. Возомнивший себя советским Цезарем Брежнев на деле был типичным мещанином на вершине власти и покорным слугой "трех господ" — партаппарата, армии и КГБ. Андропов успел только поставить КГБ над партией и выдвинуть Горбачева. Черненко как генсек не успел развернуться. Но вот чувствуется также странная преемственность характерных черт каждого из предыдущих вождей Кремля в новом генсеке. Я нахожу в Горбачеве гениальное стратегическое чутье Ленина, глубоко скрытое лукавство Сталина, идеи фикс к бюрократическим реорганизациям Хрущева, преувеличенное самомнение Брежнева (Горбачев Рейгану: "Не думайте, что перед вами простаки"!), внешнюю скромность и простоту Черненко, комбинаторский дар и полицейский нюх Андропова.

От выступлений Горбачева внутри страны и за рубежом за это короткое время у меня сложилось впечатление, что Горбачев — государственный руководитель с необыкновенным тактико-стратегическим талантом и с ярко выраженной волей к непредвиденным действиям. Он, конечно, может и легко сорваться, но способен открыть и новую эпоху в расширении географии советского мирового присутствия. И такой выдающийся мастер власти из окраинной провинции советской империи был открыт не ЦК КПСС, а КГБ СССР. В этом смысле Горбачев не просто выдвигенец КГБ, но и ценная для режима находка. Отсюда — восхождение к власти КГБ было восхождением к власти и самого Горбачева.

Чтобы разобраться в том, что происходит сегодня в Кремле, надо вкратце вспомнить историю структурных изменений, которые происходили в советской политической системе после Сталина. Советская политическая система вообще держится на трех столпах: партаппарат, политическая полиция и армия. Но их роль и место на разных этапах истории режима складывались по-разному. При Сталине все три были инструментами его личной диктатуры при доминировании во всем политической полиции. При Хрущеве произошли два важных изменения — политическое влияние КГБ было сведено почти к нулю (так, на XXII съезде партии — в апогее разоблачения преступлений Сталина и его чекистов — шеф КГБ был избран только кандидатом в члены ЦК), а армия была введена в политическую игру наследников Сталина в их борьбе за власть. Опираясь на армию, они свергли всесильного шефа политической полиции Лаврентия Берия и уничтожили его ведущие кадры

во главе полиции; опираясь на армию, Хрущев уничтожил и почти весь состав сталинского Политбюро, назвав его "антипартийной группой". В результате впервые в истории режима профессиональный военный — маршал Жуков — стал членом Политбюро (1957). Армия стала соучастником власти на ее вершине и предъявила претензию говорить решающее слово в трех важных для нее областях: 1) в разработке и планировании военно-политической стратегии, 2) в установлении бюджетных ассигнований на армию и вооружение, 3) в установлении фактического единоначалия строевых командиров не только в оперативной области, но и в управлении над армией в целом, в том числе и над ее политаппаратом. Хрущев догадался, чем все это пахнет, поэтому, послав Жукова в командировку к Тито, снял его со всех постов. Чтобы другие ему не подражали, обвинил его в антипартийном поведении, в бонапартизме и в создании собственного "культа". Через некоторое время Хрущев приступил к сокращению армии на 1 200 000 человек, а в сентябре 1964 г. Совет министров СССР принял решение сократить военный бюджет, чтобы освободившиеся средства перебросить на поднятие сельского хозяйства. Таким образом, Хрущев сначала поссорился с КГБ, потом — с армией, а в Политбюро и Секретариат ЦК вместо свергнутых старых сталинцев набрал других, таких же убежденных сталинцев, только рангом ниже. Военные, чекисты и эти неосталинисты составили заговор и свергли Хрущева 13 октября 1964 года, когда он, ничего не подозревая, отдыхал на берегу Черного моря.

Пришедшее к власти новое руководство во главе с Брежневым дало карт-бланш армии в вопросах

вооружения, вернуло КГБ его не ограниченные партийным контролем политико-оперативные права, ввело главарей армии и полиции в состав Политбюро (маршал Гречко, генерал Андропов), частично реабилитировали и Сталина. Началась эра владычества "треугольника власти" — партии, полиции и армии. Эта эра Брежнева знаменательна невероятным разворотом советской военной экономики, сделавшим советское государство военной супердержавой.

Вот данные: за 20 лет производительность труда в гражданской экономике упала в три раза. В то же самое время военная экономика СССР догнала и даже перегнала США.

По данным Лондонского института стратегических исследований в 1979 г. СССР расходовал на вооружение 165 миллиардов долларов, а США — 115 миллиардов долларов. По данным "Документации" Пентагона (1980), у СССР было 1398 межконтинентальных ракет, а у США — 1039.

У СССР в Европе ракет средней дальности было 338, а у США — ноль.

Вот это превращение СССР в период правления Брежнева в военную супердержаву имело два последствия в советской глобальной политике: политически Советский Союз начал шантажировать Европу против Америки, а стратегически Советский Союз приступил к весьма результативному форсированию своей политики глобальной экспансии в западный тыл — в страны третьего мира.

Внешнеполитические успехи на время заслонили, что происходило в социально-экономической жизни внутри страны. А происходили вещи, невозможные при Сталине, неизвестные при Хрущеве. Партийно-государственный аппарат сверху донизу стал гнилым,

коррупционным, продажным, недисциплинированным, что и привело гражданскую экономику в глубокий тупик. Вот тогда на сцену вышел единственный механизм власти, который еще оставался в контакте, — это механизм КГБ.

После смерти Брежнева долголетний шеф КГБ Андропов, в союзе с армией и опираясь на маленькую группу партаппаратчиков из ЦК во главе с Горбачевым, совершил в ноябре 1982 г. дворцовый военно-полицейский переворот. Андропов как раз и положил основы теперешней реорганизации аппарата власти. После Андропова партаппаратчики брежневского крыла во главе с Черненко попытались дать реванш, но Черненко очень быстро и очень кстати умер. Вот тогда КГБ и его вооруженные силы привели к власти Горбачева.

Перед новым руководством встало три кардинальных проблемы. Их Горбачев сформулировал так: 1. во внутренней политике — добиться резкого поворота в социально-экономическом развитии; 2. в военной политике — любой ценой удержать нынешнее соотношение сил между СССР и США, а для этого принять все меры, чтобы сорвать SDI — стратегическую оборонную инициативу Америки, по-русски — СОИ; 3. во внешней политике держать курс на новую разрядку с Западом и пользуясь ею получить западную технику, технологию и кредиты, чтобы вывести гражданскую экономику из кризиса, а военную экономику модернизировать при помощи последних достижений западной техники, тем более, что Америка обещает поделиться с СССР своими достижениями в области СОИ.

Во внутренней политике Горбачев ставит по-своему правильный диагноз болезни системы, история

болезни тоже воспроизведена им достаточно ярко и смело, но пока что он не знает, как не знал и Андропов, никаких рецептов, как ее лечить. Поэтому он бесконечно повторяет паллиативы своих трех предшественников — Брежнева, Андропова и Черненко. Это он выдает и за преемственность, и за программу действий. Многословный и внешне как будто суверенный, он как чумы боится включения в свой лексикон слова "реформа". Зато это слово в нарушение всех табу и для партаппаратчиков совершенно неожиданно употребил действительный суверен нынешнего режима — верховный шеф КГБ генерал Чебриков, как уже указывалось, в докладе к 68-й годовщине Октября Чебриков заявил: "Некоторая часть кадров утратила вкус к своевременному осуществлению диктуемых жизнью *реформ и нововведений*". ("Правда", 7.11.1985). "Некоторая часть кадров" — это ходовое слово для обозначения ведущих кадров Брежнева и Черненко в партийном, государственном и хозяйственном аппаратах. Ныне идет их радикальная, но бескровная чистка. Уже сейчас видно, что около половины членов брежневского ЦК, избранного на последнем съезде партии, не будут делегатами предстоящего съезда. Эту чистку проводит не ЦК, который не может и не хочет сам себя чистить, его проводит КГБ, не запрашивая мнения законодательного органа партии после съезда — пленума ЦК КПСС, но опираясь на чекистское ядро в Политбюро.

Почему Кремль так рьяно, так категорически, даже ультимативно против СОИ? Если будет успешно осуществлена идея создания новой американской системы обороны в космосе, то это произведет радикальный переворот не только в военной стратегии, но и в политической стратегии. Такой переворот

имел бы катастрофические последствия для советской политики экспансии. Выражаясь точнее: Советский Союз просто перестал бы существовать как военная супердержава, а тем самым перестал бы шантажировать весь мир своим стратегическим ядерно-ракетным арсеналом, значение которого, ввиду появления над западным миром американского антиракетного оборонительного щита, было бы сведено в решающей степени на нет. Этим самым СССР потерял бы свое влияние не только в третьем мире, но и в Европе, ибо и там и здесь боятся не его идей, а его оружия. Мы помним, когда в июне 1984 г. американская антиракета сбила точным попаданием воображаемую советскую межконтинентальную ракету, то шеф американской программы поднял бокал с шампанским со словами: "За беспокойную ночь в Кремле!". Вот эта "беспокойная ночь" произвела на военных и политических лидеров СССР страшное впечатление, и оно продолжается до сих пор. Она же вызвала и кризис между Генеральным штабом и ЦК, что доказало дело маршала Огаркова.

В этом была и причина, почему Горбачев согласился на диалог с Рейганом в Женеве. Вот теперь началась новая эра иллюзий. Американцы оптимисты от природы, и этот оптимизм помог им сделать Америку великой и свободной страной. Однако американский оптимизм во внешней политике, особенно в политике по отношению к СССР, не принес им ничего, кроме разочарований. Рузвельт, поверив Сталину, что он восстановит во всех восточноевропейских странах, занятых Красной армией, демократию и национальный суверенитет, заключил с ним Ялтинские соглашения, но в результате страны,

оккупированные ранее Гитлером, очутились под советской оккупацией.

Президент Никсон договорился с Брежневым перейти к "политике кооперации вместо конфронтации" между СССР и США (СОЛТ 1), и это кончилось тем, что СССР превзошел Америку по вооружению и кроме того создал в третьем мире более десятка марксистско-ленинских режимов.

Президент Картер даже поцеловал Брежнева в Праге за "СОЛТ 2", но еще не успели ратифицировать этот договор, как СССР ввел свои войска в Афганистан.

Это только самые яркие примеры, их еще много. Сейчас, кажется, американцы пробуют новый флирт с новым генсеком Михаилом Горбачевым. Но я боюсь, что их ждут новые разочарования.

Я хотел бы тут поставить вопрос: почему у Америки такие разочарования и трудности в ее стараниях жить в мире или даже в дружбе с Советским Союзом? Я, конечно, знаю, что на этот вопрос нет одного ответа, но тот ответ, который я хочу предложить, играет, на мой взгляд, важнейшую роль: американцы чрезмерно доверчивы в политике и пленники старой классической дипломатии. Недаром Киссинджер, главный инициатор "стратегического паритета", считал себя последователем классиков европейской дипломатии "равновесия сил" XIX века. Такая доверчивость и такая старомодная дипломатия безусловно сработали бы, если бы Америка имела дело с русским царем и его министрами. Они верили в Бога, в моральный кодекс людей, и их имперские интересы ограничивались евро-азиатским регионом. Большевики не верят в Бога, морально для них все, что полезно коммунизму, а интересы у них идеологические, а потому глобальные. На земном

шаре нет ни морей, ни океанов, ни континентов, ни даже островов, которыми они не интересовались. У них есть и одно преимущество, которого нет у американцев, — советские лидеры отлично изучили психологию американцев и хорошо научились пользоваться американской доверчивостью в политике во вред Америке.

Тут на ум приходит юмореска старо-эмигрантского русского писателя Аргуса, который после революции приехал в Америку с группой других эмигрантов. Он рассказывал, как в Америке они устраивались на работу. Одни пошли работать на спичечную фабрику, хозяином которой был русский американец, другие стали таксистами, третьи шлялись без работы, а вот он решил преподавать американцам систему Станиславского. "Пожалуйста, не спрашивайте меня, что это за система. Я этого сам не знаю, да и не надо мне это знать. Надо только знать американцев". Так вот, Михаил Горбачев приехал в Женеву преподавать Рейгану и американцам "систему Станиславского", правда, лично не зная ни американцев, ни американского характера. Да это и не надо ему знать — его сопровождал высококвалифицированный штаб чекистских специалистов по Америке из 55 человек во главе с таким рафинированным политическим фокусником, как Георгий Арбатов. Вот они и составили Горбачеву психологическую пьесу, которую генсек разыгрывал отлично как на личных встречах с президентом, так и на своей пресс-конференции, я говорю отлично потому, что в искренность актера Горбачева поверил даже Рейган, который когда-то сам был актером. Я приведу здесь только некоторые сцены из нее, чтобы показать, в какую верную психологическую точку бьют советские

лидеры, чтобы противопоставить американское общественное мнение президенту США. В частных беседах с Рейганом Горбачев выдвигал против СОИ аргументы, которые, как казалось ему и его советникам, должны произвести впечатление: "Я не кровожадный человек, — сказал генсек президенту, — почему вы не верите, когда я говорю, что СССР первым не пустит ракеты против США?" Президент резонно ответил: "Я не могу сказать американцам, что я поверил вам, если вы не верите нам". Тогда Горбачев выдвинул другой аргумент: во-первых, стратегическая оборонная инициатива технически неосуществима, во-вторых, на это напрасно будут потрачены миллиарды долларов. Мне неизвестно, как президент на это ответил, только непонятно, почему Кремль так беспокоится, если оборонная инициатива неосуществима, а американцы напрасно потеряют свои доллары. Горбачев отверг все предложения о разоружении, если не будет отказа от СОИ. Не по-советски оригинальными, рассчитанными на американское понимание, были доводы генсека, когда президент обвинил Москву в распространении коммунизма в Афганистане, Эфиопии, Камбодже, Анголе, Никарагуа. Оказывается, советское правительство вынуждено так действовать потому, что в "Конституции СССР" записано, что оно обязано помогать "национально-освободительному движению" в других странах, а шутить с конституцией нельзя; Горбачев мог бы напомнить, что за нарушение конституции сами американцы в лице Конгресса чуть было не подвергли "импичменту" своего президента Никсона. Рейган и американцы должны это понимать. К этому Горбачев добавил, что СССР там занимается тем, чем

занимается Америка в Эль-Сальвадоре, то есть "защищает свои интересы". (Характерно, что начиная с Брежнева и Андропова советские лидеры стараются аргументировать свои агрессивные внешнеполитические акции не идеологическими, а имперскими интересами. Именно в этих целях Горбачев цитирует лорда Пальмерстона: "У Англии нет вечных врагов или вечных друзей, у нее есть вечные интересы" — такой аргумент особенно понятен американцам, по крайней мере так думают в Кремле). А Горбачев, конечно, большой актер, и в этом он верный ученик Сталина — говорить то, чего не думает, и думать то, чего никогда не скажет вслух. В этом он и антипод взбалмошному Хрущеву, который, будучи гостем в Америке, заявлял прямо в лицо конгрессменам: "Мы похороним капитализм, ваши внуки будут жить при коммунизме!" Горбачев действует не по Хрущеву, а по завету Талейрана: "дипломату язык дан, чтобы скрывать свои мысли". Поэтому на Западе Горбачев выступает не как большевик, а как церковный проповедник с философией, абсолютно чуждой большевизму. Вот некоторые места из его выступления на пресс-конференции в Женеве: 1) "Под угрозой всеобщей ядерной опасности надо учиться великому искусству жить вместе"; 2) "Все мы подошли к черте, у которой надо остановиться"; 3) "Силой доводов, силой примера, силой здравого смысла переломить опасный ход событий"; 4) "Речь идет о выборе между выживанием и взаимным уничтожением". ("Правда", 22.11.1985).

Что можно сказать об этих словах Горбачева? Только одно: это очень понятные для американцев и очень разумные слова, но беда в том, что в своей

новой "Программе КПСС" Горбачев утверждает абсолютно противоположное и пророчит гибель капитализма и торжество коммунизма во всем мире через "мирную или немирную революцию". Не только пророчит, но и обещает, что Советский Союз будет материально, политически и духовно поддерживать этот "мировой революционный процесс".

Какой же объективный итог Женевы? Кто выиграл и кто проиграл? Эксперты НАТО заявляют, что Горбачев вернулся в Москву с пустыми руками. "Тайм" утверждает, что в Женеве одержали триумф откровенность и реализм.

"Ньюсвик" приходит к выводу, что в Женеве никто не выиграл и никто не проиграл. Другие заявляют, что уже сам факт диалога между Рейганом и Горбачевым был большим выигрышем. Так ли все это? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать далекую и ближайшую цели, которые ставили перед собой в Кремле, отправляясь в Женеву. Люди думают — ближайшая цель заключалась в том, чтобы отговорить президента от его стратегической оборонной инициативы. Это неверно. Лидеры Кремля великолепно знали, что на этом этапе диалога такая цель нереальна и недостижима, но зато они знали и другое: Женева — лучшая мировая трибуна, куда съедутся до четырех тысяч журналистов газет, радио и телевидения. Кремль решил с этой трибуны развернуть глобальную психологическую войну против Америки. Эту задачу блестяще и выполнил генсек Горбачев на своей пресс-конференции 21 ноября 1985 года. Поэтому "Правда" оценила не последнюю встречу между Рейганом и Горбачевым "кульминационным пунктом" в Женеве, а женевскую пресс-конференцию Горбачева.

Встает вопрос: как Кремль все-таки ответит на СОИ? Существует четыре теоретически возможных ответа: 1) Советский превентивный стратегический удар по США, он, правда, покажется невероятным, но его нельзя исключать; 2) Самим начать создавать свою СОИ, что сейчас как экономически, так и технико-технологически Советскому Союзу не под силу; 3) Резко увеличить, отказавшись от СОЛТ-II, свой стратегический ядерно-ракетный арсенал, ибо, как думают специалисты, при самой идеальной СОИ 5% ракет пробьются через американскую оборону (на этот ответ уже намекал Горбачев); 4) Сорвать СОИ путем глобальной пропаганды, как сорвали инициативу нейтронной бомбы президента Картера.

Пока Кремль сосредоточил все свое внимание на осуществлении четвертого варианта — сорвать СОИ пропагандой. Поэтому ближайшие пропагандные цели, которых он добивался в Женеве, были — получить от Рейгана подтверждение совершенно неудачного заявления Шульца и Громыко от 8 января 1985 г., а именно: "предотвратить гонку вооружения в космосе и прекратить ее на земле" (эта советская формула гуляет сейчас по всей мировой прессе), и второе — "стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства" (и эта формула, уже не советская, а американская, толкуется на Западе так — если Америка и НАТО будут сильнее СССР и Варшавского блока, то это опасно для мира). Нельзя быть сильнее коммунистов — это идиотская позиция евнухов в политике.

Кремль уже добился первых успехов. Горбачев с победоносным видом заявил 27 ноября 1985 г. на сессии Верховного Совета СССР, что уже шесть

государств-членов НАТО отказались от участия в американской стратегической оборонной инициативе — это Франция, Дания, Норвегия, Греция, Голландия, Канада плюс Австралия. А ведь у европейских членов НАТО память очень коротка — если бы не Америка, то все перечисленные, да и не указанные здесь европейские государства до сих пор находились бы или под нацистской оккупацией, или под советской оккупацией, как находятся восточноевропейские государства. Но все это только начало советского психологического наступления как в верхах (и не только по отношению к американцам), так и в низах — всюду и везде, куда Советы только имеют доступы, чтобы давить на американскую администрацию не только через американское общественное мнение и Конгресс, но и через общественное мнение во всем остальном мире. И вот я боюсь, что дальнейшее советское наступление, и предстоящие в 1986 и 1987 годах советско-американские переговоры на эту тему, приведут Кремль к его стратегической цели — к отказу США от СОИ. Еще Франклин знал, что военной крепости и невинной девушке одинаково трудно долго сопротивляться, если уже начались переговоры о капитуляции.

Кремль будет действовать и дальше с учетом американского принципа в политическом бизнесе: "даешь-даю". Кремль торжественно предложит — способствовать миру на Ближнем Востоке, увести "ограниченный контингент" советской армии из Афганистана, уменьшить давление в Центральной Америке, обещать свободный выезд из СССР евреям, освободить Сахарова и пару диссидентов, увеличить число экземпляров иностранных газет в отелях Интуриста в Москве.

Горбачев тем временем станет звездой американского телевидения. В разгар этой второй разрядки Михаила Горбачева — вполне возможно представить себе иных американских юношей и девушек, марширующих на улицах городов за вечную "советско-американскую дружбу" с жетонами на груди с надписью: "Ай лайк Майк!" Вот тогда СОИ будет сдан в архив. Однако через самое непродолжительное время Америка узнает, что Советский Союз, как и после первой разрядки в Хельсинки, взял свои концессии обратно, в Африке, Азии и Латинской Америке создана новая дюжина новых марксистско-ленинских режимов, как и во время первой разрядки. В космосе успешно маневрирует уже сегодня имеющаяся там советская команда "киллер-спутников". Я когда-то высчитывал, сколько важных договоров СССР заключил накануне Второй мировой войны, во время войны и после нее. Таких я насчитал 24. Когда я интересовался, какая была судьба каждого договора, то выяснилось, что двадцать три из них порвал СССР, только один договор, который очень добросовестно соблюдал СССР, порвал его союзник по разделу Европы — этим союзником был Гитлер.

Итак, кого мы имеем в лице нового генсека — будущего реформатора ленинского типа периода НЭПа? будущего диктатора сталинской школы? или Горбачев — всего-навсего визитная карточка КГБ?

Каждый из этих вопросов закономерен, но на этом этапе развития событий и в силу ограниченности нашей информации о них, никто не может дать здесь удовлетворительный ответ. После

анализа всего того, что мне доступно, и учитывая опыт структурных изменений в политической системе после Хрущева, я пришел к убеждению, что ныне генеральную стратегию в советской внутренней и внешней политике определяет та сила, которая привела Горбачева к власти. Эта сила — КГБ. Поэтому и все ключевые позиции в партии и правительстве заняли генералы КГБ и их ставленники. Впервые в истории советского режима человек, который руководит армией от имени партии, не входит в членский состав Политбюро — таким был при Ленине Троцкий, при Сталине — Ворошилов и Булганин, при Хрущеве — Булганин и Жуков, при Брежневе после некоторого перерыва — Гречко и Устинов, зато тоже впервые в истории режима в членский состав Политбюро входят сразу три генерала КГБ. Когда распался брежневский "треугольник" — партия, политическая полиция и армия, КГБ стал ведущей силой на вершине власти. Вот эта сила в союзе с теми партаппаратчиками, которых возглавляют Горбачев и Лигачев, сейчас развернула по всей иерархии режима радикальную чистку старых кадров, заменяя их более молодыми, выдвигаемыми не в силу связей угодничества и подхалимажа, а с учетом политических, деловых и моральных критериев, как сейчас пишут в партийной прессе.

В основе своей этот процесс окажет положительное влияние на поднятие эффективности системы, но едва ли выведет ее из нынешнего социально-экономического тупика без радикальных реформ и широкой западной помощи. Будут ли эти реформы решительны, зависит опять-таки от КГБ. Сейчас в Советском Союзе все находится

в движении. Нынешняя политическая ситуация в СССР в силу этого очень сложна и ее дальнейшее развитие непредсказуемо из-за двух великих неизвестных: 1) примирится ли армия со своим изгнанием с вершин власти; 2) сумеет ли Горбачев поставить под свой контроль силу, которая привела его в Кремль и диктует ему свою волю сейчас — КГБ. Пока этого не случится, сильнейшим человеком в государстве останется Чебриков, а сильнейшим учреждением КГБ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Съезд неоправданных ожиданий и неожиданных сюрпризов

Первый съезд Хрущева был антисталинским, первый съезд Брежнева — антихрущевским. Все ожидали, что первый съезд Горбачева, судя по его выступлениям и чистке против брежневских кадров, будет не только антибрежневским, но и съездом больших реформ и существенных преобразований. Однако были и серьезные сомнения, ибо внушительные силы противостояли этому: миллионная партийно-государственная бюрократия, всесильная политическая полиция и просталинская "идеологическая мафия", которые великолепно понимали, что любые реформы, в конечном счете, приведут к сужению их власти и потере ими своих материальных привилегий. События накануне съезда тоже не располагали к оптимизму.

XXVII съезд партии, объявленный заранее "историческим", был назначен как раз в юбилейный день тридцатой годовщины другого действительно исторического съезда — XX съезда 25 февраля 1956 г., на котором Хрущев разоблачил преступления Сталина. Такое совпадение дало западным наблюдателям повод спекулировать, что и первый съезд Горбачева тоже будет в своем роде историческим, как завершение разоблачения сталинщины в духовной жизни страны и начало либерализации

политической системы. Красноречивый ответ на такие ожидания дала "идеологическая мафия" Кремля за два-три дня до открытия съезда в газетах "Правда" и "Известия", отметив в больших статьях другой "исторический" юбилей: девяностолетие со дня рождения верховного шефа духовной инквизиции эпохи Сталина — знаменитого мракобеса Жданова. А еще ранее — недели за две до открытия съезда, в интервью с французской коммунистической газетой "Юманите", Горбачев положил конец всяким спекуляциям насчет либерализации, заявив, что сталинизм — это выдумка врагов коммунизма, что не было никакого сталинизма. Вот диалог Горбачева с названной газетой: "*Вопрос*. В различных кругах на Западе часто задается вопрос: преодолены ли в Советском Союзе остатки сталинизма? *Ответ*. Сталинизм — понятие, придуманное противниками коммунизма, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом". ("Правда", 8.02.1986). Едва ли сам Сталин ответил бы лучше. Что же касается вопроса, — почему XXVII съезд назначен на вторник 25 февраля, то есть юбилейный день открытия антисталинского XX съезда, то на это шеф-информатор или дезинформатор ЦК Замятин ответил на пресс-конференции, что вторник 25 февраля повторяется через каждые 30 лет. Воистину, нахальства советским пропагандистам не занимать.

На Западе забывают, что большевизм подобен хамелеону. Он способен менять цвет, лицо, даже язык, если меняется политическая среда, если это требуется в его стратегических целях. Но в одном он абсолютно постоянен: в неизменности своей внутренней тоталитарной сущности. Однако есть объективные исторические процессы, которые

могут выйти из-под контроля большевиков, если их новые лидеры окажутся незадачливыми. Материалы первого съезда Горбачева дают основание думать, что неконтролируемые процессы могут начаться как раз в результате того, что Горбачев решил потревожить систему правления экономикой в эпоху Брежнева, которая на деле была продолжением ортодоксально сталинской системы в том смысле, что партаппарат не только руководил политикой, но он фактически заменял государственный аппарат в оперативном руководстве всеми экономическими процессами в городе и деревне. Более того. На предприятиях, стройках, на дорогах, в колхозах и совхозах местные партаппаратчики под видом осуществления контроля партии над работой администрации вмешивались в дела, в которых они не были компетентными, давали руководящие указания, в которых было все, кроме здравого смысла. Мудрая партия по существу рубила сук, на котором она сидит, и успешно завела экономику в тупик, из которого ее могли бы вывести не просто реформы, а радикальное изменение существующей административной системы управления, когда ЦК партии занимается партийными делами, Совет министров государственными делами, а хозяйственники хозяйственными делами.

Все современные нам политические системы руководствуются таким разделением труда и поэтому функционируют нормально. Социалистическая система хозяйствования, хотя в принципе и антихозяйственная, ибо она не стимулирует материальные интересы людей, тоже могла бы как-то функционировать, если бы освободить ее от ярма партийного абсолютизма. Первым шагом

к этому были бы радикальные экономические и административные реформы. Кандидат в члены Политбюро Б.Н.Ельцин выразил на съезде недовольство хозяйственных руководителей, когда заявил, что партийные органы "настолько глубоко влезли в хозяйственные дела, что стали порой утрачивать свои позиции как органы политического руководства. Неслучайно, что постепенно структура отделов ЦК стала чуть ли не копией министерств". ("Правда", 27.02.1986).

Почти с первых же дней своего прихода к власти Горбачев постоянно заявлял о необходимости "радикального поворота" в экономике, но намеренно и прямо-таки скрупулезно избегал включить в свой многословный лексикон синоним "поворота" — слово "реформа". Ленин такое слово употребил во время перехода к НЭПу. Когда Сталин ликвидировал НЭП, то и слово "реформа" было объявлено контрреволюционным атрибутом духовной лаборатории меньшевизма и "ревизионизма". Перед партией, воспитанной в этом духе, Горбачев не осмеливался называть задуманную им реорганизацию реформой. Как бы для разведки реакции партии и ее элиты вслух выразился на этот счет, как уже указывалось, шеф КГБ Чебриков, 7 ноября 1985 г., заявив: нам нужны реформы! Реакцию партии новое руководство представляло себе почти точно: — там наверху виднее, если нужны реформы, так пусть будут и реформы! Но элита рассуждала иначе, да, реформы, лишь бы они не касались нашей власти и наших привилегий!

Полагая, что элита подчинится воле партии, Горбачев решился нарушить табу. Впервые за время своего генсекства он заявил на съезде: в экономике "ситуация такая, что ограничиться

частичными улучшениями нельзя — необходима *радикальная реформа*". Но чтобы застраховать себя от возможной отрицательной реакции как элиты, так и формально верховного суверена партии в лице съезда, Горбачев решил сообщить съезду, что слово "реформа" принадлежит не ему, а самому Ленину, причем во множественном числе, что признавалось до сих пор трижды табу. Такая была служебная цель следующей цитаты из Ленина: "Всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике". ("Правда", 26.02.1986).

Уже это лавирование нового генсека, словно между Сциллой и Харибдой, показывало, насколько глубоко укоренились в партии и в ее ведущих кадрах сталинские догмы о реформах и реформизме. Только теперь становится понятным, почему Горбачев подчеркивал на экономическом совещании ЦК в июне 1985 г. необходимость, как он выразился, "осуществить всеми мерами перелом в умах и настроениях кадров сверху донизу".

Мало кто может сомневаться, что когда владыки Кремля собираются между собой в узком кругу, то они спрашивают друг друга: страна у нас велика, мы занимаем одну шестую часть мира, земля у нас богатейшая, до революции при примитивной технике в сельском хозяйстве мы были житницей Европы и занимали по экспорту хлеба второе место на мировом рынке после Америки. Теперь у нас самая передовая в мире социалистическая система сельского хозяйства с высокой техникой и обильными удобрениями, а урожай у нас самые низкие, хлеб ввозим из Америки, Аргентины и Австралии, молоко пьем от частных коров

колхозников, овощами и фруктами питаемся от их же мизерных приусадебных участков, — в чем же причина? Ответ знает каждый советский лидер, но даже умнейший из них, к тому же ученый агроном, сам генсек Горбачев, не осмеливается выразить его вслух: *виновата колхозно-совхозная система*. Виноват сталинский "социализм в деревне", при котором, как и во время "военного коммунизма", узаконено изъятие государством хлеба сельских тружеников за бесценок.

Вот свидетельство первого секретаря Волгоградского обкома Калашникова на прошедшем съезде партии: "Нынешняя политика цен такова, что работать на самоокупаемости не могут даже те колхозы и совхозы, которые справляются с плановыми заданиями, а розничные цены не покрывают затрат на производство продуктов питания". ("Правда", 2. 03.1986). Где и когда это бывало в истории, чтобы крестьяне продавали свой хлеб ниже его себестоимости, кроме как при колхозной системе? Горбачев не обошел этой проблемы в своем докладе, но был предельно осторожен в ее трактовке, а главное внимание сосредоточил на промышленной экономике. Он подробно развивал тот центральный тезис, который выдвинул еще на апрельском пленуме ЦК КПСС (1985 г.), как универсальный рецепт по преодолению застоя в советской экономике. Этот тезис гласит: "Какой бы вопрос мы не рассматривали, с какой бы стороны не подходили к экономике, в конечном счете все упирается в необходимость серьезного улучшения управления хозяйственного механизма в целом". ("Правда", 24. 04.1985).

"Радикальных перемен" Горбачев ждет от "капитального ремонта" уже существующего управления

”хозяйственным механизмом”. Если машина не двигается с места, то все же смешно искать причину этого в устройстве ее руля, а не в моторе. Мотор экономической жизни — это труд. Даже советские комсомольцы знают из марксовой политэкономии, что любой принудительный труд нерентабелен. В античном мире рабы были собственностью рабовладельцев, при феодализме крестьяне были собственностью феодалов, при социализме все советские люди являются собственностью монопартийного государства. Это государство гарантирует им, как и те рабовладельцы своим рабам, минимум жизненных благ. Все, что они заработали сверх этого минимума, идет в карман всепожирающего государства. Поэтому у них нет стимула к поднятию производительности своего труда для обогащения своих угнетателей. Партийные сказки, что советские трудящиеся работают на свое собственное государство, еще как-то имели эффект в первые годы после революции, когда еще не было новой бюрократии с привилегиями, но когда Сталин создал и поныне господствующий ”новый класс” с такими материальными привилегиями, которые и не снились дореволюционному дворянству и бюрократии, то тогда народ увидел, что он работает не на себя, даже не на государство, а на умножение и расширение привилегий советского нового господствующего класса, и вот с этих пор история советского общества пошла прямо по Марксу: появился новый тип классовой борьбы между новой советской буржуазией и новым советским пролетариатом, но уже в форме, совершенно неизвестной на Западе. Стоит остановиться на ее истоках. Ведь в Советском Союзе любой труд, кроме труда шабашников и труда на приусадебных

участках, принудителен, ибо тот, кто отказывается трудиться на том месте, которое указывают ему органы власти, наказывается в уголовном порядке. Как рабы к рабовладельцам, как крепостные к помещикам, так и советские люди прикреплены к одному монополисту-работодателю — к партийному государству, которое платит им не реальную стоимость их рабочей силы, а столько, сколько оно само устанавливает от себя, исходя из необходимого жизненного минимума для рядового советского человека. Так установился уже ставший традиционным от поколения к поколению чисто сталинский минимум стандарта жизни основной массы тружеников, тогда как зарплата и материальные привилегии представителей "нового класса" глубоко засекречены (на пресс-конференции во время съезда, когда один иностранный корреспондент задал Алиеву вопрос, как велико его жалование, то он дал ничего не значащий ответ, что он получает столько, сколько получает крупный хозяйственник, а привилегии "нового класса" оправдывал тем, что эти люди работают 24 часа в сутки!).

Сталина давно уже нет, после него выросло новое трудовое поколение, а "железный занавес", став дырявым, дает советским людям возможность сравнивать свой стандарт жизни со стандартом жизни тружеников на Западе. Мне кажется, что из этого сравнения вырос тот вездесущий феномен, о который, как рыба об лед, бьются советские лидеры — тот стихийный, но *всеобщий саботаж труда*, на который я уже указывал при анализе новой программы. Работа рассматривается, как трудовая повинность, которую каждый советский человек обязан отбывать. Трудясь вполсилы — если

речь идет о производстве. Отсидев положенные часы, по возможности ничего не делая, — если речь идет об учреждениях. Это я и называю неизвестной Марксу новой феноменальной формой классовой борьбы при социализме, который ведь построен по его же рецепту.

Советский человек отлично понимает, что у него нет никаких шансов стать богатым или даже зажиточным при существующей системе оплаты его труда. Но он знает также, что его прожиточный минимум ему всегда гарантирован. В этом смысле он не столько труженик, сколько иждивенец государства, которое само обязалось обеспечить ему этот минимум, не признавая безработицы. Но создалась парадоксальная ситуация: советский труженик хочет выйти из государственного иждивения и стать самостоятельным работником, продающим свой свободный труд на свободном рынке тому, кто платит ему больше, как это делается во всех странах, кроме коммунистических. Естественно, что "новый класс" не хочет выпускать на волю этих своих неофициальных рабов, ибо если люди станут независимыми от государства, то само государство станет зависимым от этих людей, как в странах демократии. Это было бы началом конца господства "нового класса". Вот в этом тотальном порабощении труда монопартийным государством и заключается кардинальная причина, почему производительность труда в Советском Союзе в несколько раз ниже, чем в странах свободного труда и свободного рынка.

Горбачев утверждал на съезде, что весь смысл его "радикальной реформы" сводится к тому, чтобы повысить эффективность и качество производства, поднять заинтересованность работников в результате труда, вызвать инициативу и социалистическую

предприимчивость у руководителей экономики путем новых "экономических методов".

Осведомленные люди улавливали в этих словах явные намеки на некоторые элементы ленинского НЭПа ("личная материальная заинтересованность", "предприимчивость", "качество"), но Горбачев не решился быть более конкретным. Как и в чем будут выражаться на практике его "новые экономические методы" — осталось неясным. Единственно новое и принципиально важное слово во всем докладе Горбачева касалось сельского хозяйства. Говоря о необходимости использования "экономических методов хозяйствования" в сельском хозяйстве, Горбачев заявил: "Речь идет о творческом использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям". "Продналог" был задуман Лениным вместо "продразверстки" периода "военного коммунизма". При "продразверстке" у крестьян реквизировали все продовольственные, сырьевые и фуражные излишки, а "продналог" отменял этот порядок. Он устанавливал новый порядок, по которому крестьяне должны были сдавать государству только определенную, заранее установленную долю хлеба. Остатки крестьяне могли менять на промышленные товары, правда, было оговорено, что "обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота" (резолюция X съезда по докладу Ленина).

Слово НЭП еще не было произнесено, когда вводился этот продналог на X съезде в марте 1921г., и мало кто догадывался, во что все это развернется. Только через три месяца, на X партконференции, в конце мая 1921г., партия объявила, что продналог означает провозглашение

в стране "новой экономической политики", при которой будет оказана "поддержка мелким и средним предприятиям", как частным, так и кооперативным. Более того, допускалась сдача в аренду нерентабельных государственных предприятий частным лицам, кооперативам, артелям, товариществам. Я уже рассказывал, что Ленин, подчеркнув, что судьба коммунистического режима будет решена, в конечном счете, на хозяйственном поприще, закончил на этой конференции речь указанием: если советской России удастся доказать на деле превосходство коммунистической хозяйственной системы над системой капиталистической, то "тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно". (Ленин, ПСС, т.43, стр. 341).

Горбачев говорил вот об этом ленинском "продналоге", ставшем первым шагом к НЭПу. Применительно к новым условиям в сельском хозяйстве генсек растолковал ленинские идеи о "продналоге" так: "Колхозам и совхозам намечается устанавливать твердые по годам пятилетки планы закупок продукции, которые не будут изменяться. Одновременно им предоставляется возможность все полученное сверх плана, а по картофелю, плодам, овощам — значительную часть плановой продукции использовать по своему усмотрению (продавать на колхозном рынке, использовать для других нужд, в том числе для личного подсобного хозяйства)". Очень важно и такое дополнение: "Широкое распространение получит подряд и аккордная система на уровне бригады, звена, семьи с закреплением за ними на договорный срок средств производства, включая землю". Эту часть своего доклада Горбачев заключил словами: "Возможности для инициативы

и предприимчивства открываются большие... Условия хозяйствования на селе кардинально меняются".

В этой новой конституции в сельскохозяйственной политике явно видны контуры китайского НЭПа. Горбачев коснулся также перманентного дефицита по снабжению, как и скандального состояния сферы обслуживания бытовых нужд народа. Здесь он тоже сказал нечто новое: "Надо внимательно рассмотреть предложения об упорядочении индивидуально-трудовой деятельности... Общество от этого только выиграет". Общий вывод Горбачева по данному вопросу заслуживает того, чтобы его написали аршинными буквами на каждом советском заборе: он сказал, что из всего намеченного им плана ничего не получится, "если мы не сумеем насытить рынок разнообразными товарами и услугами". Советский рынок периода НЭПа именно был таким. Горбачев лучше нас осведомлен, как глубоко чужд и враждебен его план "радикальных перемен" всей партийной и государственной бюрократии, для которой весь пройденный до сих пор путь священен, а политика сталинской партии на этом пути для нее всегда была и остается непогрешимой. Горбачев рискует вступить в конфликт с этой бюрократией, когда заявляет: "Партия может успешно решать новые задачи, если сама находится в непрерывном развитии, свободна от комплекса "непогрешимости". Тут Горбачев своим свидетелем вновь выдвигает самого Ленина: "Когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить их вчерашним приемом. Не пытайтесь — не решите!". Съезд не принял концепции Горбачева о "радикальной

реформе". Выступая на съезде, ни слова о реформах не сказал тот, кто впервые употребил этот термин — Чебриков. Его не употребил и ни один из выступавших в прениях ораторов, в том числе и члены Политбюро и Секретариата ЦК. В пространной резолюции съезда по докладу Горбачева также нет ни слова о реформах. Сам ближайший единомышленник генсека — председатель Совета министров СССР Н.И.Рыжков в своем экономическом докладе не только избег этого сакраментального выражения буржуазной политической философии, но, наоборот, сообщил "идеологам буржуазии", что Кремль и впредь будет "укреплять и совершенствовать централизованное плановое руководство экономикой... В этом вопросе очевидно, что мы не оправдали, да и никогда не оправдаем надежды буржуазных идеологов". ("Правда", 4. 03. 1986).

Рыжков ошибается. "Буржуазным идеологам" и самой буржуазии более выгодно, чтобы Советский Союз навсегда остался "развивающейся страной", как источник сырья и рынок сбыта для ее товаров. Ничего мировая буржуазия так не боится, как буржуазных реформ в СССР. Эта гигантская страна с ее талантливыми народами и величайшими природными богатствами, будучи освобождена реформами от догматических оков коммунизма, явилась бы для мировой буржуазии опаснейшим конкурентом на мировом рынке. Здесь интересы коммунистических догматиков и "буржуазных идеологов" идут рука об руку.

Вскоре после назначения Горбачева генсеком Громыко выразился: "Мы выбрали человека, но не программу". Эти загадочные слова, сказанные где-то мимоходом, очень быстро стали сбываться

в том смысле, который едва ли придавал им сам Громыко — новый генсек приступил к осуществлению непредусмотренной интенсивной чистки против тех, кто "единодушно" выбрал его, но не его программу чистки против самих себя. Меньше всего думал о чистке и Громыко, рекомендуя Горбачева на пост генсека, сам тоже ставший в какой-то мере ее "почетной" жертвой. Со стороны никого не удивляло, что Горбачев чистит партийно-государственный аппарат от дряхлой и неработоспособной олигархии, но явное недоумение вызывала лишь бесцеремонность, с какой новый генсек выкидывает старые кадры, не объявляя им благодарность за долгую службу и не сообщая партии и народу, в чем они провинились, хотя в печати усиленно проповедовали лозунг нового генсека — "За широкую гласность". Многие знали, что единственная сила, которая в этой чистке стоит за спиной генсека, — это КГБ. Но люди знали и другое. Если КГБ дадут волю чистить, то не исключена опасность, что партийная чистка может перерасти во всеобщую духовную и физическую инквизицию, как это было во время Сталина. Это пугало всех: и олигархию, и партию, и народ. Один из старых большевиков сталинской выучки накануне съезда опубликовал в "Правде" письмо, требуя даже восстановления в уставе партии его сталинского параграфа о периодических чистках. Совершенно необъяснимой оставалась и легкость, с которой удавалось проводить чистку, точно так же, как невозможно было понять и видимую безропотность ее жертв. Кто же эти жертвы? Кого ведут на политический эшафот? Они верхи партии — еще вчера всесильные, всем известные, многократные орденоносцы, герои

социалистического труда — первые секретари партии, министры, члены ЦК, его Секретариата и Политбюро. И вот, никто из них не говорит генсеку хотя бы в припадке отчаяния: "Я эту власть строил и ее защищал, когда ты еще под столом бегал. Караул! Протестую!!" Ведь теперь не сталинские времена. Можно протестовать и даже не признавать себя виновным. Видимо, партийные вельможи лишены таких "привилегий" из-за намордника, который они сами надели на себя под названием "железной дисциплины" партии.

Между тем в своей спешке и самоуверенности Горбачев допустил ошибку, которая могла стать роковой, если бы он имел дело с людьми без "намордников". Ведь он снимал с высоких должностей не просто чиновников, а членов пленума ЦК КПСС, но ни он, ни Политбюро не имели права исключать этих людей из состава ЦК. Для исключения члена ЦК требуется подача не менее двух третей голосов пленума ЦК при тайном голосовании. Собрать столько голосов в брежневском ЦК против брежневцев Горбачев, конечно, не мог. Когда около трети членов пленума ЦК оказались снятыми со своих руководящих постов в Москве и провинции, генсек лишь увеличил число своих врагов в ЦК, от которого ведь по уставу зависит быть или не быть ему генсеком. Мне сдается, что из этих вычищенных старых кадров образовалось нечто вроде, как выражаются немцы, "нотгемейншафт" — "сообщество потерпевших бедствие", которое не без успеха могло апеллировать к сочувствию остальных членов ЦК, ждавших той же участи. Чистки ждали еще два члена Политбюро: первый секретарь ЦК Казахстана Кунаев, где было уже вычищено более пятисот

руководящих работников ("Правда", 9.02.1986), и первый секретарь ЦК Украины Щербицкий, где чистка явно не удалась в силу чисто национальных причин. Однако прежде чем вывести Кунаева и Щербицкого из Политбюро, надо было снять их с должностей первых секретарей на их национальных съездах партии. Съезды этих республик, как политически и национально наиболее трудоемкие, были назначены после окончания съездов во всех других национальных республиках. Это и спасло Кунаева и Щербицкого. Активы Казахстана и Украины увидели на примерах тотальной чистки других республик и областей, что их ждет, если их первые секретари не будут переизбраны. Это сплотило их вокруг своих секретарей. Чтобы снять члена Политбюро Гришина с должности первого секретаря Московского горкома с тем, чтобы потом вывести его из Политбюро, Горбачеву пришлось лично руководить московской городской партконференцией, но он не осмелился для той же цели поехать на съезды компартий Украины и Казахстана.

Щербицкий и Кунаев были переизбраны первыми секретарями и остались членами Политбюро. В новой чистке, конечно, не было ужасов сталинских времен. Их не расстреливали, как Сталин и его чекисты расстреливали в тридцатых годах старых большевиков. Их посылали на пенсии, сохраняя за ними их бывшие материальные привилегии. В разгар новой чистки "Правда" писала, явно лукавя, что происходит собственно не чистка, а "очищение": "Партия проводит сейчас огромную работу в том числе и по очищению своих рядов. Идет не чистка, а именно очищение. От массовых чисток мы отказались давно". ("Правда", 13.02.1986).

Мало вероятно, чтобы это заявление "Правды" могло успокоить тех, кто стоял на очереди для такого "очищения", тем более, что "Правда" зло высмеивала не только "знаменитых отцов", но и их "наследственных принцев". Вот выдержки из сатирических стихов в этой газете:

О б "о т ц е"

Он был ужасно знаменит,
Но пробил час, и вот
Никто не пишет, не звонит
И в гости не зовет.

.....
А был повсюду и всегда
Любой программы — гвоздь.
В одних застольях тамада,
В других почетный гость.
Считал, что он незаменим,
Не чуя одного,
Что пили, в общем-то,
Не с ним,
А с должностью его.

О "с ы н е"

Он и бездельник и балбес,
И был таким всегда,
Но вхож везде и всюду без
Малейшего труда.

.....
Ему не нужно пробивать
К успеху колею —
Ему достаточно назвать
Фамилию свою.

Она возносит к небесам,

.....

Хоть ноль без палочки он сам,

Но... папа знаменит...

Напомню тем, кто "вывел в свет"

Таких, как наш герой:

У нас наследных принцев нет.

(Юрий Благов, "Правда", 25.01.1986) .

Вот все это вместе взятое вероятно привело к тому, что опальные члены ЦК решили выразить в какой-то форме свое недовольство на предстоящем предсъездовском пленуме ЦК, не без основания рассчитывая на солидарность своих старых коллег, все еще находящихся у власти. Ведь сатирические стрелы против "наследных принцев" целились не только в одного — Юрия Брежнева, но и в Игоря Андропова, Анатолия Громыко и тысячи других "принцев", которым их высокие посты тоже достались не из-за их личных талантов, а потому, что их "папы знамениты". Ведь это не секрет, что дети высшей партийно-государственной бюрократии начинают свою карьеру не снизу, как все смертные, а в той высшей среде, в которой они родились. Власть в СССР не наследственна в сословном смысле, но она вполне преемственна в силу принадлежности родителей "балбесов" к господствующему классу.

Есть улики, подтверждающие, что опальные члены ЦК проявили активность накануне съезда для защиты своих интересов. В Кремле умеют хранить тайну закулисной борьбы, но ее конечный результат выходит наружу в виде "решения по организационным вопросам", когда сообщается, кого возвысили, кого передвинули, а кого и грубо

выкинули, хотя и не даются никакие объяснения, почему и как все это произошло.

На предсъездовском заседании Политбюро и вслед за ним на февральском пленуме ЦК обсуждались не только доклады Горбачева и Рыжкова, но и "организационные вопросы". Едва ли они касались только вывода Гришина из Политбюро и Русакова из Секретариата. Вероятнее всего, обсуждалась общая организационно-кадровая политика нового генсека. Несомненно обсуждался и список будущего состава пленума ЦК. Такой список составляет Политбюро, а утверждает пленум ЦК. Это ведь неписанный закон — данный состав пленума ЦК предрешает состав будущего ЦК, который надлежит съезду "выбирать". Судя по итогам этих "выборов" на съезде, а также анализируя текст доклада Горбачева, утвержденного пленумом, приходишь к выводу, что на февральском пленуме ЦК подверглась критике как общая политика нового руководства, так и организационно-кадровая политика Горбачева. Оглашенные на съезде политические, экономические и организационные решения были приняты на этом пленуме ЦК.

За это говорят, кроме внезапного прекращения чистки, еще два принципиально важных заявления Горбачева на съезде, которые он тщательно избегал делать до февральского пленума ЦК. В первом заявлении он почти буквально повторил то, что говорил Брежнев о кадрах: "Кадры — самое главное, самое драгоценное наше достояние". ("Правда", 26.02.1986).

Это был явный отбой чистки. Тот, кто непосредственно руководил чисткой — Лигачев, притворился, что ничего особенного не произошло

и никакой чистки не было. Он даже сделал реверанс в сторону старых кадров, к которым, видите ли, только прибавились "свежие силы". "Испытанный кадровый корпус, — сказал он, — пополняется выдвижением свежих сил". ("Правда", 28. 02. 1986). Более важным было вынужденное признание нового генсека, что он будет держаться ленинских норм "всемерного развития демократии внутри самой партии, осуществляя *на всех уровнях принцип коллективного руководства*". Являются ли оба эти заявления тактическим ходом Горбачева, рассчитанным на стабилизацию своего режима, остается его тайной. Зато они свидетельствуют о попытках старых кадров предупредить единовластие Горбачева и восстановить коллегиальность в руководстве. Лигачев даже утверждал, что "во всех случаях Политбюро и Секретариат действовали коллегиально", но не осмелился то же самое сказать о пленумах ЦК, которыми столь очевидно манипулировало новое руководство.

В отношении внешних дел Горбачев повторил уже разобранный нами внешнеполитическую стратегию из новой программы. Поэтому ограничимся здесь общими замечаниями. XXVII съезд был в отношении его участников необычным зрелищем даже по сравнению с предыдущими съездами: он напоминал три разных форума сталинских времен, которые заседают вместе, — съезд КПСС, Конгресс Коминтерна и ассамблею "народного фронта" тридцатых годов. В самом деле, посмотрите на состав участников съезда. В нем участвовали, по классификации Лигачева, "152 делегации коммунистических, рабочих, революционно-демократических, социалистических, социал-демократических, лейбористских и других партий... Они прибыли

из 113 стран всех частей мира". ("Правда", 26.02.1986).

Горбачев заявил, что в свободном мире существуют три основных центра империализма: США, Западная Европа и Япония, которые якобы погружены в глубокие противоречия между собой. Здоровая экономическая конкуренция, движущая сила развития техники и экономики на Западе, по Горбачеву — не великое преимущество, а недостаток свободного мира. Как бы обращаясь к делегатам из стран третьего мира, Горбачев утверждал: "Система империализма продолжает жить в значительной мере за счет ограбления развивающихся стран, их самой безжалостной эксплуатации". Этот же империализм способствует геноциду народов. Иностранные делегаты, преимущественно из стран третьего мира, активно участвовали в прениях, но никто из них не напомнил Кремлю советский геноцид в Афганистане и его неокOLONиальный режим в странах Восточной Европы.

Беспрецедентным диссонансом прозвучали на съезде речи представителей двух поколений большевизма — от "молодых" Ельцина и от стариков Громыко. Речь Ельцина — апология молодости и новаторства, речь Громыко — гимн сталинско-брежневской старине и старикам. В этих речах нашла свое отражение суть конфликта двух линий двух поколений. Ельцин начал с заявления, что, следуя ленинскому оптимизму, съезд происходит в атмосфере "призыва к борьбе со старым, отжившим во имя нового"; он нарисовал лицо старого режима и стиль старых руководителей: "Много возникает "почему". Почему из съезда в съезд ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось

слово "застой"? Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партбилетом?" ("Правда", 27.02.1986).

На все эти "почему" у старых партийных руководителей, по Ельцину, не было ответов потому, что не было "мужества своевременно объективно оценить обстановку". Он добавил: "Непререкаемость авторитетов, непогрешимость руководителя, "двойная мораль" — в сегодняшних условиях нетерпимы". В попустительстве коррупции Ельцин прямо обвинил брежневский ЦК: "Неужели в ЦК КПСС никто не видел, к чему идут дела в Узбекистане, Киргизии, в ряде областей и городов, где шло, прямо скажем, перерождение кадров". Ельцин осмелился задеть и тему о "привилегиях". Он сказал, что когда бываешь в народе, "неуютно чувствуешь, слушая возмущение любыми проявлениями несправедливости... Но особенно становится больно, когда напрямую говорят об особых благах для руководителей... Мое мнение — там, где блага руководителей всех уровней не оправданы, их надо отменить". Ельцин поставил вопрос, почему обо всех этих вещах он не говорил на прошлом съезде, и тут же ответил: "Видно, тогда не хватило смелости"!

Громыко выступил после Ельцина. Громыко начал речь с косвенной критики языка и стиля партийных документов нового руководства: "У коммунистов всегда в почете деловой язык, строгие деловые оценки, нам чужды просто красивость и выпренность в оценках". А по существу дела заявил следующее: "Мы все хотим видеть молодежь преданной идеалам коммунизма — идеалам старших

поколений, своих отцов... Не положено никому забывать, что это они, старшие поколения, защищая дело революции, добывали свои победы клинками красной конницы... В годы войны против фашистских агрессоров — это они, старшие поколения советских людей..." и так далее.

Ближе касаясь внутрипартийных дел и стараясь выразаться по возможности метафизически, чтобы скрыть происходящую в ЦК борьбу "старых" и "молодых", Громыко невольно выдал как раз эту борьбу. Вот замечательное место в его речи на этот счет: "Съезд является ярким свидетельством сплоченности рядов партии и ее идейного единства... Никому не должно быть позволено под предлогом поощрения здорового и нужного дела критики и самокритики прибегать к вымыслу о трещинах в нашей партии... Тех, кто этим занимается или занялся бы, следует ставить на место — по заслугам. Критика как мощное и эффективное оружие партии и охаивание честных коммунистов — это не одно и то же, и даже вовсе не одно (аплодисменты)". Это аплодировали члены "сообщества пострадавших" вместе со всеми представителями поруганного старшего поколения. Однако важно то, о чем Громыко говорил только намеками: во время чистки партия дала "трещину", старые кадры восстали, и тогда молодым кадрам пришлось капитулировать на названном февральском пленуме ЦК. Иначе не было бы никакого смысла во всей этой критике Громыко против "охаивания" старых кадров. Я далек от мысли, что Громыко мстит Горбачеву за свое уничтожающее "повышение". Зато вполне допускаю, что он взбунтовался и отказался подписывать дальнейшие указы Верховного Совета о снятии своих старых коллег министров, когда

увидел, что скоро кто-то другой подпишет указ Верховного Совета о его собственном снятии. Громыко был единственным оратором в прениях по докладу Горбачева, которого съезд наградил качественно такими же аплодисментами, что и самого генсека: "бурные, продолжительные аплодисменты", — гласит протокол съезда ("Правда", 27.02.1986). Громыко возглавил бунт стариков против "младотурок". Речь Громыко и итоги выборов нового ЦК на съезде свидетельствуют, что "трещина" в партии не чей-то вымысел, она обозначилась в Политбюро и проходит по ЦК.

Следует отметить один интересный момент в речи Лигачева, который свидетельствует, что не во всем царит гармония между генсеком и "вторым генсеком". Газета "Правда" — центральный орган ЦК КПСС. Со времени Сталина она считается непогрешимой и поэтому стоит вне критики, какой подвергаются другие органы советской печати. Поэтому как сенсация прозвучало заявление Лигачева на съезде, что у "Правды" он обнаружил серьезное грехопадение.

Он говорил, что некоторые газеты в предсъездовских "обсуждениях" допустили "срывы", но назвал только "Правду": "К сожалению, отдельные газеты допустили срывы, в том числе не избежала их и редакция "Правды". ("Правда", 28.02.1986).

В чем же заключались эти срывы "Правды"? В ней были напечатаны, кроме цитированных выше стихов, выдержки из читательских писем, в которых содержалась принципиальная критика по двум принципиальным вопросам. Тут же замечу, что такие письма никогда не появились бы в "Правде", если бы их печатание не было согласовано лично с самим генсеком. Приведем

выдержки. Рабочий В.Иванов пишет: "У меня сложилось мнение, что между Центральным Комитетом и рабочим классом все еще колышется малоподвижный, инертный и вязкий партийно-административный слой, которому не очень-то хочется радикальных перемен".

Старый коммунист Н.Николаев пишет: "Рассуждая о социальной справедливости, нельзя закрывать глаза на то, что партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и даже комсомольские руководители подчас объективно углубляют социальное неравенство, пользуясь всякого рода спецбуфетами, спецмагазинами, спецбольницами и т.п. ... Привилегий быть не должно. Пусть начальник пойдет вместе со всеми в обыкновенный магазин и на общих основаниях постоит в очереди — может быть тогда и всем надоевшие очереди скорее ликвидируют". ("Правда", 13.02.1986).

После выступления Лигачева главный редактор "Правды" Афанасьев считал, что его партийная карьера кончилась. Он заявил иностранным корреспондентам, что он, вероятно, вернется обратно к научной работе (он один из редких талантов в советской социологии). Но Афанасьев ошибся. Горбачев ввел его в членский состав нового ЦК, что доказывает, что в данных вопросах генсек взял сторону того, кому он, очевидно, давал указание напечатать "крамольные" стихи и письма.

Если новый генсек пришел к власти не на съезде, а между съездами, то он должен считаться с ЦК, созданным его предшественником, вынужден лавировать, заключать компромиссы, может быть, расходящиеся с курсом, который он намеревается проводить. Особенно трудным

может стать положение генсека, который пришел к власти, опираясь на силы вне аппарата партии — на политическую полицию. Так пришел к власти Андропов, так сделался генсеком и Горбачев. Готовясь к своему первому съезду, Горбачев вероятно почувствовал все трудности новой ситуации и всю ограниченность своей власти нового генсека, имея дело со старым ЦК и будучи зависимым от КГБ. Горбачев достаточно натренированный партаппаратчик, чтобы видеть, что сила, которая привела его к власти, легко может его и убрать, если он постарается проводить собственную политику. Поэтому первой заботой Горбачева перед съездом было ограничение возможностей КГБ организовать новый заговор.

Отсюда его дальновидный шахматный ход, исключительное значение которого могут понять только посвященные: снятие верховного чекиста Федорчука с поста министра внутренних дел СССР и назначение на его место своего приятеля, коллеги и непосредственного соседа, когда Горбачев работал на Северном Кавказе, — бывшего первого секретаря чечено-ингушского обкома А.В.Власова. Внутренние войска МВД СССР переходят в подчинение КГБ в оперативном отношении, если где-нибудь вспыхнуло народное восстание, но может ли КГБ использовать их в заговорщицких целях, зависит от того, кто возглавляет МВД СССР (Брежнев во главе МВД СССР держал своего друга Щелокова, которого КГБ начал усиленно дискредитировать, готовясь к захвату власти). Вот этот акт Горбачева и привел к образованию первой трещины между ним и КГБ. Свое недовольство по этому поводу Чебриков выразил на съезде, когда, не только вопреки существующему порядку, но и

конституции СССР, заявил, что органы КГБ "обеспечивают безопасность не только государства, но и безопасность советского общества". ("Правда", 1. 03.1986). Общественная безопасность — это не функции КГБ СССР, а МВД СССР.

К съезду готовились одинаково интенсивно как исполнительная власть меньшинства Горбачева, так и законодательная власть большинства брежневского ЦК. Подготовка Горбачева была у всех на виду: снятие с должностей брежневских соратников в центре и засидевшихся секретарей партии на местах, подбор будущих делегатов XXVII съезда на местных конференциях и съездах преимущественно из новых людей, чтобы их голосами выбрать угодный генсеку ЦК (76,5 % из 5 000 делегатов присутствовали на съезде впервые). Подготовка брежневского большинства пленума ЦК к съезду не была видна, она велась за кулисами. За время своего генсекства Горбачев достаточно, порой вызываясь, поиздевался над этим пленумом. Он часто созывал пленумы, из избранного числа его членов, только для голосования. Даже на том "историческом" пленуме ЦК, на котором его объявили генсеком, по сведениям "Шпигеля", присутствовала только одна треть его членов. Однако обойти заседания пленума ЦК в его полном составе не было никакой возможности как раз накануне съезда. Выбор, как поступить со своим оппозиционным ЦК, у Горбачева тоже был ограничен: либо разогнать такой ЦК, либо капитулировать перед его внутриполитическими требованиями.

В чем же они заключались? Они выяснились на съезде как в принятых решениях, так и в отказе принять решения, которых все ожидали:

1. Никаких "радикальных реформ" не будет, будут лишь перестройки существующего управления "экономическим механизмом" и некоторые социальные заплаты на рубище советского "полицейского социализма".
2. Чистка прекращается.
3. Новый Центральный Комитет на 60 % состоит из старых его членов, куда включены и виднейшие представители опальных кадров, снятых с их ответственных должностей (Тихонов, Байбаков, Пономарев, маршал Огарков, маршал Толубко, адмирал Горшков).
4. Материальные привилегии партийно-государственной "номенклатуры" остаются в силе.
5. Генсек не единоличный лидер, а "первый среди равных".

Горбачев предпочел капитуляцию и принял эти требования. Однако старые кадры явно не поверили Горбачеву на слово, что у него нет амбиций диктатора и он будет лояльно их выполнять, соблюдая принципы "коллективного руководства". Это недоверие ему выражено в двух важнейших решениях съезда: в резолюции съезда по его докладу и в новом уставе. В резолюции сказано: "Исходя из того, что здоровая, нормальная жизнь немыслима без *строгого соблюдения* внутренней демократии, принципа *коллективности* руководства, съезд считает *актуальной задачей* *повышение роли коллегиальных органов*". ("Правда", 6.03.1986).

Несмотря на то, что в преамбуле устава партии периода Хрущева и Брежнева, а также в проекте нового исправленного устава Горбачева уже говорилось о "коллективности руководства", съезд

посчитал за лучшее дополнить существовавшее при всех генсеках определение "демократического централизма" новым пунктом, в котором записал, что должна быть "коллективность в работе всех организаций и руководящих органов партии". ("Правда", 6.03.1986).

Разве нужны еще более веские доказательства, что старая олигархия и партийно-государственная бюрократия демонстративно напомнили новому генсеку границы его власти и поставили его под свой контроль? Покровитель и союзник генсека — КГБ, верно оценив создающуюся в партии ситуацию, решил воспользоваться ею для усиления собственной власти, лавируя между старыми и новыми кадрами при помощи своих классических методов — шантажа, провокации и интриг. Дискриминированная им армия не в восторге от своего верховного главнокомандующего. Партократия видит в нем узурпатора. Лигачев, вероятно, метит в генсеки. Громыко явно заявляет претензии на роль духовного вождя партии и верховного судьи в ее внутренних делах. Тяжелые времена предстоят Горбачеву. Все догадки Запада — кто сидит в Горбачеве — маленький Сталин, большой Брежнев или советский Дубчек, — остались без ответа и после его первого съезда. Нам ничего не остается, как продолжать гадать.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Генсек и его власть	5
---	---

ЧАСТЬ I. ОТ БРЕЖНЕВА К АНДРОПОВУ

Глава 1. Последний съезд Брежнева	17
Глава 2. Польская революция и Кремль	40
Глава 3. Борьба за наследство Брежнева	50
Глава 4. Дворцовый переворот Андропова	65
Глава 5. "Теоретик" Андропов и наследник Черненко	91

ЧАСТЬ II. ПАРТОКРАТИЯ ПОД МАСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Глава 1. Партия, партаппарат и Советы	114
Глава 2. Партия, интеллигенция и армия	134
Глава 3. Партия и ее национально-коло- ниальная политика	151
Глава 4. Фантазии Маркса и реалии "раз- витого социализма"	166

ЧАСТЬ III. ГОРБАЧЕВ У ВЛАСТИ

Глава 1. Путь Горбачева к власти	183
Глава 2. Горбачев — представитель четвер- того поколения большевизма	197

Глава 3. Внутриполитические приоритеты	
Горбачева	209
Глава 4. Внешнеполитические приоритеты	
Горбачева	218
Глава 5. Чекизация Кремля	236

ЧАСТЬ IV. НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ

Глава 1. Первая, вторая и третья программы	
партии	259
Глава 2. Внутриполитическая часть новой	
программы	275
Глава 3. Внешнеполитическая стратегия	
в новой программе	291
Глава 4. Перемены в Кремле и новая фаза	
в советской внешней политике	301

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Съезд неоправданных	
ожиданий и неожиданных	
сюрипризов	319

Абдурахман Авторханов, по национальности чеченец, родился на Кавказе. В 1937 г. окончил Институт красной профессуры в Москве. В том же году был арестован. Освобожден в 1942 г. В 1943 г. эмигрировал на Запад, где выдвинулся своими советологическими трудами. В новой книге "От Андропова до Горбачева" Авторханов доводит до XVII съезда КПСС анализ

функционирования советской власти, который был начат им в двухтомном исследовании "Происхождение партократии" (1973) и продолжен в трудах "Загадка смерти Сталина" (1976) и "Сила и бессилие Брежнева" (1979).